

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. Вернадского

Том 17 (56). № 2
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Симферополь
2004

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 17 (56). №2
Политические науки.

Симферополь, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2004 г.

Журнал основан в 1918 г.

ISSN 1606-3715

Свидетельство о регистрации – серия КМ № 534
от 23 ноября 1999 года

Редакционная коллегия:

Багров Н. В. - главный редактор
Бержанский В. Н. - заместитель главного редактора
Ена В. Г. - ответственный секретарь

Редакционный совет серии «Политические науки»

Артюх П. И., доктор политических наук, профессор,
Габриелян О. А., доктор философских наук, профессор (редактор отдела),
Кальной И. И., доктор философских наук, профессор,
Кащенко С. Г., доктор исторических наук, профессор,
Муляр В. И., доктор философских наук, профессор,
Филатов А. С., кандидат философских наук (ответственный секретарь),
Швецова А. В., доктор философских наук, профессор,
Шоркин А. Д., доктор философских наук, профессор (редактор выпуска),
Юрченко С. В., доктор политических наук, профессор,

Гаспарян М. В., технический редактор.

Печатается по решению Ученого совета Таврического национального университета
им. В.И. Вернадского. Протокол №8 от 30 сентября 1999 г.

© **Таврический национальный университет, 2004 г.**

Подписано в печать 13.08.2004. Формат 70x100 ¹/₁₆

11,2 усл. п. л. 12,0 уч.-изд. л. Тираж 500. Заказ № 248.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ.

ул. Ялтинская, 4, г. Симферополь, 95007.

"Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського"

Науковий журнал. Том 17(56). №2. Серія "Політичні науки".

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2004

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: вул. Ялтинська, 4, м. Сімферополь, 95007.

Надруковано у інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету
ім. В. І. Вернадського. вул. Ялтинська, 4, м. Сімферополь, 95007.

УДК 323.2 (477)

О. А. Габриелян

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УКРАИНЕ

В последние десятилетия мы стали свидетелями рождения (или возрождения) идеала Гражданского общества. Прежде понятие гражданского общества занимало разве что историков философии, интересующихся, например, Локком или Гегелем. Оно не вызывало широкого резонанса, не будило живого отклика. Наоборот, казалось, что понятие это покрыто пылью. И вдруг его извлекли почти что из небытия, очистили и превратили в сияющую, надраенную до блеска эмблему.
Эрнест Геллнер

Теория гражданского общества в нашей стране находится в стадии разработки. Нет ни единого понимания феномена, ни общепризнанного понятийного аппарата¹. Нет даже согласия в признании существования самого феномена, так как встречаются позиции, утверждающие, что это всего лишь очередной социально-политический миф. В таких условиях необходимо изначально задавать параметры собственного подхода и вести дискуссию в обозначенных рамках. Нас не интересует ни история вопроса, ни его философия. Для социальной жизни они не имеют серьезных практических последствий в краткосрочной перспективе.

Если считать марксизм философией, политэкономической теорией или идеологией, наиболее повлиявшей на практику социальной жизни (как это обычно утверждается), то даже в этом случае реальное советское общество имело мало общего (если не сказать больше) с трудами классика. Поэтому оставим истории и философии их хлеб и постараемся осознать практику реального бытия украинского социума в сравнении с организацией общественной жизни на Западе. Сколько бы мы ни лукавили и ни спорили, все же придется признать, что представление о гражданском обществе мы переняли у Запада. Более того, все дискуссии как раз и ведутся вокруг чего-то, что все смутно себе представляют в силу своей начитанности или информированности относительно западного устройства общества. Начинаются походы в историю западной же социально-политической мысли или отечественные изыскания “за” или “против” и даже куда-то в бок – в собственную историю.

Такие уточнения очень важны, так как, подменив рай коммунистическим обществом, мы ухватились за новый миф – гражданское общество. Потеряв коммунизм как веру, осознанно или неосознанно мы пытаемся водрузить на его место новый идеал – гражданское общество. Дело философов – строить новые идеальные конструкции и открывать новые интеллектуальные горизонты. Дело политологов – ис-

следовать реальное общество и предлагать рекомендации по улучшению социальной жизни. Поэтому *мы предлагаем исследовать не утопические изыскания, а практику построения гражданского общества, данного в реалиях западной цивилизации, и постараться разобраться с возможностью его формирования и функционирования в Украине.*

Поэтому цель данной статьи – ответить на вопросы:

1. Какой смысл вкладывает в понятие гражданское общество политическая элита Украины?
2. Как это находит отражение в правовой, интеллектуальной, социокультурной, экономической сферах функционирования украинского общества? Есть ли у украинской политической элиты проект построения гражданского общества в Украине?
3. Можно ли объективно осуществлять мониторинг реализации этого проекта?

Основным методом исследования может служить концепция идеальных типов М. Вебера. Напомним, что смысл идеальной типологии заключается в конструировании некоторых образов-схем, позволяющих наиболее удобным способом упорядочивать эмпирический материал. Идеальным типом гражданского общества для нас будет выступать некоторый обобщенный образ реально существующих социумов западного мира – США, передовых стран Европейского Союза. Эмпирическим материалом нам будут служить данные о социально-политическом, культурном, экономическом развитии Украины за годы независимости.

Основная задача статьи – проанализировать реальный процесс становления гражданского общества в Украине.

Гражданское общество как идеальный тип

В настоящее время множество дефиниций гражданского общества начинает более или менее четко распадаться на два подмножества. Одно подразумевает под гражданским обществом различные формы самоорганизации граждан. Такое определение имеет известную философскую традицию, начинающуюся с европейского Просвещения. Второе определение фиксирует новые исторические обстоятельства. Общества современных развитых стран самоопределяются как гражданские. Оба отмеченных подмножества являются пересекающимися, то есть возможно такое сочетание этих определений, которое непротиворечиво. *Под современным гражданским обществом мы будем понимать модель общества высокоразвитых демократических государств Запада, которые представляют собой самоорганизующиеся сообщества людей. Взятые в своей совокупности, эти сообщества придают обществу новое качество – быть гражданским. Оно включает в себя общественное благо как интегральную ценность.* (Такое определение гражданского общества мы назовем определением в широком смысле).

Здесь нет противопоставления государства и гражданского общества как подструктур самоорганизации общества. Такое понимание соответствует реалиям западного мира 90-х годов двадцатого века и начала двадцать первого.

Время изменилось, и сегодня современное западное общество в целом, включая государство, приобрело качество гражданственности. Государство не уравновешено гражданским обществом, а само становится гражданским по характеру управления (через общественные организации), по характеру принятия решений (при участии общественных организаций), по характеру контроля (совместно с общественностью), по транспарентности (открытости для общества) и даже легального насилия (суд присяжных). Во всех ветвях власти мы видим новые гражданские качества у западного государства. Причем все это как нормативно, так и реально. «Феномен гражданского общества существует в странах североатлантического региона. Они живут по его законам, по крайней мере с 1945 года, не отдавая – или почти не отдавая себе в этом отчета. Лишь в последние двадцать лет, после того как страны Восточной Европы открыли для себя этот идеал, жители либеральных государств, расположенных по обе стороны Северной Атлантики, поняли, чем они в действительности обладают и что должны хранить как зеницу ока. Им напомнили об этом восточноевропейцы, которые нашли термин, чтобы обозначить то, чего в действительности у них нет. Но коль скоро мы теперь это знаем, мы должны также понимать, что наша либеральная цивилизация граничит на востоке и юго-востоке с иными обществами, относящимися к двум совершенно различным типам» (Э. Геллнер)².

В отмеченном нет противоречий, так как качество быть гражданином является доминирующей ценностью в деятельности государственного чиновника. Поэтому в западном обществе общественное мнение, не имеющее формальной силы закона прямого действия, тем не менее реально такой силой обладает. Лучшим подтверждением этого является уход должностных лиц в отставку в результате общественного порицания или даже его угрозы в западных демократиях.

Отмеченная самоорганизация происходит в результате частной активности людей, реализующих свои личные интересы как общественные. Гражданское общество – это самоорганизация людей по различным социально значимым основаниям, самым разнообразным и рациональным. Гражданское общество – это всеобщий консенсус, достигаемый в рамках рационального дискурса (Ю. Хабермас).

Данное определение гражданского общества с дальнейшими пояснениями следует рассматривать как операциональное, а не только субстанциональное. Оно позволяет очень четко обозначить реальные формы существования гражданского общества, изучать их и совершенствовать. Возможна такая операционализация, которая позволяет передавать этот опыт функционирования гражданского общества. Возникает возможность множить этот опыт в разных странах, культурах, среди людей, принадлежащих к различным религиям и конфессиям. Опыт гражданского общества распространяется как опыт рационального обустройства социальной жизни.

Современное реально существующее гражданское общество – это результат модернизации западного общества, которое преодолело традиционализм. Традиционные общества передавали будущим поколениям не только свой позитивный опыт, но и негативный. Они апеллировали к вере. Модернизированное общество подвергает ревизии все отношения и интересы, находит формулы их согласования,

и именно этот опыт закрепляется и передается. Но новое поколение принимает этот опыт не в силу традиции или веры, он подвергает его рациональному анализу и тестированию на практичность. *Социальная прагматика, основанная на доверии, оказывается удивительно эффективной.*

Современное гражданское общество в западных странах взяло на себя функцию коллективной идентичности. И именно поэтому становится понятной роль в них среднего класса. Очевидно, что общество не состоит полностью только из него, так же как совокупность самоорганизованных сообществ не охватывает все население государства. Но люди именно этого класса составляют основу гражданского общества. *Создание среднего класса есть одно из условий формирования гражданского общества, и возникновение различных сообществ по социальным интересам содействует развитию такого класса. Механизмы баллотировки и преодоления анонимности в таких сообществах фактически формируют сообщества доверия. А последние есть основа бизнеса, следовательно, развития экономики.* Экономическая свобода человека является предпосылкой его участия в рациональном дискурсе и демократизации общества, превращения его в гражданское.

Реально функционирующее гражданское общество выстраивает горизонтальные связи и отношения взаимовыгоды, равного партнерства и ответственности. При этом демократия есть условие возможности рационального дискурса, который, в свою очередь, может привести к консенсусу по поводу не только универсальных форм поведения, но и решения социальных задач.

Общество может быть демократическим, но далеким от идеального типа гражданского общества. Например, во Франции. Вместе с тем нет реально функционирующих западных гражданских обществ без демократического устройства его политической жизни.

Реальное построение гражданского общества не может уповать на силу этических норм или некоторые идеальные представления. Перед обществом стоит рационально-техническая задача совмещения реального поведения людей реального общества путем последовательного приближения к идеальной модели его обустройства. Необходимо помнить, что эта модель динамична и что она сама является предметом социального обсуждения и согласия. Практически невыполнимой задачей является создание совершенной модели. *Социальный реализм в построении гражданского общества заключается в том, чтобы общество было готово достигать согласия по некоторым моделям, пусть не самым лучшим на текущий момент, но гласно или негласно принятым большинством. Таким образом, выявляется другая крайне важная функция гражданского общества – функция легитимации социальных отношений.*

Однако любая из моделей гражданского общества должна строиться на принципах свободы, справедливости, солидарности, согласия, дополненных принципами ответственности, выгоды, личного соучастия и доверия. *Гражданским обществом двигает великая прагматика, но только во благо общества.* Не любая социальная самоорганизация автоматически становится частью гражданского общества. Так можно дойти до абсурда и признать криминальные структуры тоже частью граж-

данского общества. *Безусловно, самоорганизованные сообщества гражданского общества объединены определенными и даже специфическими интересами, но их отличает то, что их представление о благе общества соответствует базовым социокультурным параметрам социума в целом.* Не всякое самоорганизованное сообщество автоматически становится частью западного гражданского общества. В частности, и религиозные конфессии выпадают из этого ряда по совершенно другим основаниям. Основанием их построения выступает не рациональный дискурс, а вера. И только там, где конфессии вступают в рациональный дискурс с иными институтами и сообществами, они становятся частью гражданского общества. Только в этом широком смысле можно говорить о партиях, профсоюзах, СМИ, трудовых коллективах, органах самоуправления, семье как о сегментах гражданского общества.

В традиции западной общественно-политической мысли социум подразделяется на три сектора: государственный, частный и общественный (третий сектор). Вообще говоря, партийная система в западном мире не рассматривается как составной элемент третьего сектора. Также мало кто включает профсоюзы в структуру гражданского общества. *В западном обществе стало общепринятой традицией понимать под гражданским обществом третий сектор, то есть ту часть социума, которая самоорганизовалась в общественные организации.* (Такой подход к пониманию гражданского общества будем называть определением в узком смысле). Партийная система как бы попадает в первый сектор, а профсоюзы – во второй, то есть они представляют собой скорее часть инфраструктуры этих секторов.

Лучшее подтверждение тому, что в западном мире есть некоторый консенсус по поводу единого понимания понятия гражданское общество, можно найти в программах различных фондов – Форда, МакАртуров, Братьев Рокфеллеров и др.³. Такое же понимание гражданского общества разделяют международные донорские организации, государственные благотворительные фонды, а не только частные фонды. Членство в организациях третьего сектора, как правило, добровольное и открытое. Именно они выступают главными бенефициариями, укрепляющими гражданское общество.

Понимание гражданского общества как третьего сектора демонстрирует и Организация Объединенных Наций. Причем оно устойчиво выстраивает свои отношения с неправительственными организациями национального и международного уровня уже на протяжении многих десятилетий. Для этого выработаны соответствующие механизмы аккредитации. Если проанализировать эти отношения, то станет очевидным, что они стали разнообразнее и шире, что подтверждает активную заинтересованность ООН в привлечении неправительственных организаций (НПО) к своей деятельности. Не следует думать, что такое вовлечение в работу ООН НПО – простая процедура, которая не создает серьезных проблем не только в регламенте ее работы⁴.

Как мы уже отмечали, без демократии не может быть гражданского общества. Это необходимое, но недостаточное условие. Демократическое общество, основанное на свободных и честных выборах, сегодня нуждается в гражданском обществе. Задача у гражданского общества – не только обеспечить демократизацию общества,

но и эффективно управлять его жизнью посредством участия в процессе принятия решений на всех уровнях его функционирования⁵.

Такое понимание гражданского общества существенно отличается от классического понимания его в работах Гегеля или Токвиля и даже почти нашего современника Антонио Грамши, благодаря которому в практику политологического дискурса это понятие вернулось в 70-е – 80-е годы прошлого века. Современное гражданское общество в виде совокупности общественных организаций третьего сектора расширило понимание публичного социального участия граждан в жизни общества. Выборы становятся всего лишь одной из форм такого участия. Общественные организации привносят такие элементы участия, как новые знания, идеи, возможности анализа политий и соответствующие рекомендации. Их сила в способности мобилизовать общественное внимание и мнение относительно того или иного вопроса или проблемы путем морального или интеллектуального авторитета. Эти организации часто не имеют формальной возможности влиять на процесс принятия решений, но те, кто принимает решения, не могут игнорировать их авторитет. *Короче, они используют свой голос, не пользуясь голосованием⁶. Таким образом, третий сектор легитимирует власть.*

Особенность устройства современного западного общества заключается в том, что, с одной стороны, оно, будучи рыночным, освобождает индивидуума от традиционной морали, религии и политического влияния, но, с другой стороны, создает новые формы социальных зависимостей. Рыночная экономика и демократия есть необходимые условия современного гражданского общества западного типа.

Мы постарались представить идеальный тип современного западного гражданского общества. Наша задача – постараться ответить на поставленные выше вопросы, исходя из этого идеального типа.

Теоретическое осмысление процесса формирования гражданского общества в Украине

Безусловно, можно говорить о различных измерениях гражданского общества: этическом, экономическом, политическом и др. Предложенное выше определение касается реально функционирующих развитых западных обществ. Эти общества как реальные далеки от идеального типа гражданского общества с полным набором исполняемых высоких этических норм в эффективно функционирующей экономике, которой соответствует стройное здание демократической политической системы. Философы будут веками исследовать возможность такого общества. Нас же больше интересует то, что сегодня существует в мире, как можно воспользоваться чужим опытом построения гражданского общества. Ведь если мы взяли за образец конституции этих стран и прописали в собственной конституции как задачу построение такого общества (хотя и в неявном виде), то мы должны разработать соответствующую политико-правовую теорию. Следовательно, мы должны разработать проект

его построения и предложить расчеты основных параметров этого общества. А в ходе строительства – осуществлять “технический и архитектурный надзор” по заявленным параметрам.

Западное общество, приобретя качество быть гражданским, единым пакетом предоставляет эпитогам рыночную экономику, независимые СМИ, политическую оппозицию, демократическое, социальное, правовое государство. Не так уж обязательно, чтобы Украина заимствовала весь пакет. И это возможно, как, скажем, вышеприведенный пример с Францией. Но тогда мы должны выработать свои эффективные механизмы отношения общества и власти. Опыт десятилетия независимости показывает, что мы это сделать не в состоянии, и проще воспользоваться чужими наработками.

Анализируя состояние формирования гражданского общества в современной Украине, мы будем говорить о формировании третьего сектора, о возникновении нового типа общественных организаций, принципиально отличных от квазиобщественных организаций советского периода. *Во-первых*, их деятельность регламентируется законом таким образом, что взаимоотношает их и государство. *Во-вторых*, такое размежевание деятельности подтверждается практикой их существования. *В-третьих*, западные государства и общественные организации осуществляют не только мониторинг, но и ресурсную поддержку их деятельности, начиная от обучения и заканчивая финансированием проводимых этими организациями мероприятий. Отмеченный мониторинг является частью более общего сканирования и отслеживания процесса реформирования Украины. Нравится это нам или нет, но все происходит именно описанным образом. Вообще говоря, в этом нет ничего унижительного. “План Маршалла” для постсоветских государств осуществляется не столько через экономику, сколько через социальные инновации отмеченного типа.

Наше общество, оставаясь традиционным, мечется между демократией и порядком. Обыденное сознание так и не поднялось до понимания, что демократия имеет свой тип порядка, а свобода есть прежде всего ответственность. Демократия, свобода, ответственность оказываются взаимообусловленными феноменами.

Практика формирования гражданского общества в Украине

В своем последнем послании к Верховной Раде Президент заявил о необходимости более активной работы по созданию правовых и организационных условий для формирования институтов гражданского общества, ведь речь идет о реализации одного из базовых положений Конституции, которое устанавливает право граждан объединяться не только в партии, но и в общественные организации для защиты своих прав и свобод, удовлетворения политических, экономических, социальных и других интересов⁷. И как гарант Конституции Президент требует от Верховной Рады и Кабинета Министров усилить внимание к этой проблеме. Отмеченное симптоматично, хотя и риторично, так как нет серьезной экономической базы для развития

среднего класса. Но политическая элита уже приходит к пониманию необходимости построения гражданского общества⁸. Более того, Президент фактически предлагает конкретные шаги в этом направлении:

- принять новую редакцию закона “Об объединениях граждан”;
- на законодательном уровне четко определиться с финансово-экономической независимостью объединений граждан;
- широко привлекать их к принятию государственных решений;
- создать систему общественного контроля за действиями власти;
- создать эффективные механизмы для участия их представителей в работе профильных комитетов Верховной Рады;
- поддержать на государственном уровне организации, которые участвуют в решении социально значимых вопросов, с этой целью правительство должно разработать и внести на рассмотрение Верховной Рады предложения о конкретных формах и механизмах такой поддержки (предоставление на конкурсных основаниях субсидий, налоговых льгот, предоставление в пользование государственного имущества и др.);
- усовершенствовать институт общественной экспертизы, консультативно-совещательных органов при органах исполнительной и законодательной власти и местного самоуправления.

Однако в послании ничего не сказано, что же сделало государство хотя бы за 2003 год, а не только за последнее десятилетие.

Законодательной основой формирования и функционирования третьего сектора в Украине выступает Конституция (ст. 34, 35, 36, 41, 48) и Закон об объединениях граждан.

Указы Президента:

- “О всеукраинском общественном совете” (от 11 апреля 2001, № 244/2001),
- “О комиссии по содействию развитию гражданского общества” (от 11 апреля 2001, № 245/2001),
- “О мерах по государственной поддержке развития научно-просветительской деятельности общественных организаций” (от 16 мая 2001, № 316/2001),
- “О дополнительных мерах по обеспечению открытости в деятельности органов государственной власти” (от 01.08.2002, № 683/2002),
- “Об обеспечении условий для более широкого участия общественности в формировании и реализации государственной политики” (от 31 июля 2004, № 854/2004).

Распоряжение Президента Украины от 22 марта 2001 года № 67/2001-рп о проведении в Украине в 2001 году Международного года волонтеров и другие нормативно-правовые документы.

Из перечисленного законодательного материала трудно сложить представление о целостном проекте гражданского общества, которое мы строим. По сути, у нас нет ясности в этом вопросе, а задачи, которые поставил в своем послании Президент, только фрагментарно представляют этот проект. Возьмите деятельность правительства и его постановления. В частности, в программе деятельности правительства на 2004 год не встречаются мероприятия, направленные

ные на реализацию задач, поставленных Президентом. А известная позиция нынешнего спикера парламента относительно гражданского общества вообще ставит под сомнение наличие у политической элиты скоординированных действий в этом направлении и даже единого представления о гражданском обществе. *В Конституции страны записано, что мы строим демократическое, социальное и правовое государство. Но она не дает ответа на вопрос, какое общество мы строим.* Мы не находим его и в отмеченных нормативных документах. *Итак, нет не только целостного проекта, нет единого представления о таком проекте и нет особого стремления реально что-либо делать в этом направлении. Нет субъекта, заинтересованного в его реализации.* Однако было бы неверно утверждать, что в этом направлении нет никаких достижений. Как мы уже отметили, законодательно созданы необходимые (но далеко не достаточные) условия для функционирования общественных организаций, но не гражданского общества. *Власть не готова поделиться властью. Она с трудом открывает себя обществу. Это не оценка деятельности власти, а констатация факта. И ситуация не изменится, пока не появится средний класс, способный отстаивать свои интересы посредством институтов гражданского общества.* Последние два момента отмечает и В. Медведчук в своей статье «Перспективы развития гражданского общества в Украине». Он говорит об откровенном непонимании бюрократией роли гражданского общества, нежелании даже вступить в диалог, выслушивать иное мнение, а также о том, что неправительственные организации часто оказываются передовыми отрядами, отстаивающими социальные интересы, но лишенными подкрепления со стороны самих граждан⁹.

В Украине как части постсоветского пространства происходит активная трансформация всех сфер жизнедеятельности общества и государства. Динамизм преобразований, безусловно, высвободил энергию гражданской активности народа. Новейшая история Украины и Крыма, в частности, свидетельствует об этом. В том же послании Президента мы читаем, что по состоянию на 1 октября 2003 года в Украине было зарегистрировано 1352 всеукраинских общественных организации и 381 – международных. Областными управлениями юстиции зарегистрировано около 20 тысяч региональных общественных организаций. В частности, в Крыму – около 850 организаций. 70% общественных организаций – это объединения граждан, чья деятельность направлена на решение проблем социально не защищенных групп населения. Здесь же совершенно справедливо отмечается, что наступил момент, когда создание новых общественных организаций приобретает характер естественной самоорганизации определенных групп населения согласно их интересам. *Наметились новые тенденции. Если десять лет назад общественные организации были крайне политизированы, то сегодня они дистанцируются от политической борьбы. Однако вместе с тем возникают группы лоббирования их интересов.*

На наш взгляд, весь процесс возникновения третьего сектора в Украине прошел, по меньшей мере, два этапа, и в настоящее время мы наблюдаем переход к третьему этапу его развития.

Первый этап характеризуется активной регистрацией общественных организаций. Достаточно либеральный закон «Об объединениях граждан» позволял делать

это относительно просто. Возможно, первый этап развития общественных организаций имеет смысл обозначить как *романтический*. Это был период их активной регистрации. Очень многим казалось, что наличие печати и других атрибутов юридической самостоятельности автоматически приведет к росту их социальной значимости. Вообще говоря, здесь наблюдался интереснейший феномен. Конечно, членами и лидерами большинства новых общественных организаций стали бывшие партийные и комсомольские чиновники. Однако основную массу членов составили люди, «закатые» тоталитарной системой. Именно в этом смысле можно говорить об освобождении социальной энергии граждан. Но этот же фактор стал причиной того, что, например, почти три четверти из зарегистрированных общественных организаций в Крыму так и не состоялись как значимые общественные институты. Значительная часть их не приступила к активной работе и фактически прекратила деятельность.

Второй этап в развитии третьего сектора наступил тогда, когда стала проявляться явная тенденция не только регистрации специализированных общественных организаций, но и *развертывание работы в декларированных уставами областях деятельности*.

В настоящее время мы наблюдаем переход к качественно новому этапу развития третьего сектора. Его можно охарактеризовать как *этап системного изменения социальной реальности*. Выжившие организации пытаются активнее влиять на общественную жизнь. В них на постоянной основе работают профессионалы, а не только волонтеры. Власть и бизнес все с большим вниманием относятся к общественным организациям. Формируются устойчивые каналы взаимодействия. *Очень медленно власть начинает осознавать, что третий сектор становится системообразующим элементом общества*.

Отмеченное выше может рассматриваться в качестве тенденции развития третьего сектора. Особенным в развитии крымских общественных организаций является то, что межэтническая напряженность в регионе породила ряд формирований, деятельность которых разворачивается в этом проблемном поле. Почти все из них декларируют необходимость поиска межэтнического согласия. Однако общественные организации, возникшие по этническому признаку, в основном занимаются проблемами своих этнических групп и выражают в первую очередь их интересы. Наверное, в этом есть своя закономерность. На первом этапе возникновения и развития подобных организаций происходит внутренняя консолидация этнической общины. Только после этого наступит период поиска взаимовыгодного сотрудничества с другими этническими и социальными группами. В принципе воздействие этих организаций на межэтническую ситуацию крайне незначительно. Важно другое: власть начинает искать формы сотрудничества с общественными организациями и даже пытается институционализировать эти отношения.

Наступил момент перехода от этапа институционализации структур гражданского общества в Украине и их специализации к этапу реального функционирования – выполнения ими своих непосредственных функций. Еще 16 июня 2001 года Президент Украины на научно-практической конференции «Новые политические реалии Украины на рубеже тысячелетий» говорил: «Общественные организации должны

стать реальными каналами представления всего разнообразия социальных интересов, посредниками между различными социальными группами и властью. А структуры исполнительной власти, в свою очередь, должны учиться поэтапному делегированию этим организациям части своих полномочий". Лучшими и наиболее эффективными параметрами мониторинга формирования гражданского общества в Украине могут стать доходы населения (наличие среднего класса) и объем бюджета всех НПО. Но даже без цифр очевидно, что мы только в начале пути формирования гражданского общества в Украине¹⁰.

Примечания

¹ 23 ноября 2003 г в Киеве рамках проекта “Україна – це ми” состоялась конференция “Громадянське суспільство в стратегіях розвитку правової демократичної держави”. Ее материалы были опубликованы в научном альманахе «Кроки до громадянського суспільства. Концептуальні підходи до розвитку громадянського суспільства в Україні. Українська Академія Універсології» (Київ, 2004). Участники конференции попытались предложить Национальную концепцию развития гражданского общества в Украине и даже дали свой тезаурус. Можно только приветствовать усилия людей, но вряд ли в таком вопросе, как гражданское общество, можно дать исчерпывающие определения и тем самым как бы задать стандарты понимания и толкования понятий. На наш взгляд, они искусственно сконструированы, в известной степени нормативны и не отражают социально-политические реалии Украины. Безусловно, такой подход имеет право на существование, но нас интересует сама реальность и пути ее возможной трансформации. Для такого подхода мы предлагаем иные определения, при которых партии, профсоюзы, СМИ, церковь, трудовые коллективы, органы самоуправления, семья оказываются вполне самостоятельными социальными структурами, а не сегментами гражданского общества.

² Ernest Gellner, *Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals*. Hamilton. London, 1994.

³ См. L. Renz, *International Grantmaking, A Report on US Foundation Trends*. – New York, The Foundation Center and the Council on Foundations, 1997, p. 83

⁴ См.: N. Desai, *Globalization, Civil Society and the United Nations* UN Secretariat (for Senior Management Group meeting), 2001 (September); J. Foster, *Futures Beyond Threats: The UN, Civil Society and Global Governance*. North-South Institute, Ottawa, 2002; Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, 10 июля 1998 года, «Механизмы и практика взаимодействия неправительственных организаций в рамках всех мероприятий системы Организации Объединенных Наций», доклад Генерального секретаря A/53/170; Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, 8 сентября 1999 года, «Мнения государств-членов, членов специализированных учреждений, наблюдателей, межправительственных и неправительственных организаций из всех регионов по докладу Генерального секретаря о механизмах и практике взаимодействия неправительственных организаций в рамках всех мероприятий системы Организации Объединенных Наций», доклад Генерального секретаря A/54/329; A. Williams, *Background Paper on United Nations and Civil Society*, UN Secretariat, 2001 (29 October).

⁵ См. K. Stanton, *Promoting Civil Society: Reflections on Concepts and Practice // The revival of civil society: global and comparative perspectives*. St. Martin's Press, 1999, p. 243-244.

⁶ См. там же, с. 247

⁷ См.: Послання Президента України до Верховної Ради України “Про внутрішні і зовнішні становище України у 2003 році”.

⁸ Медведчук В. Перспективы развития гражданского общества в Украине // Зеркало недели № 4 (379).

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Громадянське суспільство в Україні. Аналітичний звіт. За результатами загальнонаціонального опитування недержавних організацій України. Світовий банк, Міжнародний Банк Реконструкції та Розвитку. 2003.

Поступило в редакцію 14 юня 2004 г.

УДК 321.01

А. А. Чемшист

ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УКРАИНЕ

Вопрос о формировании гражданского общества в Украине имеет два аспекта: теоретический и практический. Практически все авторы-теоретики интерпретируют гражданское общество так, как это делали во времена Просвещения, – как совокупность свободных ассоциаций граждан, отдельную от традиционалистского государства-семьи. Это положение является основой либеральной конституционной доктрины и соответствующих моделей общественного устройства, в том числе – в Украине. В рамках либерально-демократической модели каждый член общества, для того чтобы выжить, должен действовать на свой страх и риск. Какая-либо забота государства о благосостоянии граждан является признаком тирании, считает, например, живой классик неолиберализма М. Фридман [1]. Государство же и его институты должно только защищать от насилия население и его свободу, то есть охранять закон и порядок, охранять право собственности, служить как средство, по которому можно видоизменять права собственности и другие правила экономической игры, разрешать споры об интерпретации правил, обеспечивать исполнение контрактов, развивать конкуренцию, обеспечивать денежную систему, участвовать в деятельности по противодействию техническим монополиям и поддерживать благотворительность по защите безответственных, таких, как душевнобольные и дети. Широкая социальная защита в области здравоохранения, образования, пенсий, права на труд и минимальную заработную плату, на жилище не предусмотрены, как не отвечающие интересам существования современной демократии.

Весьма примечательно, что в украинском истеблишменте гражданское общество интерпретируют в либеральном ключе. И это несмотря на то, что сам М. Фридман предупреждал ещё своих сторонников в СССР против слепого копирования неолберальной модели [2]. «На Западе гражданское общество сформировано в процессе исторического развития европейской цивилизации как независимая от государства форма самодеятельности граждан. Это – «общество граждан», то есть лиц, наделенных широким кругом прав, которые они используют добровольно, активно и ответственно, как индивидуально, так и коллективно. При этом отношения между властью, гражданами и их объединениями основаны на общепринятой системе ценностей» [3]. Подобным же образом описывает гражданское общество А. Мучник в проекте закона Украины «О гражданском обществе» [4].

Бесспорно, что неправительственные организации (гражданские институты) являются мощным инструментом раскрепощения творческой силы нации. Но объективная ситуация в стране заставляет согласиться с тем, что «линия, ...энергично

декларируемая и представленная структурами власти, интерпретирует проблему (формирования гражданского общества – А.Ч.) как неотложную политическую задачу, доступную для искусственного конструирования и институционализации. Но те или иные параметры и свойства гражданского общества, взятые безотносительно их сущностного содержания и выражающие лишь его некоторые внешние признаки, в любой модели их институционализации принципиально не могут содержательно «объективировать» реальную гражданскую жизнедеятельность и обречены оставаться формальными агентами соответствующего способа социального дискурса в обществе» [5]. Между тем ни украинская элита, ни граждане не обладают в достаточной степени навыками демократической политической культуры, а те политические стереотипы, что у них имеются, ориентируют общество на данную логику истолкования проблемы. «Подобный политический логотип действий не только игнорирует объективный контекст сути гражданского общества, но и опасен фетишизацией некоторых внешних признаков последнего и конструированием нового социального и идеологического фантома, подобно фантому «социализма», довлеющего над индивидом и обществом как самоценность» [там же].

Опасность фетишизации внешних признаков гражданского общества осознаётся и некоторыми видными представителями политической элиты Запада, в том числе Т. Каротерсом, заместителем начальника отдела мировой политики в Фонде Карнеги (Нью-Йорк) [6]. По его мнению, в настоящее время содержание понятия «гражданское общество», вследствие изменений в политической, экономической и социальной ситуации в мире, совершенно иное, чем несколько столетий назад. Дело в том, что во времена эпохи буржуазных революций основным оппонентом гражданского общества было традиционное (монархическое) государство. Поэтому вполне естественно, что защита интересов нарождающегося гражданского общества могла быть обеспечена за счёт интересов государства. Хотя уже и в те времена прекрасно понимали, что кроме «левиафана» существует ещё более грозный «бегемот», и, уже хотя бы в силу этого, никто не требовал предельного ослабления государства. В настоящее же время некоторые неправительственные организации (например, ТНК) уже настолько сильны, что вполне способны диктовать свою волю не только государству, но и обществу в целом, являя собой никем не избираемое параллельное правительство. Хорошо известно, что западное общество демократично только в публично-политической сфере, а в экономической области существует жёсткий диктат капитала. Достаточно сильная держава в этих условиях является единственным средством выживания среднего и низшего звена гражданского общества, институтом, способным блокировать эгоизм «капитанов капитала». По свидетельству Т. Каротерса, государство финансирует деятельность многих гражданских организаций, а деятельность последних направлена не на ослабление государства, а на его усиление.

Сильные институты гражданского общества и слабое государство создают и ещё несколько тревожных социальных проблем. С одной стороны, это опасность международного терроризма, а с другой – угроза национальному суверенитету со стороны внешних сил (как государств, так и созданных ими НПО, действующих в рамках национальной территории). Вот что пишет по этому поводу В. Медведчук:

«Речь идёт об опасности, возникающей тогда, когда влияние одной организации или определенного их круга становится несоразмерным, не уравновешивается другими аналогичными структурами, которые, условно говоря, «тянут в другие стороны». У нас сейчас, например, аномальна ситуация, когда целый ряд организаций политико-аналитического направления существуют на американские гранты. И опять-таки не в том беда, что они пропагандируют атлантизм, и что ни одна из этих организаций не станет критиковать политику США, – все это было бы совершенно нормально, если бы наряду с ними существовало столько же организаций на гранты, скажем, Германии, Франции, России, может быть, Китая (и хотя бы впятеро больше – на украинские гранты). К сожалению, пока что ничего подобного нет, и американское влияние в этом секторе гражданского общества ничем не уравновешивается» [7]. Почему так опасны слабость государства и его неспособность вовремя откорректировать политический курс или экономическую линию, справиться с внутренними конфликтами или с порождённой ими нестабильностью? Сильное государство или ТНК вполне могут интерпретировать ситуацию как представляющую опасность для себя, мира, демократии и пожелать исправить дело, попирая национальный суверенитет. Современная политическая практика изобилует примерами такого рода (например, Югославия, Ирак, КНДР, Иран).

Указанные теоретические представления служат фоном, на котором вопрос формирования гражданского общества в нашей стране переходит в плоскость практической политики. Украинское государство вступило во второе десятилетие своего существования. В стране действует Конституция 1996 года, описывающая в юридических терминах демократическую модель украинской политической системы, провозглашён идеологический и экономический плюрализм, сформированы и действуют многочисленные политические партии и общественные организации. Проблема оптимизации соотношения государство / гражданское общество возникла в Украине в связи с процессом её демократического развития. Она заключается в том, что ни стабильную политическую, ни полноценную партийную систему сформировать пока не удаётся. Существование первого аспекта проблемы следует хотя бы из того, что за 12 лет независимости уже в третий раз возникла необходимость в конституционной реформе. Второй аспект заключается в следующем. Институты гражданского общества в политической системе общества являются балансиром, поддерживающим активность всех политических агентов в социально приемлемых границах. Наглядным примером являются стабильные двухпартийные системы в англо-американском мире либо многопартийные системы в Европе. В последнем случае многопартийные системы фактически являются двухпартийными, только роль правой или левой части политических качелей играет партийная коалиция. Построить в Украине такую партийную систему, которая автоматически воспроизводила бы систему политическую, пока не удаётся. Даже парламентское большинство приходится создавать централизованно, прибегая к весьма нестандартным для демократической политической практики приёмам.

Из рассуждений одного из самых последовательных критиков гражданского общества С. Кара-Мурзы [8], тем не менее, следует, что, гражданское общество, в указанном выше смысле, в странах Содружества существует. Так же как и на Западе,

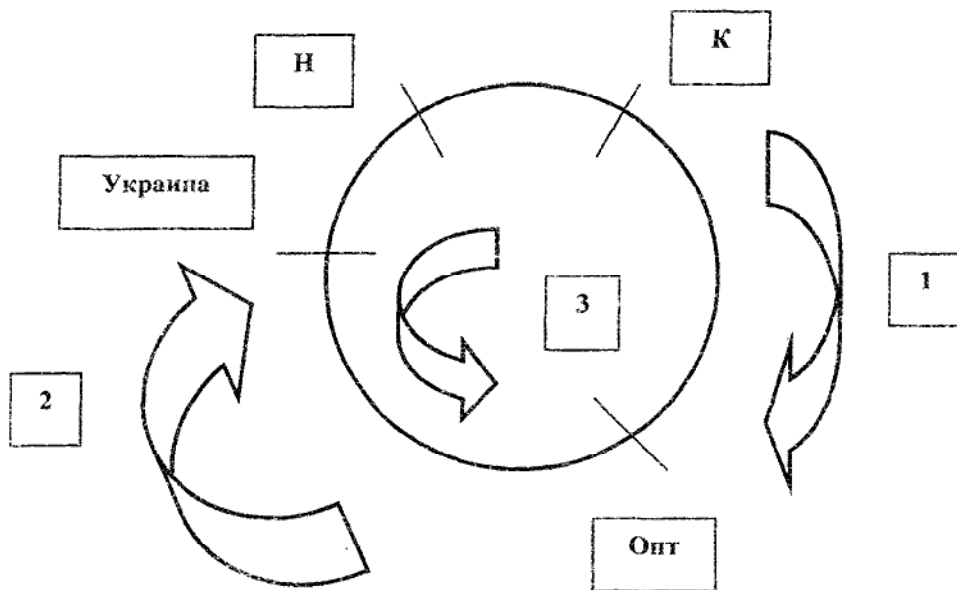
оно основано на конфронтации имущих с неимущими, но, в отличие от Запада, разрыв в доходах, например, украинских граждан, так велик, что гражданское общество численно составляет не более 20% населения. Отсюда следует, что подавляющее большинство политических партий в нашей стране реально представляют интересы $\frac{1}{5}$ граждан, и, естественно, представляют собой сугубо кадрированные группировки. Оценим, так ли это.

По данным налоговой администрации, в 2002 году 1160 человек получили доходы свыше 1 миллиона гривен. Поступления от подоходного налога составляют почти четверть сводного бюджета государства. Причём везут на себе налоговый груз не зажиточные украинцы, а рядовые граждане с зарплатой 400 гривен в месяц. Их платежи составили почти 80% всех поступлений. Те же, кто получают миллионы – в виде дивидендов, продажи недвижимого имущества, доходов от корпоративных прав и акций, – в соответствии с законодательством налоги не уплачивают [9]. К. Бондаренко проследил изменения, произошедшие в украинской элите с 1999 по 2003 год, и выяснил, что она принципиально не изменилась: просто на смену одним олигархическим группировкам (например, А. Волкова и И. Бакая) пришли другие – пять украинских. Вот они: Донецкая группировка – конгломерат семи групп, объединённых единой системой коллективной безопасности, 10 групп, входящих в «Трудовую Украину», 6 бизнес-групп, входящих в среду СДПУ (о); 4 группы Харьковской группировки и 3 бизнес-группы «Нашей Украины». Сюда же входят крупные российские и польские бизнес-группы [10]. Какова эффективность этих неправительственных группировок (экономических институтов гражданского общества)?

Как сообщает УНИАН, на осень 2002 года более семи миллионов граждан Украины были вынуждены покинуть свою державу в поисках работы. Об этом заявила Уполномоченная Верховной Рады по правам человека Нина Карпачёва на открытии Международной научно-практической конференции «Права человека на Украине». По её словам, главными причинами оттока населения в поисках работы являются бедность и безработица. Сегодня средний уровень бедности в Украине составляет 27%. В некоторых регионах, таких как Крым, Закарпатье, Хмельницкая, Херсонская, Волынская, Луганская области, за чертой бедности живут от 33 до 40% населения. (Если население страны составляет 48 млн. человек, и при этом считать, что число нетрудоспособных составляет $\frac{2}{3}$ – дети и пенсионеры, то получается, что не имеют возможность заработать себе на жизнь в стране 7 миллионов из 16 млн. трудоспособных, то есть около 44%) (11). Однако и заработок за границей не помогает переломить ситуацию. По данным доклада Нюрнбергского Института по изучению рынка, в Швейцарии доход на душу населения составляет 25603 евро (€) в год. Австрия с доходом 15756 € находится на восьмом месте после Швейцарии, Люксембурга, Норвегии, Дании, Исландии, Великобритании и Германии. В конце списка стоят три самых нищих страны: Албания – 563 €, Украина – 379 € и Молдавия – 223 € [12]. Суммарно такую ситуацию отражает коэффициент Джини: в Украине он равен, по разным оценкам, от 30 до 40, на Западе – 5 – 7. Разумеется, при такой дифференциации уровней дохода ни о стабильной политической системе, ни об устойчивой партийной не может быть и речи.

С 12 по 22 мая 2003 года четыре социологических центра – Киевский международный институт социологии (КМИС), Институт социологических исследований и центр «Социальный мониторинг» (ИСИиЦСМ), центр «СОЦИС» и Украинский центр экономических и политических исследований им. А. Разумкова (УЦЭПИ), – провели всеукраинский социологический опрос населения об отношении его к различным аспектам конституционной реформы. Главный вывод учёных таков: «По-видимому, население устало за предшествующие годы от постоянно возникающих конфликтных коллизий в разных ветвях власти и среди уполномоченных от них представителей и желает согласованной взаимовыгодной и стабильной политики» [13]. Таким образом, становится очевидно, что, во-первых, модель гражданского общества, используемая в Украине, не соответствует современным политическим реалиям. Во-вторых, политическая система страны, понимаемая как упорядоченная совокупность взаимодействий всех политических акторов, посредством которых в обществе распределяются национальные ресурсы, оказалась неэффективной. В этих обстоятельствах разрешить проблему оптимального соотношения государство / гражданское общество невозможно. Любые попытки решения (и сверху и снизу) в рамках существующей модели политической системы только усугубят ситуацию.

Тем не менее ситуация не представляется абсолютно безнадёжной. Но требуется создать такую политическую среду, в которой существует социально приемлемое решение. Для описания свойств этой среды обратимся к положениям общей теории политического развития. Точечное состояние политической системы зависит от сложного воздействия на неё постоянных и переменных внутренних и внешних факторов. В результате этого воздействия условия стабильности системы могут нарушаться. Политический процесс как движение от одного стабильного состояния к другому назовём политическим развитием. Политическое развитие включает три основных этапа – рационализацию (любая деятельность оценивается по критерию прибыли), социальную мобилизацию (вовлечение граждан в массовую политическую и экономическую деятельность на их личный и групповой страх и риск) и национальную интеграцию (проведение политики конвергенции интересов социальных групп, находящихся на разных ступенях политического и экономического профилей общественной стратификации). Рационализация подобных Украине традиционных обществ, понимаемая как одновременное проведение реформ в экономической и государственной подсистемах, меняет их взаимное иерархическое положение, и усиление авторитаризма уже не может стабилизировать форсированно демократизированные системы, что неизбежно приводит к их деградации. Именно в такой ситуации оказалась наша страна. Положение вещей иллюстрируется схемой, построенной на основании информационно-энтропийной концепции социальных систем Е. Седова [14].

На рисунке изображён цикл развития политической системы от начального (точка Н) до конечного (точка К) состояния. Аргументом положения политической системы является соотношение политических сил и контролируемых государством и НПО национальных ресурсов. Закон иерархической компенсации Е. Седова утверждает, что существует такой аргумент, при котором политическая система (включающая институты государства и НПО) является самовоспроизводящейся (устойчивой) (точка Опт). На участке (Н – Опт) большая часть национальных ресурсов находится в руках НПО (институтов гражданского общества), имеющих откровенно олигархический характер. Настоящим субъектом политики являются именно они, а не формальное государство. В этих обстоятельствах процесс социальной мобилизации приводит к появлению большого количества ущербных политических партий. Ущербность заключается не только в том, что эти организации являются всего лишь агентами политического рынка, то есть стремятся артикулировать, агрегировать и интегрировать интересы не всего общества, а только теневых субъектов в открытых (но слабых) государственных институтах; при этом интересы остального населения либо не представлены вообще, либо представлены слабыми политическими организациями. Как показал Петерсен [15], политическая система находится в устойчивом равновесном состоянии, если число несовпадающих платформ политических партий не превосходит восьми. Что уж тут говорить об Украине, где число зарегистрированных партий превышает несколько десятков! Описанная ситуация именуется в литературе модернизационным синдромом, важнейшими составными частями которого являются кризисы распределения и государственного управления. Выходов здесь два: если национального компромисса достичь не удаётся – сваливание демократической системы к точке Н и её распад, если же удаётся – начинается процесс нормального политического развития к точке Опт.

Политика национальной интеграции позволяет начать переход системы к точке

оптимума, в окрестностях которой образуется двухпартийная политическая система, очерчивающая и поддерживающая олигархическую и антиолигархическую активность в допустимых пределах. Однако чрезмерное сосредоточение национальных ресурсов в руках государственных институтов может привести к качественному скачку политической системы к точке К. На участке (Опт – К) гражданская активность затормаживается, при этом образуется либо авторитарный, либо даже тоталитарный режим. Реальными субъектами политики становятся олигархические группировки, тесно сросшиеся, либо даже тождественные политической элите («железные треугольники»). К участию в формальной политике либо допускаются строго очерченные политические игроки, или даже один игрок (однопартийная система), либо политическая деятельность запрещается вовсе. Как видим, состояние системы на участке (Опт – К) является зеркальным отражением её состояния на участке (Н – Опт). Следовательно, сохранение демократического характера политической системы означает три связанных процесса: национальный компромисс (относительно распределения ресурсов между НПО и государством, выступающим от имени всего народа), создание двухпартийной системы, поддержка её оптимальной конфигурации.

Процесс политического развития Украины представляется следующим образом. Оно началось в 1991 году, когда все 100% национальных ресурсов находились в общенародной собственности (точка К). В окрестностях этой точки была сломана система политического господства Советской власти – КПУ, как подсистема КПСС. Начался безостановочный переход национальных ресурсов в руки частных лиц и протоолигархических группировок, проходящий под контролем мимикрировавшей партийно-государственной элиты (стрелка 1). Одновременно беспрерывно ослаблялось и государство. Такое ослабление было терпимым до тех пор, пока соотношение ресурсов, контролируемых государством и олигархическими группировками, было большим, чем 4 к 1 (точка Опт). Но оно продолжилось (стрелка 2) и продолжается до сих пор (точка «Украина»).

В настоящее время соотношение политических мощностей государства и гражданского общества в Украине составляет от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{5}$, при этом имеют место три процесса. Первый – абсолютное и относительное обнищание основной массы населения, так как достающихся на его долю ресурсов не хватает даже для простого воспроизводства жизни. Второй процесс – постоянная конфронтация внутри политической элиты в борьбе за передел собственности. Третий процесс – усиление влияния НПО и их конфронтации с государством. Отсюда – всего лишь шаг до точки распада политической системы (точка Н), который может произойти под действием как внутренних, так и особенно внешних факторов. Следовательно, для сохранения демократического характера политической системы необходимо немедленно начинать процесс национальной интеграции (стрелка 3). В описанных обстоятельствах проведение такой политики означает остановку уменьшения соотношения политических мощностей государства и гражданского общества и последующее его увеличение до оптимального (или максимально возможного) уровня. То есть на современном этапе политического развития Украины требуется достигнуть общенационального согласия относительно оценки существующей ситуации и методов ско-

рейшего выхода из сложившегося неблагоприятного положения. Стратегия национальной интеграции заключается в такой системе действий, которая блокирует источники роста социальной энтропии (дезорганизации). Ниже перечислены основные из них.

1. Особенностью отечественной политической культуры является её дискретность. Каждый новый исторический этап начинается с того, что вся предшествующая эпоха, жизнь нескольких поколений объявляется или ошибкой или «переходным периодом», а то и вовсе социальным преступлением («Вначале мы были яко звери и скоты»). Вот и на этот раз начальный этап посттоталитарного демократического развития оказался связан с разрушением исторической преемственности и этики общественной солидарности. Произошедшие изменения выражаются понятием «маргинализация». «Главный признак маргинализации, - считает Е. Стариков, - разрыв социальных связей, причём в классическом случае последовательно рвутся экономические, социальные и духовные связи». Общая нестабильность, разрушение прежнего жизненного уклада, отказ от привычной системы ценностей, безработица, ... новое административно-территориальное деление объективно приводят к усилению маргинализации» [16].

Рост маргинализации опасен снижением уровня социальных потребностей и ожиданий, примитивизацией общества, когда оно не только перестаёт отрицательно реагировать на проявления социальной и политической патологии, но начинает их оправдывать. Политический выбор граждан заключается не между хорошим и лучшим, а между очень плохим и просто ужасным. Остановить процесс маргинализации можно только одним путём – созданием требуемого количества рабочих мест. Безработица в Украине давно преодолела пороговый предел (5 – 6 % экономически активного населения). Население борется с ней практически в одиночку, например путём вынужденной миграции, своего рода «отхожего промысла». Ни государство (в силу его экономической слабости), ни олигархи (в силу эгоизма) ему реально не помогают. Но в этом случае из сознания народа уходит ощущение необходимости законности и власти.

2. Рационализация и социальная мобилизация при слабом государстве приводят к взаимному отчуждению власти и общества. Реформаторы, будучи не в состоянии удовлетворить материальные ожидания граждан, вынуждены оправдывать свои действия абстрактными мотивами, вроде будущей «интеграции в Европу», при этом почти не заботясь о людях, живущих здесь и сейчас. Но почему сегодня, когда прежний социальный идеал разрушен, а новый заключается в достижении богатства любой ценой, люди должны жертвовать настоящим во имя неясного будущего? Указанное противоречие требует скорейшего снятия. В противном случае в украинском обществе может предельно усилиться податливость к разного рода идеологическим и политическим экстремам, вплоть до массового посягательства на социально-политические и моральные устои общества как такового, на личную безопасность, собственность и благополучие всех граждан. В максимальной степени угроза социальной дезорганизации касается молодого поколения. Ощущение того, что идёт процесс разрушения, создаёт у молодёжи предпосылки для «воспроизводства закононепопослушания, утверждения своеволия, права сильного и жестокого».

Для того, чтобы не допустить перерастания указанного явления в необратимую форму, необходимо перенаправить энергию населения, и прежде всего молодёжи, в общественно приемлемые каналы социальной мобильности. Но для этого опять-таки необходимы ресурсы национального масштаба.

Совершенно очевидно, что только для начала общественного диалога и потепления политического климата как власти предрасположенные, так и олигархические НПО должны, хотя бы руководствуясь чувством самосохранения, предпринять следующие энергичные шаги:

1. Доказать, что государство и НПО осознают необходимость и поощряют диалог, посредством которого все общественные силы могут взаимно проникнуться проблемами друг друга; все политические силы должны обязаться в своих политических акциях отказаться «поставить крест» на ошибках, несправедливостях и преступлениях прошлого. От политики никогда не пахло французской парфюмерией, так что от ошибок и последующего шельмования не застрахован никто;

2. Демонстрация уважительного, цивилизованного отношения к оппозиции и её мнению; требуется, чтобы оппозиция разделила ответственность правящей политической элиты, а для этого необходимо «втягивание» оппозиции в процесс принятия и реализации политических решений;

3. Правящая элита и НПО должны достигнуть консенсуса относительно того, что экономическая линия должна быть развёрнута влево, и тем продемонстрировать, что силы, перераспределившие национальные ресурсы в свою пользу, реально берут на себя ответственность перед страной; на весь модернизационный период (стрелка 3) государство должно обладать необходимым количеством ресурсов для эффективного социального управления;

4. Совместными усилиями выработать кодекс политического поведения на переходный период. Отсутствие иррационального долженствования делает людей то агрессивно амбициозными, то равнодушно-эгоистичными. Наличие всеобщей этики в этом смысле – не предпосылка тирании, а сдерживающее средство против иллюзии безмерной свободы, которая и порождает тиранов.

Украине, вставшей на путь демократического развития, нужны не подданные-холопы, а хозяева-господа. «Хозяином же может стать только тот, кто имеет семью, дом, дело или службу, исполнивший воинский долг, сурово решающий, кому в его городе торговать или основать банк... Демократия рождается из сознания, что достойных людей в данном обществе большинство, а вовсе не из представления о «правах человека» [17]. Интегрирующую общество идею нельзя придумать в кабинете; её можно лишь нащупать, наблюдая за общественной жизнью через призму традиционных ценностей в широком общественном диалоге. Но это невозможно, покуда групповые и корпоративные интересы не будут подчинены общенародным, государственным подходам, а общество не станет воспринимать свое прошлое смиренно и не отвлечётся от старых и свежих обид. Только когда гражданин-труженик, создатель материальных, духовных, организационных ценностей будет в центре государственной жизни, он почувствует перспективы и ответственность за судьбу страны. Вне этого остается лишь стремление к выживанию, в политике – соревнование не разума, а воли. Лишь если каждый гражданин страны ощутит в себе

достоинство «источника власти» и это достоинство будет подчинено созиданию, имеет смысл всерьёз говорить о гражданском обществе. А пока оно направлено лишь на биологическое выживание, необходимо ресурсное и организационное укрепление государства и канализация его усилий на благосостояние конкретного человека, то есть политика национальной интеграции.

Список литературы

1. Кораблёв С.А. Теория Фридмана / С.А. Кораблёв // Дуэль. – 1998. – № 18 (65). – С. 3.
2. Фридман М. Четыре шага к свободе / М. Фридман // Общественные науки и современность. – 1991. – № 3. – С. 16 – 19.
3. <http://www.zerkalo-nedeli.com/ie/show/379/33708/>. Медведчук В. О перспективах развития гражданского общества в Украине / В. Медведчук // Зеркало недели. – 2002. – 2-8 февраля. – № 4 (379).
4. http://www.haas.com.od.ua/grajd_obschestvo_rus.htm.
5. http://anthropology.ru/ru/texts/aldaganov/educs_04.html. Алдаганов М.М. Основные предпосылки формирования гражданского общества в современной России / М.М. Алдаганов // Образование и гражданское общество (материалы круглого стола 15 ноября 2002 г.). Серия «Непрерывное гуманитарное образование (научные исследования)». Выпуск 1. / Под ред. Ю.Н. Солонина. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С.16.
6. <http://www.iciso.org>. Каротерс Т. Критический взгляд на гражданское общество / Т. Каротерс. – С. 1.
7. <http://www.zerkalo-nedeli.com/ie/show/379/33708/>. Медведчук В. О перспективах развития гражданского общества в Украине / В. Медведчук // Зеркало недели. – 2002. – 2-8 февраля. – № 4 (379).
8. Кара-Мурза С. Приманка гражданского общества / С. Кара-Мурза // Правда. – 1994. – № 155 (27330). – 26 августа. – С. 1 – 2.
9. В Украине увеличилось количество богатых граждан // Теледом. – 24.02–02.03.2003. – № 8(180). – С. 3.
10. Бондаренко К. Кто и чем владеет в Украине / К. Бондаренко // Львівська газета. – 2003. – 17 июля.
11. За границей работает седьмая часть населения Украины // Телемир. – 2002. – № 39 (170). – С. 2.
12. Кто беднее украинцев? молдаване // Телемир. – 2002. – № 34(165). – С. 10.
13. Журавский Н. Народ жаждет перемен / Н. Журавский // Новости и комментарии. – 2003. – № 121 (2926). – 7 июня.
14. Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. Седов // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 92 – 100.
15. Петерсен Н. Условия равновесия и устойчивости состояния многопартийной политической системы / Н. Петерсен // Автоматика и телемеханика. – 1992. – № 4. – С. 129 – 136.
16. Иванов В. Наступление маргиналов / В. Иванов // Независимая газета. – 1994. – 10 ноября. – С. 6.
17. Махнач В. Революция - это неприлично / В. Махнач // Независимая газета. – 1996. – 16 февраля.

Поступило в редакцию 28 июня 2004 г.

УДК 321+323.2 (477)

А. В. Лагутин

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (УКРАИНСКИЙ ОПЫТ)

Сегодня не только ученым-специалистам, но и многим политикам, и общественности представляется очевидной первоочередная важность задачи по формированию институтов гражданского общества, как главной предпосылки утверждения современного демократического государства. Вместе с констатацией факта его отсутствия в Украине¹ это дает основания говорить о начале поворота в сторону более основательного понимания существа политических проблем, стоящих перед страной и не всегда адекватно декларируемых политиками.

Первые серьезные исследования, проведенные в республике, показывают, что сами представления о сути гражданского общества и о механизме его функционирования в общественном сознании, даже и в представлениях экспертов, носят еще весьма смутный, утопичный характер мечты о лучшем будущем². Опросы среди граждан и специалистов подтверждают низкий уровень развития его структур, а также демонстрируют естественное незнание и путей его формирования³. В идеологии и общественном мнении по-прежнему доминируют статистские идеи и ценности, обусловленные как традициями авторитарного прошлого, так и увлечением процессом конструирования национальной государственности. Именно поэтому проблема влияния политики, политического процесса и его основных субъектов на утверждение гражданских институтов и принципов в общественно-политической жизни представляется наиболее острой и принципиальной. И прежде всего — с позиции того, насколько само государство, институты власти заинтересованы в расширении сферы влияния гражданских отношений и структур.

Гражданское общество — неотъемлемая составная часть современного демократического государства, если рассматривать последнее в широком смысле политически организованного социума. Но в реальной политической жизни, в направленной политической динамике или *политическом процессе* государство и гражданское общество выступают главными контрагентами, т. е. противоборствующими, конкурирующими сторонами-участниками. При этом государство предстает в виде компактной организованной элитной группы граждан, вырастающей из той же общегражданской массы. Оно стремится всеми силами сохранить свое особое, привилегированное положение носителей основных социально-политических или властных полномочий.

Современный политический процесс в рамках отдельной политической системы по своему содержанию выступает средством согласования интересов государственной элиты и основной массы граждан. Именно политическая элита как носительница власти выступает организующей стороной, главным субъектом политического процесса и как будто его динамичной, движущей силой. Однако основной парадокс политики, в который упирается проблема создания основ гражданского общества, состоит в том, что государственная элита, а следовательно, и государство, объективно не заинтересованы в развитии такого общества, в усилении его влияния на реальную политику. Вследствие этого *государство в лице своих лидеров, ведущих институтов не может выступать полноценным инициатором и носителем стратегии развития структур гражданского общества во всем их объеме.*

Общество и государство, обуславливая друг друга, в политическом процессе осуществляют взаимный и своеобразный мониторинг и контроль. Их сила и слабость также взаимно обусловлены. При этом очевидно, что контроль граждан за деятельностью государственных структур и представителей власти становится возможным только на стадии достаточно развитой демократии, которая сама по себе тоже не решает проблему автоматически. Все это может означать только то, что государство (и чем оно несовершеннее, недемократичнее – тем очевиднее) в лице своих главных носителей власти на самом деле выступает главным тормозом на пути становления гражданского общества.

С позиций господствующих организованных групп эта проблема чаще всего выступает в виде спекулятивно-политической, т. е. конъюнктурной, поднимаемой в качестве противовеса политическим лозунгам и требованиям своих конкурентов в борьбе за власть. Таким образом, в усилении влияния граждан на власть заинтересованы в основном они сами, а также, в какой-то степени, и те политические силы, которые реально устранены от участия в разделении властных полномочий. Следовательно, всех участников политического процесса или его субъектов необходимо различать по степени заинтересованности в разрешении проблемы формирования гражданского общества и, соответственно, утверждения демократии в молодой независимой стране с основательными авторитарными традициями.

Сформировавшийся политический процесс как совокупная политическая динамика предстает в виде иерархичной системы подвижных связей и отношений, носители которых постоянно или с различным ритмом периодичности изменяют свое положение, влияние. Их объективное и субъективное отношение к важным социально-политическим вопросам при этом также изменяется. Вне зависимости от этих изменений, характера общей политической динамики, политический процесс представляет собой по сути своеобразный инструмент или средство разрешения всех важных проблем, в том числе проблемы утверждения гражданского общества. В нашу задачу как раз и входит анализ принципиально существенных сторон воздействия политического процесса на гражданское общество с позиций его фундаментального укрепления либо ослабления. В качестве исследовательской предметной области берется преимущественно политический материал и опыт Украины.

В первое десятилетие украинской независимости проблемы развития гражданских начал политической жизни практически не ставились ни на научно-теорети-

ческом, ни, тем более, на практическом – политическом, государственном уровне. Политический процесс также находился на стадии конституирования, ограничиваясь узким окол властным пространством и небольшим кругом участников. Все усилия быстро множась количества партийно-политических группировок сосредоточивались на стремлении пробиться поближе к государственным структурам, где безраздельно доминировала бывшая коммунистическая номенклатура, так называемая партия власти.

Неизбежность такой ситуации, имитирующей национальный политический процесс, обуславливалась борьбой за раздел госсобственности, условием обретения которой была и достаточно долго оставалась принадлежность к административным структурам и постам прежде всего государственного уровня. Естественно, что политические группировки и их лидеры не могли серьезно задумываться об общегражданских интересах или просто об условиях жизни среднего избирателя, не могли решать эти вопросы принципиально и последовательно.

На первой качественной ступени становления современной политики в Украине политические и экономические интересы оставались жестко взаимосвязанными и взаимоопосредованными. Это классическая ситуация политического авторитаризма, когда действует принцип «власть рождает собственность», поскольку до этого последняя оставалась «народной», т. е. как бы ничьей. Основными качественными параметрами политического процесса данного типа остаются: *ограниченность участников или выразительная элитарность, кулуарность, то есть закрытость для общестственности, социальная неэффективность, сопровождающаяся накоплением и углублением социальных проблем в обществе, стабильно ухудшающимся материальным положением большинства населения*⁴. На этой основе расцветает политиканство, социальная демагогия политических лидеров, а манипулирование общественным сознанием, настроениями и голосами избирателей достигают максимального уровня.

Населению отводится роль политического ассистирования в проектах и авантюрах как властвующей, основной «партии», так и ее слабых еще политических конкурентов. Избиратели всеми правдами и неправдами вовлекаются в политические кампании, хотя сама беспартийная, неопределенная структура власти и смешанная избирательная система позволяют власти решать основные свои корпоративные проблемы практически бесконтрольно. Наиболее очевидными практическими иллюстрациями сложившихся обстоятельств можно назвать перманентные игры вокруг формирования большинства в Верховной Раде и основной результат, вернее, политическую безрезультативность президентского референдума 2000 года. Референдум, вместе с конкретным гражданским (заранее спрогнозированным позитивным ответом) так и остался на митинговом уровне, не найдя отражения ни в одном важном государственном законе или решении.

Итак, первый этап в становлении политического процесса в независимой Украине завершается безрезультатно с позиций вовлечения гражданских интересов (подавляющего большинства избирателей) в политику как участников осязаемого влияния. Государственные структуры в виде близких окол властных «партийных» группировок парламентского большинства вкупе с президентской администрацией

остались главным, если не единственным реальным его субъектом, а граждане по-прежнему выступают в качестве субъекта политики лишь потенциально. По результатам проведенных социологических исследований единственную силу, действительно влияющую на государственную власть в республике, но представляющую по сути инобытие гражданского общества, являют собой мафиозные структуры, достигшие высокого уровня развития⁵.

Наступление следующего качественно своеобразного этапа в развертывании политической динамики в Украине было обусловлено необходимостью перехода от глобального разгосударствления-разделения собственности к ее юридическому закреплению, легализации. В ходе процедуры легализации возникает возможность частичного, пусть даже и не очень масштабного, перераспределения благоприобретенного в пользу тех групп и граждан, которые в свое время были лишены возможности участвовать в первичном разделе, либо тех, кто вначале получил не в соответствии с уровнем своих амбиций. Главным полем политической борьбы, пространством, где начинается и заканчивается политический процесс, по-прежнему остаются парламентские залы и коридоры. Законодательная деятельность депутатов Верховной Рады приняла форму жарких баталий, доходящих до рукоприкладства. Камнем преткновения во внутривластных отношениях стала проблема стабильного, контролируемого большинства как главного орудия законотворчества.

Перманентный парламентско-политический кризис 2000 – 2004 годов в Украине, обусловленный поиском законодательного большинства в парламенте как условия сохранения партией власти своего контроля над процессом легализации собственности и политической ситуацией – самое яркое явление, обозначившее вступление политической динамики страны в новую стадию. Этот кризис привел, по крайней мере, к двум важным политическим последствиям: во-первых, в ходе внутрипарламентской борьбы начали складываться контуры новой (в противовес ретроградной, лево-коммунистической) политической оппозиции из состава партий национально-демократического, патриотического толка «Наша Украина» под руководством В. Ющенко; во-вторых, президентская администрация Л. Кучмы, выступающая основным носителем интересов властного центра, была поставлена перед необходимостью инициировать (сентябрь 2003 г.) проведение конституционной политической реформы.

Заметной вехой в изменении характера политического процесса представляются события, связанные с парламентскими выборами 2002 года, и их политические результаты. Накануне выборов парламентарии, в том числе немало членов пропрезидентского большинства, оппозиция в лице левых партий и партийные группировки, вошедшие в состав новосозданного блока правых сил «За нашу Украину», дважды пытались инициировать принятие Верховной Радой закона о пропорциональной избирательной системе. Президент отверг эти проекты, воспользовавшись правом «вето». Нежелание изменить принцип формирования состава главного законодательного органа на основе пропорционального, партийного представительства фактически подтвердило боязнь носителей власти утратить контроль за ее распределением ввиду наметившегося политического раскола и появления новой влиятельной силы накануне очередной избирательной кампании 2002 года.

Итоги очередных общенациональных выборов и последовавшая за ними структуризация нового состава Верховной Рады подтвердили наличие хотя и небольших, но достаточно значимых изменений и тенденций в общей политической динамике, в позициях ее основных субъектов. С одной стороны, формально политический блок в составе пяти пропрезидентских партий «За единую Украину» потерпел очевидное поражение, набрав чуть более 11% голосов избирателей и заняв третье место. Но реально прежняя «партия власти» сохранила свое влияние в высшем законодательном органе путем формирования большинства с привлечением депутатов-мажоритарщиков. Победители партийной избирательной гонки в лице национал-демократов и коммунистов, набравшие соответственно 25 и 20 процентов голосов, оказались в роли парламентского меньшинства и взаимно расколотой оппозиции.

Самое же любопытное произошло с программными политическими ориентациями основных конкурирующих группировок. Президентские силы, перед выборами стойко противостоявшие переходу к пропорциональной избирательной системе, превратились в ее активных поборников. А члены фракции «Нашей Украины», выступавшие за парламентскую республику, стали противодействовать ослаблению президентских полномочий и переходу к новой форме правления, как принципиальной составляющей конституционных реформ, инициированных президентом после выборов.

И результаты выборов, и последующая внутрипарламентская борьба не только указывают на сохранение политического влияния сил, выросших из бывшей партийно-государственной номенклатуры, но свидетельствуют об изменении их тактики. Ее содержанием является *вынужденное* обращение к поддержке со стороны граждан, избирателей как потенциальным или формальным участникам политического процесса. Побудительным мотивом в этом обращении служит проблема устойчивого парламентского большинства, являющаяся ключевой для украинской власти в последние годы. Ее разрешение позволило бы стабилизировать законотворческую деятельность и гарантировать нынешнему центру власти контроль над процессом легализации права новых собственников, предотвращение попыток пересмотра результатов приватизации.

Очевидно, что более-менее устойчивое большинство возможно как результат прямой гражданской поддержки политической партии или блока, прямого голосования на общенациональных выборах. В противном случае эта правотворческая сила несет на себе отпечаток кулуарности, политических интриг и конъюнктуры, постоянно подвергается риску трансформации, распада. С приходом к власти в Украине коалиционного правительства во главе с В. Януковичем, как ставленником правящей элиты и представителем крупнейшего в стране донецко-днепропетровского промышленно-финансового капитала, социально-экономическая стабилизация, обозначившаяся в последние годы в стране, обрела зримый образ и относительно привлекательный имидж. При таких обстоятельствах контроль над политическим положением для нынешней власти может сохраниться независимо от того, примет ли республика форму чисто парламентской, либо в ней сохранится президентско-парламентская форма с сильными полномочиями президента.

Что касается правой или даже левой оппозиции, для нее сохранение президентского влияния остается на ближайшее время, по всей видимости, единственной возможностью потеснить стоящую у власти группировку, при условии победы своего кандидата на предстоящих вскоре президентских выборах, хотя именно эти партийные фракции и группы в Верховной Раде (особенно компартия) все годы украинской независимости наиболее последовательно отстаивали идею парламентской либо парламентско-президентской республики.

Принятие закона о введении пропорциональной избирательной системы в республике весной 2004 года – это первый принципиально важный шаг, знаменующий определенный качественный поворот в характере политического процесса. Основное его значение состоит в том, что формально расширяются возможности влияния граждан, общественного мнения на расстановку сил внутри парламента вплоть до возможности прямого формирования партийного большинства с ответственным правительством, без которого немислимо современное демократическое государство. Но для Украины такое однопартийное правительство – перспектива пока неблизкая.

Такой первый принципиальный компромисс стал результатом совершенно различной политической мотивировки для политических сил и блоков, представленных в украинском парламенте. Для властного центра в лице «Единой Украины» это – подтверждение его реального влияния, уверенности в сохранении своего контроля над политической ситуацией в стране вне вероятного формального исхода ближайших общенациональных выборов в Верховную Раду 2006 года. А значит, уверенности в сохранении результатов процесса легализации собственности.

Для оппозиционных «Нашей Украины», коммунистов, социалистов, блока Юлии Тимошенко согласие на переход к пропорционально-партийному принципу формирования главного законодательного органа власти – попытка ослабить влияние правящей группировки сил посредством апелляции к голосам избирателей в условиях, когда методы кулуарной политики оказываются неэффективными в борьбе за корпоративные интересы.

Но сами граждане, регионы пока остаются, вопреки впечатляющей цифре общего числа участвующих в голосовании на выборах (более 70%), достаточно инертной массой избирателей, находящихся под очевидным влиянием и государственной и местной администраций. Это обусловлено, во-первых, общим низким социально-экономическим его уровнем и прямой зависимостью от состояния госбюджета и милости администрации, во-вторых, слабостью регионального партийного влияния, в-третьих, неспособностью сориентироваться в формально существующей многопартийности. Пока политический процесс не станет прозрачным для избирателя и не предстанет в виде 2-х – 3-х политических блоков-альтернатив, его участие в голосовании будет определяться внешними факторами, т. е. манипулированием со стороны партий-конкурентов.

Только прямая конкуренция во время общенациональных выборов моделей-программ нескольких влиятельных партий – блоков, с реальной возможностью для граждан выступать посредниками в их соревновании, создает основную предпосылку для активизации граждан, общественных объединений как носителей интересов

гражданского общества в его противостоянии государственной элите. Но подобная возможность возникнет скорее всего только на следующей или третьей стадии развертывания политического процесса, при которой гражданское общество (в лице, прежде всего, консолидированных влиятельных партий) наконец становится его реальным участником, способным защищать консолидированные интересы гражданского большинства в противовес корпоративным интересам элитных групп и монополистов-олигархов. Пока, по оценкам экспертов, украинские партии по уровню влияния на общественно-политическую жизнь страны стоят лишь на четвертом месте после мафиозных, финансово-промышленных структур и президента⁶.

На второй стадии становления политической динамики происходит акцентированное политическое размежевание внутри властной элиты, которая разделяется на правящую группу и оппозицию, что в конечном счете сопровождается общей мобилизацией политических сил, усилением внутривластного противостояния в системе власти, между ее структурами. Таким образом, возрастает внутренняя напряженность и конфликтность политического процесса, а следовательно, его своеобразная рискованность, непредсказуемость, в том числе и для центра власти, который в поиске опоры теперь охотнее идет на компромисс в виде перехода к пропорциональной системе выборов.

Впрочем, эти изменения еще не сопровождаются соответственной политической дифференциацией слабо выраженного гражданского общества, структурам которого по-прежнему отводится роль политических статистов. Новая стадия развертывания политического процесса в Украине только начинает себя проявлять. Окончательного разделения интересов правящей группы и оппозиции еще не совершилось, соответственно, сферы политического и экономического влияния жестко взаимосвязаны. Центральный аппарат власти все еще монополизирует экономические функции, косвенным свидетельством чего является отказ структур Европейского союза признать украинскую экономику рыночной.

Государственная власть частично не знает, частично не хочет знать иных методов управления экономикой и обществом, чем рычаги прямого административного влияния. Однако процесс развития рыночных отношений, так же как и становления структур гражданского общества, неизбежен и необратим. Его можно лишь частично притормозить, замедлить. Таким фактором замедления выступает объективное геополитическое положение Украины, рождающее своеобразную, но исторически известную «альтернативу» ориентации то ли на Россию, то ли на Западную Европу.

Экономика и экономические отношения республики, особенно ее развитые восточные и центральные регионы, агентом которых неизменно является центральная власть, тесно связаны с российским капиталом. В России же традиционная модель отношений, когда «власть рождает собственность», а бизнес напрямую связан с властными структурами, продолжает существовать и еще достаточно долго будет движущей силой развития экономики и государства⁷. Поэтому ряд наблюдателей не исключает на ближайшие годы развития политических событий в Украине по российскому варианту, когда может сформироваться безальтернативный правительственный политический блок по типу путинского «Единства». Его отождествляют с премьер-министром В. Януковичем. В таком случае партия власти еще достаточно

долго может оставаться главным субъектом политического процесса, очевидно не заинтересованного напрямую в развитии гражданских отношений, а только имитирующего готовность к широкой публичной коммуникации.

Второй сценарий событий и модель более либеральных отношений политики с экономикой, ориентированные на стандарты Европы, больше отвечают официальным декларациям украинских политиков во главе с Л. Кучмой, хотя его более последовательным носителем выступает политический блок В. Ющенко «Наша Украина». Их реализация может привести к резкой структуризации в политике и в парламенте Украины, которые с достаточной степенью определенности могут способствовать появлению 2-х или 3-х блоковой (партийной) системы. Данный вариант событий более предпочтителен с позиций структурирования и развития гражданского общества как необходимого условия утверждения демократии в стране.

И все же проблема развития гражданских начал в украинской политике и усиления роли общественных структур в процессе принятия политических решений имеет более глубокое содержание, чем выбор вектора общеполитической ориентации. Как раз простое сведение к такому выбору в пользу ли России или в пользу Западной Европы только извращает суть вопроса. Прежде всего тем, что он принимает чисто идеологизированную форму, не выходящую за грани традиционного авторитарного менталитета и неизбежного при этом образа политического раскола Украины на ее восточную и западную составляющие. В результате само решение проблемы напрямую связывается с политическими условиями и механизмами разрешения средствами того же политического процесса, опосредованного интересами его прямых участников, но не обществом. Как уже отмечалось, гражданское общество не может выступать непосредственной целью и прямым результатом политической стратегии.

Современное высокоразвитое сообщество индивидов – действительный итог всей европейской истории⁸. Его становление и развитие – процесс далеко не тождественный становлению государства и государственности. Это величины разного социально-политического и духовного содержания, не совпадающие по временным параметрам. Как раз в этом своеобразная историческая драма молодых постсоциалистических государств, и Украина – ее наиболее очевидное воплощение. Суть этой драмы в необходимости нести и оправданные, и часто ненужные жертвы на алтарь утверждающейся государственности тогда, когда государство как социально-культурная ценность и политический институт уже несет на себе отпечаток исторической обреченности. Свидетельство тому – та же Европа, превращающаяся в целостную систему цивилизованных отношений, опосредованных новыми политическими, правовыми и гражданскими институтами квазигосударственного типа.

Именно поэтому политическая реальность многих молодых государств демократической направленности, их политический процесс с позиций современности часто выступает носителем ретроградных ценностей прошлого, но в своеобразной уродливой форме. Идеологическим содержанием такой политической динамики является чудовищная мистификация, направленная на то, чтобы скрыть факт обмана и ограбления граждан государственным руководством этих стран под видом разгосударствления, приватизации и развития демократических начал общественной жиз-

ни. Это позволяет сделать вывод об очевидно сдерживающем влиянии современного политического процесса в Украине, других постсоциалистических странах на развитие структур гражданского общества как единственного реального оппонента, полноценной политической оппозиции государству и властвующей элите при действующей демократии.

Список литературы

- ¹ Полохало В. Негражданское общество как социополитический феномен Украины // Полис. – 1999. – № 6.
- ² Войтенко Т. О., Гончарук О. С., Привалов Ю. О. Громадянське суспільство в Україні: аналіз соціального конструювання. Наукова збірка / Відп. ред.: Ю. Сасенко. – К.: Стилюс. 2002. – С. 15.
- ³ Там же. – С. 86.
- ⁴ Лагутин А. В. Гражданское общество и политический процесс в Украине (90-е годы) // Брянский политологический вестник. – 2001. – № 1 (3). – С. 34-36.
- ⁵ См. Войтенко Т. О. и др. Цит. оп. – С. 86.
- ⁶ Там же. – С. 50.
- ⁷ Тульчинский Г. Л. PR фирмы: технология и эффективность: – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 157.
- ⁸ Кобзарь А. Историко-теоретический экскурс проблемы гражданского общества. Цит. сб. Войтенко Т. О. и др. – С. 293.

Поступило в редакцию 25 июня 2004 г.

УДК 316.3

О. В. Святовец

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Современные общества являют собой сложноорганизованные образования. Сложноорганизованные в том достаточно тривиальном смысле слова, что они представляют собой структурированное единство многочисленных и достаточно автономных частей. Постоянно актуальной проблемой становится проблема порядка, т.е. того, как возможно координированное и согласованное взаимодействие разнородных, пребывающих в перманентном процессе обновления и трансформации социальных обособленностей, которые одновременно обладают свойством образовывать, репродуцировать и видоизменять устойчивые иерархические конструкты, но также дистанцироваться, находя и развивая основания автономного и самодостаточного существования.

Другими словами, условия и возможности социального порядка непрерывно проблематизируются фактом возникновения и утверждения новых дифференциаций, новых автономных областей [2, с. 13].

Одной из таких автономных областей является так называемая публичная сфера, существование и развитие которой проходит по еще недостаточно изученным законам. Наиболее авторитетными участниками дискуссий об общем пространстве и выделении новых дифференциаций социума являются Ю. Хабермас и Ч. Тейлор.

Юрген Хабермас еще в 1962 году опубликовал книгу «Структурная трансформация публичной сферы. Анализ категорий буржуазного общества», в которой проследил возникновение новых автономностей в обществе второй половины 18 века, в частности, общественного мнения, а также структурные изменения публичной сферы.

В условиях трансформации украинского общества публичная сфера – феномен весьма неопределенный, поскольку не является ни институтом, ни организацией, ни даже совокупностью норм и ценностей. Это никак не система, хотя в ней есть внутренние границы, внешне она открыта и проницаема, а ее горизонты могут смещаться. Наилучшим образом, как полагает Хабермас в работе «Между фактами и нормами» [5], публичную сферу можно представить пространством коммуникативных взаимодействий, сетью социальных коммуникаций, которые постоянно фильтруются и «срастаются в узлы тематически специфицированных общественных мнений» [5, с. 360]. То есть публичная сфера – в буквальном смысле «говорящая структура», область социальной рефлексии, осуществляемой не только в пределах легитимных форм литературного производства (науки, искусства, журналистики, политической риторики), но и рядовыми гражданами. Это пространство, где рождается и кристаллизуется общественное мнение.

Как и жизненный мир в целом, публичная сфера воспроизводится коммуникативным действием, направленным на взаимное понимание участников. Пространственно публичная коммуникация конституируется в виде «сферы», имеющей как вполне видимые очертания и зримую локализацию (дом, место работы, транспорт), так и достаточно абстрактный территориальный образ – аудитория масс-медиа.

Исторические формы публичной сферы как проявления гражданского общества к настоящему времени изменились. Сегодня она, несомненно, возглавляется медиа, но это, как полагает Хабермас, не является самым главным в определении ее активности. Наиболее существенным фактором консолидации общественного мнения оказываются правила разделяемой гражданами практики коммуникации.

Развивая положения, сформулированные в «Структурной трансформации публичной сферы» [6], Чарльз Тейлор предложил собственную модель дифференциации социума. Результатом эмансипирующих интенций и движений западного общества на протяжении двух последних столетий стало отделение гражданского общества от сферы политической, наиболее полно репрезентируемой государством. Причем само гражданское общество, по Тейлору, существует в двух основных формах – как рыночная экономика и как публичная сфера [6, с. 259]. Именно в публичной сфере кристаллизуется то, что может быть названо общим умонастроением, общим ожиданием, общим мнением и настроением.

Эти мнения и настроения, в свою очередь, вовсе не эфемерны или бездеятельны, они вполне функциональны. Дело в том, что в процессе конструирования публичной сферы социальные акторы обрели навыки формирования своих взглядов и их публичного репрезентирования, а субъекты политической власти – способность воспринимать общее мнение. Подобная устойчивая восприимчивость, демонстрируемая политическими инстанциями, присущая им социальная и гражданская чувствительность обуславливают возможность выполнения общественным мнением контролирующих функций [6, с. 260-261].

Постепенному, исторически неускоряемому разворачиванию публичной сферы сопутствует столь же неспешное по историческим меркам утверждение фундаментальных свойств политических институций и гражданских качеств социальных агентов – таких, как, скажем, воплотившаяся в поведенческих образцах приверженность свободе и справедливости, умение поддерживать обмен мнениями, способность понимания. Тем самым публичная сфера предстает прежде всего как пространство преимущественно демократии – она изначально рассчитана на самую широкую вовлеченность граждан, укорененную в сформированном в процессе социализации интересе к общим проблемам. Присутствие людей и групп в публичной сфере привычно и естественно настолько, что не возникает вопрос о том, какие условия должны быть выполнены для того, чтобы такое присутствие обеспечивать [2, с. 21]. Однако в современной реальности такие условия существуют.

Не в последнюю очередь так происходит вследствие того, что публичная сфера, равно как политика и экономика, основательно укоренена в культуре и повседневности, в том, что Хабермас именует «жизненным миром». По сути она конструирована и легализована присутствием культуры и освоенными людьми механизмами идентификации и различения, оценивания и классификации, механизмами присвое-

ния и освоения смыслов, касающихся общества, а также тем, в какой мере общеприняты и традиционны циркулирующие в ней схемы описания и понимания окружающего мира, действующих в нем отношений и зависимостей. Ценности, нормы, символы, значения – все здесь выступает способами видения, усматривания, редукции к узнаваемому, повседневному и даже обыденному и тривиальному. В своей совокупности они представляют собой способы уточнения участниками собственных предпочтений и аргументов, а также очерчивают пределы ангажированности акторов в те или иные процессы, имеющие общественное значение. И потому не только представленные в публичной сфере образцы одобрения и поддержки, но и реакции отвержения воспроизводят ситуацию социального небезразличия, направляя и пополняя коммуникативные потоки, а значит – устанавливая и визуализируя контуры публичной сферы.

Устойчивость и постоянство воспроизведения ее в качестве объемлющей формы обеспечено габитусом, т.е. непроблематизируемыми навыками всех участников. Фактически публичная сфера пребывает в состоянии переменной активности периодическими пиками энергии, выделяемой вовлеченными участниками, которые сткликаются на перипетии общественной и частной жизни.

Публичную сферу возможно представить и как некое взаимное наложение и перекрытие проекций власти, жизненного мира (культуры) и экономики. Следует отметить, что эти проекции не во всех подробностях воспроизводят каждую из них. Приемы селекции и представления частей и фрагментов названных относительно самостоятельных областей общественной жизни, во-первых, не очевидны, а во-вторых, складываются и модернизируются под влиянием института, конституирующего публичную сферу – масс-медиа [2, с. 23].

К событиям, несомненно активизирующим публичную сферу, принадлежат прежде всего выборы законодательной и исполнительной власти, проведение которых стало неотъемлемым атрибутом демократического общества. Итак, выборы в различные органы власти – легитимная, конституционно утвержденная процедура свободного волеизъявления граждан; феномен, принадлежащий к области политики, открытая демонстрация социальных, т.е. ориентированных на общественное состояние и общее благо контактов жизненного мира и институционализированной власти; событие, ожидание которого наиболее энергично тематизирует публичную сферу и мобилизует гражданское общество.

В условиях избирательных кампаний медиа – пресса, радио и телевидение – по сути конструируют публичную сферу как коммуникацию между политическими элитами, экспертами, комментаторами и объединенными в различные целевые аудитории изолированными индивидами.

Политическая деятельность в период выборов имеет свои ярко выраженные особенности. За относительно короткий срок претенденты на выборные должности пытаются обеспечить себе максимально возможную поддержку избирателей. Перед политиками стоит задача предельно доходчиво объяснить свои цели, доказать преимущества предлагаемых ими действий, имея в виду при этом жестокую конкуренцию со стороны противников [см. 4]. Интенсивные дискуссии по этому непростому поводу ведутся в публичной сфере на протяжении всего срока избирательной кам-

пании, заполняя своим содержанием практически весь объем публичной сферы. Однако в день выборов и с властью, и с публичной сферой нечто происходит. О процедуре собственно голосования можно сказать, что это не просто символический акт, не только заведомо установленный и ожидаемый выход индивидов в политическую область, но ее буквально физическое посещение – собственной персоной. И обстоятельства такого посещения не совсем обычны. Партии и элиты, власть в целом отступили и замерли в ожидании, освобождая политическое пространство и приглашая в него тех, кто сообщает власти легитимность, т.е. избирателей. Но и медиа в этот день не говорят о политике, дебаты завершены вчера, аргументы предъявлены, и об их достоинствах до объявления результатов остается лишь гадать [2, с. 25].

Политическое поле демократического государства характеризуется наличием большого количества агентов, вступающих в борьбу за право быть избранными на ту или иную должность. Политическую жизнь давно и успешно описывают в категориях спроса и предложения. Например, у Бурдье мы читаем: «политическое поле – такое место, где в процессе конкурентной борьбы между агентами, включенными в нее, производится политический продукт» [1]. В такой ситуации реклама приобретает всеобщий характер и становится главным средством предвыборной борьбы. На сегодняшний момент мы наблюдаем тенденцию слияния методов политической пропаганды и агитации с коммерческой рекламой, вплоть до утверждения об их полной идентичности. Однако это не одно и то же. Разница между политической и коммерческой рекламой лежит в основном – в продукте продвижения [см. 4].

Если в коммерческой рекламе упор делается на удовлетворение более или менее очевидных потребностей человека, то в рекламе политической продается сам человек – продукт неочевидно полезный. Если пользоваться циничными экономическими терминами, политическим деятелям и их помощникам необходимо убедить потребителей в необходимости для них товара, эксплуатация и содержание которого потребует от них крупных капиталовложений (в виде кредита доверия и, конечно же, налогов), а отдача может и не наступить (опыт большинства избирателей доказывает именно это) [см. 4].

Отношение к рекламе повсюду остается двойственным, что вовсе не дискредитирует этот жанр как таковой. Предвыборная кампания никоим образом не выпадает из зоны культурного резонирования медиа. Как новости или топики, как событие или его образ, как симптомы политики – все они бесповоротно захватываются механизмами рекламы. Посредством реклам медиа виртуализируют политическое поле, т.е. делают его фактически доступным для восприятия и ощущения [2, с. 34].

Как показывает практика предвыборных кампаний последних лет, восприятие одних и тех же рекламных конструктов в первую очередь зависит от позиции, занимаемой индивидом в социальном пространстве. Об этот размышлял французский социолог Пьер Бурдье в своей работе «Социальное пространство и символическая власть» [1].

Традиционно понятие «восприятие» относят к предмету психологии и социальной психологии. Между тем проблематика восприятия в той или иной форме присутствовала и в социологических теориях, особое же значение она приобретает в

настоящее время в связи с востребованностью в публичной сфере технологий и стратегий манипуляции и управления восприятием, а именно технологий рекламной и PR-деятельности.

В своей работе «Социальное пространство и символическая власть» Бурдье перемещает проблемы восприятия в поле зрения социологической науки, позиционируя социологию восприятия как социологию конструирования воззрений на мир, которые, в свою очередь, принимают активное участие в конструировании этого мира [1]. Предпосылкой такой постановки вопроса для Бурдье оказывается необходимость преодоления оппозиции объективизма и субъективизма в социальной науке, т.е. тенденции сведения социального мира к объективным фактам и структурам, с одной стороны, или представлениям – с другой. В этой связи для обозначения субъекта действия используется понятие агента, характеризуемого, во-первых, занимаемой им позицией в социальном пространстве и связанными с ней интересами. Во-вторых, позиция агента характеризуется системой схем восприятия и оценивания практик, т.е. габитусом. Понятие восприятия, таким образом, занимает свое место в характеристике внутреннего мира агента.

Обращаясь к понятию восприятия, Бурдье настаивает на социальной обусловленности структур, посредством которых агенты воспринимают социальный мир, в результате чего диспозиция восприятия соотносится с занимаемой социальной позицией.

Обращение к процессам восприятия необходимо для объяснения многообразия возможного структурирования социального мира, производимого и не без помощи средств публичной сферы. Следует помнить, что агенты, участвующие в коммуникационных процессах, обладают активным восприятием действительности в целом и отдельных ее сфер. Агенты конструируют собственное видение мира. Но это конструирование не происходит в социальном вакууме, а осуществляется под структурным давлением; кроме того, когнитивные структуры сами являются социально структурированными, поскольку имеют социальный генезис. И наконец, конструирование социальной действительности – это не только индивидуальное «предприятие», как пишет Бурдье. Оно может быть и коллективным [1]. Социальное пространство сконструировано так, что агенты, занимающие сходные или соседние позиции, находятся в сходных условиях, подчиняются сходным обусловленностям и имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а следовательно, производить сходные практики. Таким образом, восприятие социальной реальности в целом и различных ее проявлений можно назвать структурирующим признаком, выделяющим индивидов, которые занимают сходные позиции в социальном мире, обладающих сходной системой ценностей, норм, правил и оценок и реализующих сходные практики.

В условиях медиа-пространства, сконструированного публичной сферой, для описания таких групп активно используется понятие «целевая аудитория» или «целевая группа потребителей» того или иного продукта, в том числе и политического, – имеется в виду некая общность, объединенная стилем жизни и потребления, имеющая одинаковые проблемы и стремления.

Социологические исследования последних лет показывают, что восприятие раз-

личных типов конструкторов политической рекламы в значительной степени определяется социальными факторами [см. 3]. Под «социальными факторами» следует понимать образовательный, статусный и гендерный факторы. В ходе проведенных исследований существования названных факторов специалистами были выделены группы доминируемых (занимающих подчиненное положение в социуме без доступа к основным благам гражданского общества) и доминирующих, находящихся на выигрышных позициях. Большинство потребителей продукта, производимого публичной сферой, при оценивании рекламных конструкторов подходит к ним с готовыми представлениями о том, как именно должна быть организована информация. У представителей различных социальных групп уже сформирована готовность к восприятию рекламы или, напротив, к ее отторжению. Так, группа респондентов, которая позиционирует себя как «неуспешных», «не сумевших вписаться в новый порядок», высказывает критические мнения о любых видах рекламных конструкций. Такое отношение порождено неприязнью к самому способу подачи информации. Следует отметить, что «рекламой» респонденты из «доминируемых» групп называли исключительно видеоролики, плакаты и сюжетные фотографии. Тексты, произносимые в традиционном режиме (новости, сообщения о телепередачах, статичные фотопортреты) воспринимаются как объективная информация. Отношение к таким конструкторам более внимательное, оно лишено эмоционального напряжения.

Трансформация социальной структуры общества делает совершение политического выбора одним из многочисленных потребительских выборов, которые совершаются индивидом в рамках ежедневных практик. Этот выбор является компонентом стиля жизни, символическим знаком, фиксирующим в очередной раз принадлежность к определенной социальной группе и желание разделить ценности этой группы [1]. Негативизм «доминируемых групп» по отношению к политической рекламе становится выражением их стиля жизни, их жизненных стратегий как таковых. В тех случаях, когда личность находится в доминируемой группе, новые, присущие гражданскому обществу способы представления информации становятся для нее бесполезны, поскольку доминируемый не может адекватно ответить на призыв к коммуникации. В данном случае он не может купить предлагаемый рекламой товар, не может принять новые ценности, не видит подтекста рекламного сообщения. При этом главную роль играет не интеллектуальная или культурная недостаточность, а только уровень социального продвижения. Реклама политическая становится отторгаемой вдвойне, т.к. люди, обладающие низким уровнем материального благосостояния и недостаточным символическим капиталом, не могут адаптировать не только язык и стиль сообщения, но и сам предмет рекламы. Политическая деятельность для них остается максимально отдаленной от обыденных практик, а значит – непонятной и бесцельной. В такой ситуации представителям «разрушенного класса» ничего не остается, кроме как признать свое маргинальное положение и перейти к новому стилю коммуникации, существующему и конструируемому публичной сферой гражданского общества. В противном случае им следует отказаться от участия в общественной жизни вообще.

Респонденты, относящие себя к «успешным» группам, оказываются более восприимчивыми к политической рекламе. Реклама как таковая является обыденным

элементом их стиля жизни, не вызывающим существенного эмоционального напряжения. Их восприятие различных рекламных конструктов ситуативно, однако необходимость политической рекламы не вызывает у них сомнения, что обусловлено сформированной потребностью в информации политического характера. Это поведение объясняется принятием правил игры гражданского общества, которые в большинстве случаев массово транслируются в медиа-пространстве.

Таким образом, становится очевидным тот факт, что при создании политической рекламы необходимо учитывать не только психологические особенности человеческого восприятия, но и изначальную обусловленность отношения к рекламе большей части населения. Учет данного факта представителями политических элит существенно ускорит процесс становления и принятия ценностей гражданского общества.

На первый взгляд, отношения между выборами и публичной сферой инвариантны для всех социально-политических систем [2, с. 27-28]. Тем не менее есть отличия между странами зрелой демократии и странами «наверстывающей демократии», и отличия весьма существенные. Единство выборов и политики – продукт относительно позднего исторического развития. Должно сначала состояться обособление политики от гражданского общества (а в последнем – еще сложиться рыночная экономика и публичная сфера) для того, чтобы выборы можно было естественным образом соотносить одновременно и с областью политической, подразумевая процедурные аспекты, и с публичной сферой, имея в виду открытый разговор о власти и ее субъектах.

Список литературы

1. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала.: Пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1994.
2. Медиа на выборах: между политикой и культурой (контент-анализ политической прессы) / Под ред. Н. Костенко: – К.: Ин-т социологии НАН Украины, 1999.
3. Богомолова Л. Восприятие рекламных конструкций различными категориями избирателей http://www.cl.spb.ru/vip003/polit_r.html.
4. Богомолова Л. Реклама на выборах. http://www.cl.spb.ru/vip003/polit_r.html.
5. Habermas J. Between Facts and Norms. Contribution to a Discourse Theory of Law and Democracy. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1996.
6. Taylor Ch. Liberal Politics and the Public Sphere // Charles Taylor/ Philosophical Arguments. – Harvard University Press: Cambridge, Massachusetts, London, England, 1995. p. 257-287.

Поступило в редакцию 30 июня 2004 г.

УДК 323.2

М. С. Арудов

ДИАЛОГ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ, ИЛИ ПОИСК ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ

Прежде чем рассмотреть возможность диалога общества и власти, следует определить свое отношение к ключевым понятиям общество и власть. После попыток объяснения сути понятия «общество» в античности (Аристотель) и в средние века (Августин и Фома Аквинский), в последующее время этот вопрос обретает статус политико-философской проблемы. Наиболее адекватное определение понятия «общество» предложил Огюст Конт в своей социологии, рассматривая общество как «совокупность взаимодействия индивидов между собой», ориентированных на осуществление принципа конвенции и вектора одинаковой направленности интересов. Такой подход позволяет развести общество и общность людей, констатировать многообразие интересов людей, которые различаются по степени общности (индивидуальные, корпоративные, общественные); по вектору направленности (экономические, политические, правовые, научные, эстетические, религиозные, экологические и другие); по характеру социальной активности (национальная, государственная, партийная, профсоюзная, конфессиональная); по степени солидарности (стихийная и сознательная); по возможности осуществления (реальная и утопическая); по тенденциям общественного развития (просоциальные, асоциальные, антисоциальные).

А если учесть, что интерес является формой осознанных активностей, которым числа нет, как бездне дна, и выступает побудителем активности людей, то только богатое воображение может представить общество как структурно организованный уровень бытия в мире, который имеет свой особый способ существования, свою форму проявления и свою форму осуществления. Способом существования общества выступает совместная жизнедеятельность людей, преследующих свои интересы, и протекающая в определенном социокультурном пространстве и социальном времени, в его исторической ипостаси.

Жизнедеятельность людей предполагает взаимосвязь, взаимодействие и взаимную ответственность. Осуществление этих трех принципов развития делает общество людей самореализующейся системой, которая предполагает свою систему координат развития по вертикали и горизонтали. Любой перекос в сторону одного из векторов чреват социальными коллизиями.

Вертикаль обеспечивается властью, горизонталь – коммуникативными отношениями людей, больших и малых социальных образований.

В отличие от физического насилия, власть – сила, способная воздействовать на людей, подчинить их своей воле и обеспечить определенный регламент взаимодействия людей по обеспечению их интересов.

В своей эволюции власть прошла путь от власти авторитета к авторитету власти в лице государства. В ярких исторических эпохах значение власти усиливалось, в других – ослабевало, но всегда она была востребована, ибо общество не тождественно общности людей, реализующей принципы солидарности и справедливости.

Значение власти усиливается в условиях переходных периодов, когда происходит смена ценностных ориентиров, когда реальностью являются этапы разрушения, накопления и созидания; когда полноводье разрушительных процессов на определенном этапе надо перевести в русло конструктивных процессов. И решение этой задачи может обеспечить только власть. Этим и определяется актуальность диалога общества и власти в условиях трансформационных процессов, имеющих место в современной Украине и в Крыму.

Целью диалога является поиск гражданского согласия, а средством диалога может быть политика мультикультурализма.

В системе демократических ценностей [1] гражданское согласие занимает особое место. В условиях украинского современного общества гражданское согласие обретает статус ключевой ценности. Оно не только обеспечивает механизм социализации, но и оптимально осуществляет процесс гражданской идентификации. Преодолевая «массовую патологию идентичности» в условиях переходного периода, оно закладывает основания, конструирует предпосылки становления гражданского общества.

В качестве определенной формы гражданского согласия можно рассматривать практику мультикультурализма, ориентированного на обеспечение статуса гражданина. Статус гражданина предполагает:

- сохранение личного достоинства;
- осуществление свободы как осознанной необходимости;
- волеизъявление и самоосуществление;
- сопротивление насилию;
- протест против беззакония (беспредела);
- инакомыслие, неприкосновенность, судебную защиту;
- ориентир на справедливость и солидарность.

Основная идея мультикультурализма заключается в том, что мировоззренческие ориентиры относительны, поэтому ни одну шкалу ценностей, ни один образ жизни нельзя рассматривать в качестве приоритетного. Поскольку современное общество, как правило, характеризуется этническим плюрализмом, конфессиональным разнообразием, социокультурным многообразием, то единого «языка» в области политики и морали нельзя найти и не следует искать. Нужно принимать реальность социальной действительности, как она есть, не навязывая единый канон восприятия мира и определения к нему единственного верного отношения [2].

Основу политики мультикультурализма составляет принцип толерантности. Толерантность (от латинского *tolerantia*) как социально-политический термин обозначает признание одним человеком права другого человека на собственное убеждение (мнение), независимо от различия их интересов. Толерантность – безусловная ценность в условиях социокультурного плюрализма, в обществе разнонаправленных конкурирующих интересов, окрашенных этнической или религиозной нетерпимостью.

И тем не менее о толерантности спорят. Одни сводят толерантность к терпимости, другие высказывают мнение о целесообразности различать терпимость и толерантность. Третьи усматривают в толерантности примирение и капитуляцию. Каждая точка зрения имеет определенное основание, но это основание, возведенное в абсолют, вызывает скорее сомнение, чем доверие. А вот анализ словарных обозначений позволяет сделать вывод о том, что изначально латинское "tolerantia" имело то же значение, что и «терпение» в европейских языках. В лексиконе понятий гражданского общества «терпение» трансформировалось в «терпимость», сохранив за собой смысловое содержание терпения, исключая любые формы униженности или унижения [3, 4].

«Терпеть» не тождественно «страдать», переносить зло. Другими словами, последнее слово всегда остается за принципом конкретности истины, когда обстоятельства заставляют не просто «страдать», терпеть зло, а делать выбор в соотношении «непротивление злу силой» и «сопротивления злу силою».

Толерантность как одна из ценностей гражданского общества противостоит не только всевластию государства, но и любым формам анархизма, любым формам беспредела. Насколько важна эта ценность современного общества, свидетельствует тот факт, что 1995 год был объявлен ЮНЕСКО годом толерантности. Она задает ту особую сферу отношений, в которой люди заявляют о том, что они выше политики, они вне национальных и вне религиозных направлений, ориентированных на интеграцию «своих» через противостояние с «чужими». Люди, разделяющие принцип толерантности, не нуждаются в праве, как воле господствующего класса, возведенной в закон. Они предпочитают закон, стоящий на страже прав человека плюралистического общества, которое допускает в пределах закона многообразие политических, национальных, религиозных и социокультурных форм самоопределения.

Терпимое общество (толерантное общество) не допускает предвзятости или дискриминации, т. е. неуважения, понижения в правах, подавления и т. д.

Но терпимость (толерантность) как ценность гражданского общества существует не сама по себе, а только через свое проявление в конкретном самоопределении личности, через установление ее идентичности. И в этом смысле терпимость выступает индивидуальной добродетелью или качеством, которое проявляется в отношениях с другими.

В проявлении толерантности в отношениях с другими могут присутствовать три позиции:

- Сознательное подавление чувства неприятия другого. Это очень важная процедура, если учесть, что неприятие и отторжение чужого – это естественная реакция и человека, и его организма.

- Признание права другого на сохранение своей самобытности в отношениях, когда вольно или невольно происходит вторжение в культурное пространство другого, и этот другой может реализовать право на свободу самовыражения, проявлением которого является, в первую очередь, свобода слова.

- Уважительное отношение к самобытности другого, принятие права другого быть другим и оставаться другим сообразно с его ценностями и предпочтениями.

За этими позициями проявления толерантности просматриваются три аксиомы великого гуманиста Иммануила Канта:

- поступай так, чтобы правило твоего поведения могло стать правилом для всех;
- в своих поступках исходи из того, что всякий другой человек является высшей ценностью, и его нельзя рассматривать как средство;
- все поступки должны быть ориентированы на благо.

Толерантность – важнейшая ценность гражданского общества, ибо терпение – не только надежда на справедливость, смирение, но и позволение другому осуществить право на свое самоосуществление. Под толерантностью понимается уважение к чужому мнению, к различным формам самовыражения и проявление индивидуальности на основе признания прав и свобод человека. Без реализации принципа толерантности все заявления о гражданском согласии носят декларативный характер, а все усилия по пробуждению гражданского общества тщетны.

Толерантность – это принцип поведения людей, который родился не в кабинете мыслителя. Он был выстрадан, и первый шаг его становления, первая опредмеченная форма идеи толерантности имеет знаковый смысл. Это веротерпимость, которая на порядок выше любого проявления фанатизма или усилий атеизма.

Веротерпимость утверждается ссылками на общегуманистическое содержание Священного Писания. Для Бога нет разницы, кто стоит перед ним. Он судит каждого не за национальность, а за меру исполнения закона: исполняет ли он закон или попирает его. Ради утверждения терпимости представителям протестантизма и представителям традиционного католицизма предлагалось забыть о догматических разногласиях и помнить об основах христианской идеи, суть которой представлена любовью к ближнему и милосердием.

Следующий шаг утверждения терпимости в качестве принципа толерантности был осуществлен в отношениях церкви и государства. В процессе становления абсолютистских государств в Европе принцип толерантности регулировал отношения между абсолютной политической властью и институтом церкви.

Позже, с развитием либеральной идеологии и становлением буржуазных общественных отношений, этот принцип становится базовым для реализации отношений между людьми в обществе. Терпимость морально смягчает индивидуальные различия, связанные с этнической и конфессиональной принадлежностью, полом и возрастом, материальным и социальным положением в обществе.

Благодаря усилиям мыслителей эпохи Просвещения, особенно Вольтера (см.: «Кандид, или Оптимизм», «Трактат о веротерпимости») понятие терпимости входит в политический словарь.

Обладая мужеством и воображением и сам страдая от нетерпимости, наглости и всевластия сильных мира сего, Франсуа Мари Аруэ, известный под псевдонимом Вольтер, стал убежденным и упорным противником всякого фанатизма и деспотизма. Как буржуа и деловой человек, он восхищался государственным устройством Англии, «нации торговцев». Поскольку талант, изобретательность и деловые качества помогли ему нажить солидное состояние, Вольтер никогда не мог стать революционером. Как никто другой из писателей, он будет оказывать огромное влияние на людей не только своего времени, но и последующих столетий.

Вольтер рассматривает терпимость как достояние человечества. В «Философском словаре» Вольтер сетует по поводу того, что все мы слабы и полны заблуждений, а посему способность взаимно прощать друг другу наши глупости считает первым естественным законом. Наше сознание ограничено, и мы все подвержены ошибкам – в этом коренится довод в пользу взаимной терпимости. Мы должны быть взаимно терпимыми, ибо все мы слабы, непоследовательны, подвержены непостоянству и заблуждениям. «Может быть, камыш, согнутый ветром над топью, должен сказать своему соседу, такой же тростинке, но наклоненной в противоположную сторону: «сгибайся, как я, несчастный, или я донесу, чтобы тебя вырвали с корнем и сожгли!»?» Нетерпимость переплетается с тиранией, а тиран – это правитель, не признающий иных законов, кроме своих прихотей [5, с. 524-528].

Свой вклад в обоснование необходимости мирного сосуществования разных мнений в общественной жизни и утверждении принципа толерантности внес Готхольд Эфраим Лессинг, автор «Натана Мудрого» (философской притчи о терпимости). Для Лессинга иудаизм – это «детский букварь» общей педагогической деятельности человечества, христианство и ислам – уже зрелая педагогика. Но, в конце концов, все религии откровения исчезнут, когда о себе заявит рациональная независимая этика с ориентиром на утверждение принципа терпимости к другому, даже если он демонстрирует иное социокультурное пространство как форму проявления своей жизнедеятельности [5, с. 607-608].

В последующее время терпимость обретает статус способности выбора между альтернативными точками зрения и способами поведения в рамках закона.

Еще одно измерение принципа терпимости обнаруживается уже в XX веке. Мощное движение за гражданское равноправие в Америке обусловило необходимость переосмыслить терпимость в отношении расовых и этнических различий.

Но, как и в далеком вчера, социальной проблемой является не столько терпимость, сколько нетерпимость. Ее истоки коренятся в психике человека. Любой чужой, как правило, вызывает опасения, воспринимается как источник дискомфорта. Неоправданную настороженность к чужому особенно проявляют люди консервативного склада, инерционного типа.

Нетерпимость может усиливаться и через неадекватное чувство собственного достоинства, и заявкой на исключительность. Этот своеобразный эгоцентризм может существенно усиливаться на уровне противостояния идей и убеждений, когда предается забвению, что истина рождается не в споре, а в совместном движении к ней, ибо истина одна, и никто не обладает монополией на истину.

Но и терпимость имеет свой проблемный характер, который проявляется через определение меры терпимости, установление ее границ.

Свое выражение терпимость находит в снисходительности, в прощении. Но практика сплошь и рядом демонстрирует, что снисходительность зачастую является нарушением административного права, что влечет за собой соответствующие санкции.

Прощение – это больше, чем забвение. Забыть можно, проявив равнодушие или презрение к тому, кто совершил недостойный поступок. В презрении я не считаю другого достойным внимания, в равнодушии я не замечаю другого. Что касается

прощения, то это не только забвение обиды, но и согласие на мир, не говоря о том, что прощение обязывает не судить другого и не навязывать ему свое мнение.

Кроме того, прощение обязательно, но не абсолютно. Оно предполагает гарантии, что другой (чужой) раскаивается и желает восстановления мира.

Прощать – это не значит забывать, не учитывать приобретенный опыт.

И, наконец, есть ли предел прощению? Можно ли прощать непростительное? Имею ли я право прощать обиды, нанесенные не мне лично, но моим близким? И как быть в ситуации, когда прощение рассматривается как попустительство?

Эти и другие вопросы свидетельствуют, что идея терпимости проста и прозрачна, чего не скажешь о ее осуществлении. Последнее еще раз подчеркивает методологическую значимость одного из принципов гносеологии – принцип конкретности истины.

Причиной непримиримости может быть эгоцентризм, догматизм ограниченность, зависть, обида. Только самоанализ и оценка на адекватность могут определить как меру толерантности и способности к снисхождению, милосердию и прощению, так и меру готовности противостоять злу, решив проблему конкретного соотношения «непротивления злу силою» и «сопротивления злу насилием».

Противостоять злу необходимо, как необходимо и сохранять приверженность справедливости. Не следует приумножать зло, необоснованно прибегая к силе. А прибегая по необходимости к силе, следует помнить об опасности «заражения злом», о том, что в активном противостоянии победителя не бывает.

От теории мультикультурализма можно перейти и к практике, рассмотрев его возможности в условиях Крыма, который демонстрирует все богатство социокультурного многообразия.

Крым – это многосемейная коммунальная квартира, где соседя не выбирают, а принимают таким, какой он есть. Жить в едином пространстве совсем не просто, ибо любое движение, жест, слово сопряжены с проникновением в культурное пространство другого человека.

И надо овладевать искусством компромисса, учиться идти не рядом, а навстречу друг другу. И не нужно в этой ситуации изобретать «велосипед» или переоткрывать Америку. Нужно осваивать теорию и практику политики мультикультурализма, которая хорошо себя зарекомендовала в ряде стран Старого и Нового света. И речь идет о том, чтобы не копировать чужой опыт, а учиться преломлять его через призму своей специфики.

Особенностью Крыма является то, что на его территории сложилась уникальная культура крымчан, в рамках которой формировались общие традиции, общезначимые ценности, складывалось уважительное отношение к профессиональному и этническому своеобразию. Это не означает, что в рамках этой культуры не было проблем, коллизий. Но не они определяли общественную жизнь Крыма. Статус крымчанина был больше, чем статус русского или украинца, татарина или караима, еврея или грека.

Последовавшая депортация крымских татар – это осознанная или неосознанная трагедия всех крымчан. Нет больше той уникальной культуры, которая не просто создавала жизненное пространство крымчан, но и обеспечивала оптимальное реше-

ние их проблем. И эту культуру нельзя восстановить только возвращением депортированного народа на его Родину, как нельзя реанимировать организм, когда в нем обозначились необратимые изменения.

Ситуация кардинально изменилась. Возвращение крымскотатарского народа актуализировало проблему сосуществования людей различной национальной и религиозной принадлежности в едином жизненном пространстве.

Эту проблему можно решать по-разному, в том числе с позиции политики мультикультурализма, которая ориентирована на разрешение противоречия между желанием этнических общностей сохранить свою идентичность и необходимостью государства обеспечить целостность общего пространства,

Аксиомой этой политики является положение о том, что различные этнические группы могут быть инкорпорированы в единое общество без утраты своих национальных особенностей, без ограничения своих прав.

Практика мультикультурализма – это «средний путь», который позволяет формировать цивилизованное пространство, не разрушая традиционных оснований сложившихся культур. Но это возможно только в условиях подлинного диалога культур.

Диалог является возможным и необходимым, ибо разные культуры в общем пространстве неизбежно вступают в контакт. А вот конструктивность диалога зависит от авторитета власти, от того, насколько государственность Крыма способна создать благоприятные условия для осуществления этого диалога.

Реальность автономии Крыма и его финансирование по остаточному принципу вызывают сомнение в возможностях крымской государственности реализовать статус «третьего судьи».

Ситуация усугубляется еще и тем, что практику мультикультурализма, который хорошо зарекомендовал себя в рамках традиционной новоевропейской цивилизации, надо еще осваивать и политику, и обывателю.

Но выяснение отношений между ветвями власти и отсутствие стабильной социальной политики в Крыму исключают возможность успешного освоения чужого опыта с учетом своей специфики, когда в качестве ориентира выступает не перспектива, а принцип «здесь и только сейчас».

Реальностью Крыма является социокультурный плюрализм, который порождает особое социальное пространство, где этнические образования явочным порядком берут на себя некоторые функции государства. «Государственное» право теряет свою эффективность, ибо защищаемая им «средняя» норма справедливости не устраивает ни один субъект социальной активности. И тогда социокультурные общности, апеллируя к «обычному» праву, берут на себя ответственность за жизнедеятельность своего социального представительства и пытаются обеспечить общественную справедливость на локальном уровне.

Такое положение чревато негативными последствиями неконтролируемого отношения к освоению природы, росту населения, стихии рыночных отношений, очагам национальной и религиозной нетерпимости. Кроме того, восприятие справедливости на локальном уровне для одних является благом, а другими образованиями может восприниматься как зло.

В условиях ограниченного осуществления государственной власти от всех участников социальной активности требуется не только реализация принципа толерантности в пределах единого жизненного пространства, но и высокая ответственность за прямые и косвенные последствия того, что они делают.

Осуществление политики мультикультурализма возможно лишь в случае осознания причастности людей различных национальностей к единому целому как генератору общего интереса.

Таким целым является, в первую очередь, территориальная целостность Крыма как условие проявления и осуществления жизнедеятельности людей, независимо от их национальной и религиозной принадлежности.

Ответственность за общий «дом» предполагает особое единство в статусе «Мы», другими словами, солидарность. Но именно солидарность и является проблематичной в ситуации социокультурного плюрализма. Как уже отмечалось выше, плюрализм более демократичен, чем монизм. Ему изначально присущ компромисс.

Плюрализм не исключает, а даже предполагает идентификацию людей к различным социальным образованиям, когда люди разных культур оказываются в одной политической партии, принадлежат к одной конфессии, работают на одном предприятии, болеют за одну футбольную команду, предпочитают один стиль одежды, живут в границах одной ойкумены. К этому следует добавить образы общего врага, каковыми являются стихия рынка, коррумпированные чиновники, преступный мир, беззаконие и беспредел.

И тем не менее социокультурный плюрализм чреват потенциальными коллизиями, ибо даже малое солидарное «Мы» укрепляется через отношение к другому. Причем другое рассматривается как чужое, со всеми вытекающими обстоятельствами.

Проблема заключается в том, чтобы выработать механизм достижения гражданского согласия, обеспечить условия формирования общественной справедливости, превосходящей авторитетность локальных образований.

Из имеющихся социальных различий культурные различия – наиболее глубокие. Это последний оплот индивидуальности, вторжение в который рассматривается как покушение на самое святое право человека быть собой, а не таким, как другие. Одна культура не может быть лучше или хуже другой. Поскольку по своей сути все культуры разные, то это ведет к конфликтам. И они, как правило, являются самыми жестокими, бессмысленными и деструктивными, ибо ни одна из сторон не желает поступиться своими принципами, рассматривая их как смысл своего существования.

Мир и благополучие социокультурного плюрализма в Крыму зависят от того, удастся ли выработать такую модель человеческого общежития, которая гарантировала бы солидарность на всех уровнях социального бытия и не вступала бы в противоречие со стандартами общественной справедливости, присущими тем социокультурным образованиям, которые волею судьбы оказались в едином жизненном пространстве.

Эта модель должна принимать во внимание различие языков, особое концептуальное восприятие пространства и времени, справедливости и равенства, взаимосвязи добра и зла, прекрасного и безобразного, другими словами, принимать во внимание различия каждой культуры.

Что касается института государства, то оно должно стоять над проблемной ситуацией, не принимая чью-либо сторону. Оно обязано обеспечивать политику мультикультурализма как политику бесконфликтного сосуществования людей различной национальной и религиозной принадлежности, не превращаясь в самоценность.

К сожалению, крымская государственность не составляет исключения. Ее рабочим инструментом выступает не бюрократия, а бюрократизм. Последний демонстрирует систему самообеспечения. В таких условиях государство теряет способность осуществлять статус гаранта гражданского согласия. Ситуацию отчасти спасает самоуправление как дополнительный фактор становления гражданского согласия, реализуя потенциал общей воли людей данной территориальной целостности и препятствуя инверсии бюрократии в бюрократизм. Хотя и самоуправление, особенно в фазе своего становления, проблематично, требует внимания как на теоретическом, так и практическом уровнях.

В качестве **вывода** следует отметить,

- что политика мультикультурализма в Крыму необходима, но вряд ли возможна в условиях политической нестабильности и нищеты, усиливающих противоречия социальной системы;
- эту политику следует осваивать сверху и снизу, изучая чужой опыт с учетом своей специфики;
- решающая роль в осуществлении политики мультикультурализма принадлежит крымской государственности и самоуправлению, реализующим не механическую, а органическую связь в творческом тандеме;
- теория и практика мультикультурализма должны стать предметом особого спецкурса в высших и средних учебных заведениях. Политику мультикультурализма следует осваивать как составляющую общей культуры, преодолевая политическую неграмотность и правовое невежество людей, плохо знающих легитимные средства осуществления своей свободы, своих прав и принимающих любые формы притеснения как норму;
- Крым является для Украины своеобразным полигоном, на котором можно проверить эффективность политики мультикультурализма с учетом специфики местных условий;
- достигнутое гражданское согласие может стать предпосылкой, условием становления гражданского общества, которое обеспечивается самоорганизацией в условиях, где не общество служит власти, а власть обслуживает общество;
- диалог, разумный компромисс обеспечат будущее Крыма, где уже сейчас протекает уникальный процесс формирования культуры крымского сообщества и его государственности. И этот процесс нельзя ни ускорять, ни тормозить. Его можно только холить и лелеять, помня о том, что процветание и благополучие крымчан только в единстве, в рамках единого жизненного пространства.

Таким образом, политика мультикультурализма имеет собственные проблемы,

которые нуждаются в рассмотрении и разрешении, если политика мультикультурализма рассматривается как инструмент диалога с ориентиром на достижение гражданского согласия в условиях социокультурного плюрализма, а не является средством декларации, разменной монетой в политических играх.

Список литературы

1. Гражданское общество: истоки и современность / Под ред. И. И. Кального – СПб, 1996.
2. Бистрицкий С. Конфлікт культур і філософія толерантності // Політична думка №1, 1997. – С. 3-21.
3. Апресян Р. Г. Толерантность и ценности гражданского общества//Ценности гражданского общества и личность. – М., 2001. С. 105-118.
4. Моруа А. Три Дюма: Литературные портреты. – К., 1988. С. 369-378.
5. Западная философия от истоков до наших дней. Том 3. – СПб., 1996. – 980 с.
6. Идентичность и толерантность. М., 2002. – 342 с.

Поступило в редакцию 1 июня 2004 г.

УДК 316.3 (470+571)

И. Н. Лопушанский

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ:
ИСТОКИ, РЕАЛЬНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Более полутора десятилетий отделяют нас, бывших соотечественников и граждан Советской страны, от начала реальной демократизации, послужившей толчком для возрождения интереса к гражданскому обществу в его либеральном видении сначала на Западе [1], затем у нас, в тогда еще общей стране [2]. Вслед за этим последовал «обвал» интерпретаций идеи в российской научной литературе и, наконец, всесторонний анализ деталей, частных, воплотившийся в проведении ежегодных петербургских форумов (на очереди – четвертый!), в появлении первых почти энциклопедических работ (антологий?) [3].

Для такого повышенного интереса к теме гражданского общества должны были быть основания в реальной жизни [4]. Такими основаниями стали противоречия объективного свойства, возникшие, на наш взгляд, в связи с социальными переменами «брежневского периода», когда городское население превзошло по численности сельское и квалифицированный труд неизбежно начал вытеснять неквалифицированный, что, в свою очередь, делало идею уравнительного распределения (ядро коммунистической идеологии) менее привлекательной. Причем значение квалифицированного труда в сочетании с закономерностями соответствия платежеспособного спроса предложению со стороны производителя, как катализатора реформистских настроений в развитых странах Европы, еще в конце XIX в. было замечено Ф. Энгельсом, предположившим смещение центров революционного процесса на Восток, и Э. Бернштейном и его последователями, просто признавшими при таких условиях поражение революционной перспективы.

Теоретическое обоснование кризиса коммунистической идеологии в русле нашей темы можно связать и с попытками А. Грамши модернизировать постулаты марксизма [5] еще в 1930-е гг., и с характерными для конца «перестройки» в СССР представлениями о противоречиях между растущей в условиях НТР интеллектуальной элитой и стареющей консервативной партийной верхушкой, и с неспособностью партийно-государственной бюрократии справиться традиционными методами с усложнением управленческих проблем [6, с.110-111, 114-115] и др. На наш взгляд, эти доводы вполне убедительны, и все же у идеи уравнительности еще есть резервы: во-первых, это – потенциальные кризисы в политической, экономической, социальной сферах, ставящие всех работников вне зависимости от квалификации в одинаково трудное положение; во-вторых, это – действие закона возвышения потребностей, оставляющее часть людей неудовлетворенными своим положением относи-

тельно более обеспеченной части населения; в-третьих, это – неравномерность распределения природных ресурсов и перспектива их истощения.

Либеральная концепция гражданского общества существенно расширила содержание понятия «гражданское общество», использовавшееся в отечественной теории государства и права для описания негосударственных институтов, входивших в политическую систему общества. Однако усложнение теоретических конструкций гражданского общества (пример – книга Дж. Л. Коэн и Э. Арато [7], ставшая для специалистов настольным пособием) не должно быть беспредельным: во-первых, граждане, а не ученые призваны создавать ячейки гражданского общества, а они вряд ли когда-нибудь сочтут возможным, да и нужным погружаться в море дефиниций; во-вторых, сами теоретические конструкции довольно вычурны и в этом ущербны, они шатаются при несовпадении предложенных условий с реальными; наконец, то, что приемлемо для политической борьбы, всегда сложной и непредсказуемой, вряд ли может подходить для условий частной жизни, свободного «входа-выхода», характерных для гражданского общества, оговоримся, в нашем понимании.

В реальной жизни «перестроечные» шаги демократизации стали шагами в направлении гражданского общества (причем, вне зависимости от признания учеными, – существовало три взгляда на реальность: 1) гражданского общества в России нет; 2) гражданское общество в России существовало всегда и существует теперь; 3) в России сложилось «квазигражданское» общество [8]). На первых порах это была дозированная гласность, публикации эмигрантов в «толстых» журналах и поток новых оценок истории в популярной прессе – от полного контроля со стороны партий-государства приходилось отказываться под давлением общественного мнения, этого главного политического оружия гражданского общества.

Затем это выборы, процедура которых обсуждалась как на высоких партийных форумах (XIX партийная конференция летом 1988 г.), так и в дискуссионных клубах периода перестройки – первых ячейках обновлявшегося гражданского общества. Появляются объединения избирателей и объединенные фронты трудящихся в крупных промышленных и научных центрах, национальные фронты в республиках.

Третьим направлением демократизации стала выборность управленческого персонала на производстве – неудачная, поскольку не учитывалась ментальность работников в условиях общественной собственности на средства производства: рационализм и эффективность управления ценились рабочими меньше, чем покладистость руководителей (это означало, прежде всего, отсутствие ясных стимулов – при их наличии, скажем, в ходе так называемого «щекинского эксперимента» в Московской области, кстати, расхваливавшегося на нескольких партийных съездах, но так и не распространенного по стране. Рабочие охотно почти вдвое сократили трудовой коллектив при сохранении фонда заработной платы).

Результаты демократизации в стране, охваченной глубоким экономическим кризисом, привели к непредсказуемым последствиям: распаду СССР по линиям национальных границ союзных республик, крушению социализма в странах Центральной и Восточной Европы и режимов «социалистической ориентации» в странах «третьего мира», к изменениям в глобальной расстановке сил. Результаты, на наш взгляд,

негативные, но процесс разрушения глубоко структурированной власти показал потенциал именно гражданского общества (о котором тогда почти никто не говорил!). Поэтому определение гражданского общества как совокупности социальных отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти и способных на нее воздействовать, данное Г. Г. Дилигенским [9], выглядит в данном контексте наиболее подходящим.

Взгляд на реальность и перспективы гражданского общества в России сочетает рассмотрение двух параллельных процессов: один из них – это процесс формирования автономных общественных объединений – поле деятельности ученых и активистов. До определенного времени у них отсутствуют отношения с государством.

Другой – осуществляется политиками и заключается в налаживании взаимодействий государства с гражданским обществом. Специфической в отношении гражданского общества задачей власти является объединение индивидов, отличающихся большей активностью от населения в целом. Цель – контроль и управление (в основном косвенные).

Государство может не ограничиваться показательными шагами навстречу гражданскому обществу и реагировать на инициативы «снизу» по созданию правовой базы, защищающей частную жизнь граждан.

Прогноз возможной модели российского гражданского общества должен учитывать альтернативы. Процедура конструирования такой модели заключается также в проверке соответствия ожидаемого состояния секторов отечественного социума условному «идеалу» гражданского общества, сложившемуся к настоящему времени.

Сопоставляя идеал с реалиями и тенденциями российской жизни, можно предположить возможные направления в развитии представлений об отечественном гражданском обществе в разных отраслях социального знания и действия.

В теоретическом, философском поле, вероятно, будет продолжена борьба между сторонниками компромисса идеала гражданского общества с отечественными реалиями и теми, кто настаивает на реализации идеала. В условиях постоянных несоответствий идеала традициям, опыту и идеям, характерным для России, отечественное гражданское общество будет отличаться от западного образца. Плюрализм взглядов неизбежно будет приводить к расхождениям, а социальная конъюнктура – к сближению позиций идеалистов и реалистов. Вероятно, это выльется в череду компромиссов и определит эволюционный характер движения к идеалу гражданского общества.

В экономической сфере безусловное для формирования и развития гражданского общества наличие рынка будет сочетаться со специфическими российскими чертами: сохранением значительного участия государства в деятельности ВПК, «естественных» монополий, в социальном и аграрном секторах. Таким образом, и в этой сфере, представляющей важнейшее основание для гражданского общества, в России оно вряд ли может быть «вестернизировано».

Культурные основания российского гражданского общества также создают сложности для прогноза. Цивилизационная неоднородность социума возникла и продолжает существовать в силу различия: а) этнических составляющих; б) конфессиональной принадлежности; в) «крестьянского» общественного сознания, прояв-

ляющегося в наше время в виде уравнилельных ожиданий, нежелания «выделяться» своим потенциалом, доверия «вождям», а не делам. Видимо, российское гражданское общество продолжительное время будет развиваться по секторам, соответствующим этой цивилизационной неоднородности, пока не сыграют свою роль экономика, политика и время.

Правовые основания гражданского общества имеют несколько уровней, к каждому из которых прямое отношение имеет государство, чьи функции правотворчества, правоприменения и защиты прав граждан означают: 1) определение границ «сосуществования» частного и публичного секторов общества; 2) соблюдение гарантий участия граждан в общественной деятельности (политической, экономической, культурной, религиозной и т.п.) как реализации комплекса конституционных прав и свобод; 3) установление правил взаимодействия ассоциаций граждан между собой; 4) выявление и пресечение нарушений прав граждан и их объединений со стороны государственного аппарата; 5) предотвращение незаконных действий организаций гражданского общества (экстремистских политических, экологических, религиозных, спортивных и других); 6) борьба с криминальными и криминогенными группами, возникшими на основе ассоциаций гражданского общества. Необходимо установление целого ряда «балансов» во взаимоотношениях государства и гражданского общества, что оспаривается некоторыми отечественными и зарубежными государствоведами.

Реализация государством первой же функции наталкивается на противостояние частного общему и, соответственно, частного права праву публичному. Поскольку гражданское общество отражает вхождение общества в рыночный вариант экономической сферы (с этим в происхождении гражданского, кажется, соглашаются все), то возникает необходимость поддержания «баланса»: между рациональной организацией (государством) и спонтанной частной деятельностью. С одной стороны, экономическая сфера общества шире, чем экономические ассоциации, так же как политическая сфера – чем гражданские союзы и движения, или социальная сфера – чем интересы какой-либо профессиональной организации. С другой стороны, и мы, и целый ряд стран пережили период подавления частной жизни во имя общественных (государственных) приоритетов и вынуждены были отказаться от такого дисбаланса в отношениях частного и общего. Вероятно, возможность более точного (не только декларируемого) юридического закрепления такого равновесия осуществима, хотя можно представить себе трудности прохождения таких законодательных поправок через Государственную Думу.

В достижении баланса есть и еще одна трудность, связанная с ценностными ориентирами россиян. В гражданском обществе реализуется прежде всего индивидуальность с присущей ей моралью, государство же отражает состояние морали общества, декларируя при всех (!) режимах общность интересов, выражаемых именно данным государством (данном политиком, данной партией). И индивидуальные ценности должны не столько противостоять той «общности» (которая далеко не всегда общность) интересов, которую выражает данное государство и его правовая система, а и подниматься до уровня морали общества в целом и содействовать ее отражению в действиях государства. Хотим мы этого или не хотим, мы рождаемся

гражданами какого-либо государства и обязаны соразмерять свои индивидуальные интересы с нормами жизни общества. Преодоление противоречия «частное – общее» (в правовом аспекте «частное – публичное») с целью достижения общности общества затруднено полиэтничностью россиян и наличием конфессиональных различий. Сегодня трудно сказать, когда это произойдет и какие формы обретут государство и его законы.

Сегодняшнее молодое поколение, не сталкивавшееся со специфическими условиями советского периода, проходит социализацию во многом с новым содержанием. Подданничество в отношении к государству и формализованные и навязанные уступки индивида в отношении к общности (коллективу, обществу в целом, от лица которого выступало государство) сменяются расширением возможностей участия в новых ассоциациях гражданского общества (уступки общности – ассоциации тоже нужны, но в режиме свободного выбора и права «входа-выхода») и российском варианте представительной демократии. Смена правил игры в обществе, на наш взгляд, требует внесения корректив в процесс социализации: представления об уникальности личности, составляющие один из важных элементов концепции гражданского общества, вызывают зачастую разную трактовку норм. Индивидуализм способен вести к эгоцентризму, а отсюда недалеко и до девиантности.

Возникает необходимость поддержания второго «баланса»: между усилением роли правового государства в обществе и потребностью ограничения правоприменения в гражданском обществе, где на первое место должен выдвигаться самоконтроль граждан.

В деле правовой социализации граждан общество решает формальную задачу: дать им правовые знания, и одновременно – «скрытую задачу»: привить им соответствующее поведение, готовность к солидарности. Только в обществе формальная задача состоит в создании норм и системы контроля их применения и соблюдения, чем занимаются государство и его институты, а «скрытая задача», возлагаемая на гражданское общество, – в перевоплощении «неудобства» перед своей ассоциацией за несоблюдение ее внутренних правил, являющихся продолжением законов общества в целом или, по крайней мере, не преступающих закон, во внутренний императив самоконтроля.

В правовой социализации нового поколения россиян существенно возросла роль телевидения в формировании представлений о современном состоянии общества, образе жизни, и роль эта чаще негативна. Можно сказать, что СМИ, сценаристы, беллетристы, производящие тоннами криминальное «чтиво», всего лишь отражают проблемы общества. Однако распространяющийся правовой нигилизм вовсе не соответствует «сверхзадаче» этих деятелей культуры и СМИ, входящих в гражданское общество, даже если содержание их продукции и является «зеркалом» взглядов части молодежи. Здесь речь идет о нравственном императиве, необходимом в гражданском обществе.

Далеко не всем организациям гражданского общества «повезло» с вниманием государства так, как его крупнейшим институтам – политическим партиям, экономическим ассоциациям, профсоюзам, церкви и др., чье создание и деятельность регламентированы правовыми документами. Это вовсе не значит, что более мелкие орга-

низации не заслуживают внимания законодателя, скорее на первый план выдвигаются организации гражданского общества, связанные с конъюнктурными обстоятельствами, например, выборами президента, губернаторов, депутатов Государственной Думы, сенаторов. Не случайно политические партии, являющиеся «мостиком» между гражданским обществом и государством, и СМИ, отражающие мнение партий и государства (особенно электронные средства), пользуются особым вниманием.

Закон о партиях, с одной стороны, установил единые «правила игры» для всех: отказ от насилия в борьбе за власть, исключение экстремистских целей, «белый пиар» (т.е. прояснение своих политических задач и путей их решения) вместо «пиара черного» (выведения конкурентов из борьбы аморальными средствами с применением лжи и компрометирующих сведений об их частной жизни), финансовая прозрачность, отсутствие связей с криминальными структурами – и эти требования в целом можно признать разумными.

Но, с другой стороны, закон регламентировал процедуру создания партий, и здесь от лица еще не институционализировавшихся политических объединений гражданского общества могут быть возражения: для создания новых партий учредители должны преодолеть гораздо больше препятствий, чем довелось уже существующим партиям – по части численности членов и поддержавших партию, наличия региональных отделений во многих субъектах федерации и т.п. Вероятно, правовые барьеры имеют смысл не при создании партий (уровень «младенческой смертности» будет слишком высок, в особенности для ослабленных групп населения, а у олигархов средства для выполнения условий закона найдутся), а при переходе партией границы от радикализма к экстремизму, при регистрации перед выборами, при анализе финансовой базы. С позиций развивающегося гражданского общества трактовка партийного строительства в стране выглядит неоправданно жесткой.

Конституционный суд Российской Федерации отменил ограничения для СМИ в предвыборный период, заложенные в Законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на референдум граждан Российской Федерации». И пусть эти ограничения выглядели издержкой нормотворчества, а вопрос о создании партий более фундаментален и затрагивает интересы основных уже существующих партий, правовые подвижки в перспективе не исключаются.

Вопрос о политических природе и составляющей современного гражданского общества России возникает и в связи с конституционной дилеммой: парламент или президент. На первый взгляд, принципиальный подход требует свободной деятельности партий в рамках представительной демократии и парламентской республики как формы государственной власти. Президентская же власть выглядит со стороны значительной части российских демократов и либералов как дань сохранению разделения ветвей власти, необходимого в правовом государстве.

Вероятно, плебисцитарная демократия могла бы быть моделью режима, наиболее благоприятной для реализации потенциала гражданского общества, но низкий уровень политической культуры и ожидания уравнительности (например, путем перемотра приватизации, полного изъятия природной ренты в доходы общества, ареста неплательщиков налогов и т.п.) значительной части населения не допускают пока

конкретных рассуждений на этот счет (не считая обычных аргументов в пользу квалифицированного политического управления избранных против принятия решений неискушенными гражданами).

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что правовое поле (законы) создается политиками или в связи с мнением правителей (монарха, вождя, консолидированным мнением партии) или под воздействием общественного мнения, а оно формируется в рамках гражданского общества (правда, роль СМИ – «четвертой власти» в формировании общественного мнения столь высока, что государство поспешило полностью взять на себя контроль над электронными средствами коммуникации).

Список литературы

1. За рубежом публикации, посвященные теме гражданского общества, появились почти сразу после объявленной в ходе горбачевской «перестройки» демократизации (Пленум ЦК КПСС, январь 1987 г.), например: Krizan M. "Civil Society" and the Modernisation of Soviet type Societies // Praxis International. – Oxford, 1987. Vol. 7. № 1; Keane J. Democracy and Civil Society. L., 1988; Arato A. Civil Society, History and Socialism // Praxis International. – Oxford, 1989. Vol. 9. № 1-2 и др.
2. Уже в 1990 г. появились статьи А.В. Одинцовой, Н.В. Ступишина, а в 1992 г. состоялась защита первой докторской (не юридической) диссертации по гражданскому обществу В.Н. Дахиным.
3. Краткая антология - В.В. Витюка: Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995; и более полная – Ю.М. Резника: Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч. 1. Идея гражданского общества в социальной мысли. – М., 1993; Ч. 2. Теоретико-методологические аспекты исследования. – М., 1998.
4. Свои представления об истории гражданского общества – как идеи, так и реальности, в том числе и российской, автор и ряд участников конференции отразили в коллективной монографии «Гражданское общество: истоки и современность» / Под ред. И.И. Кального, И.Н. Лопушанского. 2 изд. – СПб., 2002., в материалах петербургских научных форумов и научно-практической конференции, проведенной в Санкт-Петербургском юридическом институте Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Гражданское общество в его практическом измерении» и др.
5. Например, Bobbio N. Gramsci and the Concept of Civil Society // Civil Society and State. – L.-NY., 1988; Витюк В.В. Указ. соч., с. 59-65.
6. См. Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // Полис. – 2000. – № 3.
7. Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М., 2003.
8. Например, первая точка зрения принадлежала Ю.М. Резнику в указанной работе; вторая – Л.М. Романенко. Гражданское общество в России уже есть, но ...// Социологические исследования. – 1994. – № 4. – С. 12-16; третья – З.Т. Голенковой. Альтернативы и перспективы развития гражданского общества в России. – В кн.: Гражданское общество: теория, история, современность / отв. ред. З.Т. Голенкова. – М., 1999. – С. 7-28.
9. Дилигенский Г.Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. Т.2, № 4 (осень 1997 г.). Гражданское общество. – С. 5-21.

Поступило в редакцию 19 июня 2004 г.

УДК 316.32

Є. Б. Тихомирова

ДЕРЖАВА ТА ГРОМАДЯНСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО В ІДЕОЛОГІЇ СУЧАСНОГО ГЛОБАЛІЗМУ ТА АЛЬТЕРГЛОБАЛІЗМУ

На зламі XX-XXI століття перед людством постала проблема інтенсифікації взаємозв'язків і взаємовідносин між країнами та суспільствами – проблема глобалізації. Важливим чинником розвитку глобалізації є політичний фактор, який досить часто ігнорується. Актуальність його обумовлена як внутрішніми, так і зовнішніми чинниками. По-перше, йдеться про національну державу та її здатність у сучасних умовах підтримати рух конкретної країни до глобального співтовариства. Це було не під силу слабким політичним утворенням минулої доби. Маючи на увазі стабільні та міцні національні держави сучасності, ми повною мірою погоджуємося з думкою шведського вченого Й. Бартелсона, який вважає, що сучасна держава скоріше є джерелом глобалізації, ніж її головною жертвою, оскільки, хоча глобалізація і впливає на інтереси та наміри окремих держав, вона не змінює жодну з головних її властивостей [1, с. 9].

По-друге, глобалізація може мати місце тільки при певних умовах міжнародної політики. Головну роль серед них грає існування авторитетної національно-державної влади, здатної підтримувати такий міжнародний порядок, який відповідає інтересам більшості. Будучи продуктом так званого “пермісивного” глобального порядку, тобто такого порядку між державами, який дозволяє створювати, розвивати та підтримувати мережу взаємозв'язків і взаємозалежностей за рамками національно-державних авторитетів і між цими авторитетами, глобалізація залишається, як це не парадоксально, залежною від національно-державного авторитету, точніше від гегемоніальної влади. Передумовою для глобалізації, як вважає У. Бек, є мовчазний дозвіл із боку національно-державної влади [2, с. 71-72].

Глобалізація, що сьогодні здійснюється за неоліберальним проектом, та антиглобалістський рух, який представляє собою практику боротьби за зміну моделі глобалізації на альтернативну, представлені ідеологічними течіями, що відображають протилежні інтереси конкретних соціально-політичних сил – глобалізмом і альтерглобалізмом. Різний підхід властивий ним і при розгляді питань політичного розвитку та громадянського суспільства.

Глобалізм виходить із традиційного для лібералізму трактування *ролі держави в регламентуванні підприємництва і ринкових відносин*, згідно з яким влада не повинна втручатися в ділове життя суспільства. У контексті глобалізації цей принцип перетворюється на обґрунтування економічного й політичного всевладдя транснаці-

ональних корпорацій та обмеження прерогатив інституту національної держави і його суверенітету, хоча визнається і необхідність певного державного регулювання національних економік, і соціальна роль держави.

Аналітики виокремлюють кілька основних підходів ліберально орієнтованих учених до визначення ролі держави в процесах глобалізації [3].

1. Перша і, за деякими оцінками, найбільш чисельна точка зору визнає, що під тиском глобалізації національні держави втрачають свої функції щодо управління економічними, соціальними та політичними процесами, які мають місце як на її території, так і за її межами. Так, на думку американського економіста Д. Сакса, національна держава більше не грає ролі єдиного захисника економічних інтересів, а в регіонах, де встановився міцний мир, уряд більше не розглядається як основний інструмент національної безпеки [3, с. 76].

2. Другий підхід, більш оптимістичний, закликає розглядати все, що відбувається як об'єктивний та неминучий процес, який веде до створення глобальної системи управління. Тут глобалізація характеризується витискуванням національної держави як організаційного принципу капіталізму та одночасним утвердженням міждержавної системи як основи капіталістичного розвитку. Учені вважають, що для системи глобального капіталізму не існує нічого зовнішнього, внутрішньодержавні соціальні зв'язки набувають глобального характеру, а уся система інститутів національної держави поступово замінюється транснаціональними інститутами, які здійснюють глобальне управління. При цьому вони підкреслюють, що уряди здійснюють заходи з реструктуризації і служать потребам транснаціонального капіталу не просто тому, що вони виявляються "безсилимими" перед глобалізацією, а тому, що виникло певне історичне сполучення сил, яке утворило органічну соціальну базу для неоліберальної реструктуризації економіки [4, с. 122-123].

3. Третя позиція науковців, які аналізують проблему взаємодії держави та глобалізації, може бути сформульована так: посилення могутності транснаціональних корпорацій, утворення численних багатонаціональних та транснаціональних структур здійснює певний вплив на національні держави, проте глобалізація не вносить якісно нових змін у складену міжнародну систему. Визнання сучасним неолібералізмом ролі вільного ринку в створенні найбільш сприятливих передумов для ефективно економічної діяльності та регулювання соціальних і економічних процесів тут поєднується з розумінням необхідності певного втручання держави для підтримки нормальних умов функціонування ринку, конкуренції.

На думку американського політолога С. Краснера, в усі часи будьяка неупорядкована міжнародна система піддавала іспитові авторитет держави та її здатність контролювати ситуацію. Подібна ситуація виникла і під впливом глобалізації. Проте у міжнародній системі не існує структури влади, яка б приймала рішення відносно того, чи слід втручатися у внутрішні справи суверенних держав і які саме форми втручання необхідно застосовувати в тих випадках, коли в тій або іншій країні порушуються права людини чи права тих чи інших меншин. До того ж, державам, особливо слабким, ніколи не дозволялося самостійно контролювати ситуацію як у середині територіальних кордонів, так і за її межами, а інтереси сильних держав не завжди збігались із загальновизнаними нормами.

Учений робить висновок, що твердження деяких учених про те, що глобалізація становить серйозну небезпеку для національного суверенітету, варто визнати необґрунтованими. Вона, без сумніву, впливає на здатність національної влади контролювати події в середині самих суверенних держав і за їх, межами, проте не існує ніяких переконливих доказів того, що глобалізація веде до трансформації існуючої міжнародної системи [3, с. 87-99].

Глобалізація, стимулюючи поширення демократичних цінностей і знімаючи перешкоди для поширення інформації, сприяє втіленню цінностей громадянського суспільства в життя багатьох країн. Отже, глобалізм як ідеологія капіталістичної глобалізації об'єктивно поширює ці цінності у глобальному світі, проте їх включеність у концепцію глобалізму, на наш погляд, є досить обмеженою та суперечливою. У взаємозв'язках глобалізаційних процесів з демократизацією найбільш яскраво проявляється амбівалентність глобалізації. З одного боку, глобалізація в її сучасному вигляді була б неможлива без "третьої хвилі демократизації", з другої – глобалізація в її неоліберальному варіанті веде до руйнування самих основ сучасної демократії [5].

Втіленню цінностей громадянського суспільства та демократії, на наш погляд, сприяє, з одного боку, *принцип індивідуалізму*, який є складовою неоліберальної концепції глобалізації і виражається у приматі інтересів особистості, її прав і свобод перед суспільними інтересами й інституціями, у тому числі і державою, а, з другого, – принцип відкритості суспільства та *побудови глобального відкритого суспільства*. Більш детально проблема формування глобального відкритого суспільства була проаналізована автором у монографії "PR-формування відкритого суспільства"[6].

Підхід до питань політичного розвитку та громадянського суспільства, властивий альтерглобалізму, відрізняється не лише від трактувань глобалістів, а і від попередніх й тепер існуючих опозиційних капіталізму ідеологій та рухів. По-перше, інші альтернативні капіталізму (переважно ліві) сили прагнуть завоювати владу або взяти участь у ній. Зміна влади для них була і залишається головною програмною метою. У той же час альтерглобалісти не пропонують створення іншої ідейно-політичної системи. Вони прагнуть побудувати глобальне громадянське суспільство як *противагу* (підкреслено нами – Є. Т.) глобальним політичним структурам, я не як заміну їх.

По-друге, альтерглобалізм не пропонує вихідного, одноманітного плану та моделі корінної перебудови суспільства, які б ґрунтувалися на чомусь іншому, крім неприйняття існуючого стану справ і загальній гуманістичній (включаючи екологічний момент), демократичній та міжкультурній логіці. Інакше кажучи, зазначає дослідник, альтернативістами не ставиться завдання переробити суспільство та людину, виходячи з *належного*, того чи іншого постулату, який набуває силу і обов'язковість загального та всеохоплюючого встановлення (будь-то "відміна приватної власності" чи держави, "встановлення західної моделі демократії" чи "ісламського порядку"). Напроти, подібна перебудова розглядається, передусім, як рішення проблем "*суцього*", тобто тих злободенних, глобальних і, разом з тим, конкретних питань, які вже поставлені на порядок денний ходом подій і які не може вирішити сьогоднішня влада (ні національна, ні світова). Під таким кутом зору всі на-

прямки й цілі боротьби рівнозначні та рівноправні – будь-то вирішення питань зовнішнього боргу, захист довкілля або інтересів окремих соціальних груп – селян, жінок, молоді, прав споживачів, долі національних культур, захист Інтернету від державного чи корпоративного контролю тощо [7, с. 171-172].

Альтерглобалізм прагне перебороти економікоцентризм глобалізму, що можливо, якщо на світоглядному рівні розхитати віру в його теоретичну спроможність та визнати, що економіка – не єдиний спосіб буття людини у світі, не менш важливу роль у житті сучасної людини грає *соціально-політичний детермінізм* – демократично орієнтована політика.

На відміну від глобалізму, який ратує за всіляке обмеження ролі національних держав в економічному житті, альтерглобалісти вважають, що держави не вичерпали свого позитивного потенціалу і мають стати основою тої системи соціального контролю, яка буде сприяти демократизації і гуманізації глобалізації. Вони вважають, що в сучасному світі не існує ніяких інших інститутів, які б взяли на себе завдання з виконання традиційних функцій держави. Звичайно, сучасні технології дозволяють міжнародному фінансовому капіталу і транснаціональним корпораціям не обмежувати свою діяльність рамками однієї держави. Однак потреба в державі, як регулюючому інструменті, а також арбітрі, який визначає правила гри і виступає гарантом дотримання цих правил, як і раніше, зберігається [8, с. 150].

З точки зору американського соціолога І. Валлерстайна, суверенітет держави був і залишається фундаментальною опорою капіталістичного світо-господарства, що складається з держав, які функціонують в рамках міждержавної системи. Ці держави вкрай важливі для підприємців передусім тому, що вони беруть на себе частину витрат виробництва, гарантують квазімонополіям стабільні прибутки і підтримують їхні зусилля, спрямовані за рахунок перерозподілу додаткової вартості на обмеження можливостей трудівників захищати свої інтереси та пом'якшення незадоволеності народних мас. Учений вважає, що сучасна світова система має протиріччя, які досягли критичного рівня, і вперше за п'ятсот років держава втрачає свою владу не стільки внаслідок зростання впливу транснаціональних корпорацій, скільки в силу втрати легітимності, яку надають державам їхні народи, втрачаючи віру в послідовне покращення свого положення [9, с. 103-104].

Американський учений М. Кастельс, аналізуючи роль держави в умовах сучасної глобалізації, зауважує, що зараз не існує і в доступному для огляду майбутньому не передбачається поява *повністю інтегрованого*, відкритого світового ринку праці, технології, товарів і послуг до тих пір, поки існують окремі держави (чи альянси кількох держав такі, як Європейський Союз) з урядами, покликаними захищати інтереси власних громадян і фірм, які знаходяться під їхньою юрисдикцією, в умовах глобальної конкуренції. Вчений наводить факти, що свідчать на користь того, що дії і політика урядів продовжують здійснювати вплив на міжнародні організації і структуру глобальної економіки. Як показали дослідження, проведені Центром ООН щодо транснаціональних корпорацій, державна належність корпорації повністю співвідноситься з корпоративною поведінкою. Для спостерігачів із країн, які розвиваються, це, на думку М. Кастельса, очевидно, але до такого ж висновку прийшли і вчені, що досліджували поведінку мультинаціональних корпорацій в умовах розви-

неної економіки. Так, японські мультинаціональні фірми повністю підтримувалися японським урядом, тримаючи основні фінансові та технологічні активи вдома. Європейські компанії також систематично отримували допомогу як від власних урядів, так і від ЄС у сфері технологій і захисту ринку. Німецький мультинаціональний гігант Фольксваген скоротив обсяги інвестування в західноєвропейських країнах, перекинувши кошти на ризиковані фінансові вкладення в Східній Німеччині, з метою реалізувати національну мрію про об'єднану Німеччину. Американські корпорації слідували інструкціям свого уряду (іноді у супереч власним бажанням) у тих випадках, коли мова йшла про відмовлення від деяких технологій чи обмежень торгівлі з окремими країнами відповідно до американської зовнішньої політики [10, с. 109-110].

Альтерглобалістське трактування місця держави у глобальному суспільстві враховує декілька основних напрямків трансформації національних держав як політичного інституту:

1. зростання ролі та значення регіональної і місцевої влади;
2. включення в систему управління на глобальному, національному, регіональному та місцевому рівні структур громадянського суспільства;
3. поєднання державної діяльності зі самоврядуванням;
4. все більша відкритість та прозорість діяльності державних структур різного рівня.

Першому з них приділяє увагу М. Кастельє. Можна повною мірою погодитися з його думкою про те, що глобалізація капіталу, процес збільшення кількості сторін, представлених в інститутах влади, а також децентралізація владних повноважень і перехід їх до регіональних і локальних урядів створюють нову геометрію влади, народжуючи нову форму держави – мережеву державу. Соціальні актори і громадяни взагалі максимізують можливості представництва власних інтересів і цінностей, розігруючи різні стратегії у відносинах між різними інститутами, на різних рівнях компетенції. “Громадяни певного європейського регіону, – зазначає науковець, – буде мати більш можливостей для захисту власних інтересів, якщо вони підтримують свої місцеві влади в альянсі з ЄС проти свого національного уряду. Чи навпаки. Чи не будуть робити ні те, ні друге, тобто будуть стверджувати локальну/регіональну автономію на противагу як національним, так і наднаціональним інститутам... У новій структурі влади домінує мережева геометрія, в якій владні відносини завжди специфічні для даної конфігурації акторів і інститутів” [10, с. 501-502].

Учений впевнений у тому, що держава не зникне, але просто понизиться у статусі, оскільки вона множить у формі місцевих і регіональних урядів, які покривають світ мозаїкою своїх проектів, створюють свої електорати і ведуть переговори з національними урядами, мультинаціональними корпораціями і міжнародними агентствами. На його думку, ера глобалізації економіки є також ерою локалізації політики. Те, чого не доставає місцевим і регіональним урядам у владі та ресурсах, вони заповнюють гнучкістю та мережевою діяльністю. Останні є єдиною відповідністю динамізму глобальних мереж благ і інформації [10, с. 511].

Другий напрямок трансформації державної влади в умовах глобалізації аналізує,

наприклад, американський дослідник В. Х. Рейніке. Він вважає, що управління економічними процесами в епоху глобалізації не повинно бути лише прерогативою національної держави. Ці проблеми мають вирішувати також і представники приватного бізнесу, і громадські організації. Так, аналізуючи вплив глобалізації на обмеження суверенітету державами, вчений підкреслює, що особи, які відповідають за розробку та здійснення політики в національних державах, повинні делегувати свої повноваження іншим діячам і інститутам, які можуть краще справитися із завданням щодо втілення в життя глобальної державної політики. У ролі таких інститутів можуть виступати не лише ВБ, МВФ, але і різноманітні об'єднання бізнесменів, профспілки і неурядові організації. Всі ці інститути, на думку вченого, краще поінформовані і не мають територіальних обмежень у своїй діяльності. Партнерство приватного бізнесу і громадських організацій надало б більшу легітимність глобальній державній політиці і різко підвищило б її ефективність у рішенні таких проблем, як регулювання глобальних фінансових ринків, охорона довкілля середовища тощо [11, с. 226].

Стосовно глобальних інститутів типу ВТО, МВФ, Всесвітній банк, ЄС тощо, альтерглобалізм вимагає не усунення їх з арени глобалізації, а радикальної перебудови, спрямованої на їх демократизацію, що забезпечить підвищення рівня відкритості та прозорості діяльності, реалізацію соціального контролю за їхньою діяльністю.

Російські прихильники альтерглобалізму значну увагу приділяють інституту самоврядування, який здатний підтримати демократичні традиції сучасного суспільства і конструктивно протидіяти експансії вузько спрямованих інтересів ТНК в окремі регіони глобального світу. Вони вважають, що на культурному рівні потрібно усвідомити, що вільний ринок як головний інструмент глобалізації повинен бути прив'язаний до цінностей і норм колективного існування людей, що характеризується великою розмаїтістю. Ринковий фундаменталізм, що нав'язує уніфіковані цінності і норми, руйнує культурну розмаїтість глобального суспільства, перетворює його в однополярний світ. Така глобалізація, навіть якщо вона відбувається під егідою ліберально-демократичних цінностей найбільш просунутої в економічному плані західної культури, усе-таки є багато в чому деструктивною, оскільки позбавляє світову систему стійкості, робить штучними всі її побудови [12].

На думку деяких дослідників, загострюючи соціально-економічні і політичні протиріччя сучасного світу, неолиберальна глобалізація псує, спотворює об'єктивний процес взаємозбагачення культур, формування транснаціональних співтовариств і "глобального громадянського суспільства", доводячи національну і релігійну ворожнечу до небезпечних, чреватих катастрофічними наслідками масштабів. Виразно позначився після відомих терористичних актів 11 вересня 2001 р. розкол світового співтовариства на тих, хто співчуває жертвам цих актів, і тих, хто відкрите або стиха "зловтішається". Вже сам по собі цей факт представляється досить симптоматичним і говорить про явно нездорові відносини, що складаються у світовому соціокультурному просторі. На відміну від добре відомих проявів націоналізму, антисемітизму та расизму, даний феномен носить не локальний, а загальносвітовий характер і прямо пов'язаний із різними проявами процесу глобалізації у тому вигляді, в якому він розвивався і розвивається дотепер [13].

На відміну від американського гегемонізму, властивого глобалізму, “неглобалістські” ідеології характеризуються *антиамериканізмом*. На думку, наприклад, С. Аміна, важливою метою сучасної політичної боротьби є “побороти американське домінування та військові переваги” [14, с. 124]. Поступове входження подібних ідей у світовий соціокультурний простір дає підставу деяким аналітикам говорити про початок постамериканської епохи [15].

Результати міжнародного соціологічного дослідження, проведеного асоціацією Геллап Інтернешнл¹ показують, що громадяни світу вважають найбільш важливою проблемою, яка стоїть сьогодні перед світом, розрив між багатими та бідними країнами. Опитаних, які розглядають бідність як більш важливу проблему, більше, ніж тих, хто згадують тероризм і інші глобальні питання, зокрема забруднення довкілля, корупцію або економічні проблеми. Більшість громадян світу хоче, щоб багаті країни давали більше бідним, вважаючи, що мають бути знайдені шляхи, щоб гарантувати фінансову допомогу людям, що живуть у бідності незалежно від того, чи є їхні уряди корумпованими чи ні.

Аналізуючи отримані результати, М. Джеймс, Генеральний секретар асоціації Геллап Інтернешнл, зазначає, що вивчення громадської думки – невід’ємна частина демократії, яка гарантує відповідальність національних урядів і глобальних установ. Допомога світові, що розвивається, часто спрямована на установлення демократії, знищення корупції і вирішення проблеми прав людини. Однак, на порядку денному, з точки зору громадян світу, має бути ефективне усунення бідності.

Майже кожний із п’яти (18%) громадян світу зазначив, що бідність є всесвітньою проблемою №1, більш важливою, ніж тероризм (10%). Проблема охорони довкілля (10%), глобальні економічні проблеми (8%), корупція (5%), права людини (2%) і недостатній розвиток демократії (1%) також відзначаються громадянами світу як найменш пріоритетні, ніж бідність. У бідних регіонах світу, зокрема Латинській Америці й Африці, ця проблема вважається пріоритетною навіть більшою кількістю опитаних – 25% у Латинській і 27% в Африці. Проте, бідність згадується тільки 6% американських громадян, у той час, як тероризм відзначається як пріоритетна проблема 21% опитаних. Інші країни з недавнім досвідом тероризму також ранжирують тероризм вище, ніж бідність. Серед останніх Іспанія (32%), Ізраїль (25%), Колумбія (26%) та Індія (20%).

Виходячи з таких пріоритетів, більш, ніж шість з десяти громадян світу вважають, що багаті країни повинні надавати більшу фінансову допомогу бідним націям світу. В Африці більш, ніж вісім з десяти громадян погодилися з цим (82%). Однак, 49% респондентів у США та 51% японців узяли під сумнів необхідність збільшення допомоги бідним країнам, оскільки вони вважають, що вже і так надають її достатньо. У той же час 41% американців все ж таки хочуть, щоб багаті нації надавали бідним країнам більшу допомогу.

¹ Опитування здійснювалося в 46 країнах. Було проведено близько 35000 інтерв’ю протягом липня-серпня 2002 року, у яких представлена точка зору більш, ніж 1.4 мільярда людей на всіх континентах. Кожен національний огляд громадської думки ґрунтується на мінімальній вибірці приблизно 500 повнолітніх. Національні результати точні у межах $\pm 4\%$.

Надання допомоги бідним країнам іноді пов'язують із необхідністю ліквідації корупції у їхніх владних структурах. Однак більшість респондентів (56%) вважає, що повинні бути знайдені шляхи, щоб гарантувати фінансову допомогу людям, що живуть у бідності, незалежно від того є їхні уряди корумпованими чи ні. Такої думки дотримуються більшість досліджуваних регіонів, окрім Близького Сходу, де тільки третина (35%) громадян у цьому регіоні погоджується, що фінансову допомогу потрібно надавати, незважаючи на корупцію, та США, де майже половина громадян (48%) вважає, що багаті країни повинні надавати фінансову допомогу бідним країнам, тільки за умови, що вони усунули корупцію (цікаво, що тут 42% респондентів все ж таки схиляється до того, що гроші повинні бути надані, незважаючи на корупцію) [16].

Список літератури

1. Бартелсон Й. Три концепции глобализации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11., Социология. – М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 6-11.
2. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общая редакция и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
3. Кондратьева Т.С. Глобализация и национальный суверенитет. // Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные аспекты. – М.: РАН ИНИОН, 2000. – С. 74-101.
4. Бербах Р., Робинсон У.И. Спор конца столетия: является ли глобализация эпохальным сдвигом? // Глобализация: Контуры XXI века: Реф. Сб. Ч.1. – М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 113-126.
5. Barber V.R. Can democracy survive globalization? // Government and opposition. – 2000. – Vol. 35. – №3. – P. 275-301.
6. Тихомирова Є.Б. PR-формування відкритого суспільства. – К.: Наша культура і наука, 2003. – 197с.
7. Майданик К. Альтернативное движение: фаза консолидации. // Альтерглобализм: теория і практика “антиглобалистского движения” / Под ред. А.В. Бузгалина. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С.158-179.
8. Маршалл Д. Капитализм конца XX столетия: новое понимание глобализации. // Глобализация: Контуры XXI века: Реф. Сб. Ч.1. – М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 142-151.
9. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. / Пер. с англ. Под ред. В.Л.Иноземцева. – И.: Логос, 2003. – 368 с.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И.Шкаратана. – М.: ГУ ВШУ, 2000. – 608 с.
11. Рейнике В.Х. Глобальная государственная политика. // Глобализация: Контуры XXI века: Реф. Сб. Ч.1. – М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 221-229.
12. Пашков М.В., Абдулаев С.Г. Современная глобализация: ее смыслы и социальные последствия. – <http://www.ibci.ru/konferencia/page/statya08.htm>.
13. Перегудов С.П. Неолиберальная глобализация: есть ли альтернатива? // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 4. – С. 22-28.
14. Амин С. Глобализация общественной борьбы. // Альтерглобализм: теория і практика “антиглобалистского движения” / Под ред. А.В. Бузгалина. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 123-124.
15. Богатуров А. Самооборона транснациональных сетей. // Независимая газета. – 2.07.2003. – <http://www.ng.ru>.
16. Media release, 29 September 2002 – http://www.voice-of-the-people.net/ContentFiles/docs/VoP_Poverty_Results.pdf.

Поступило в редакцию 13 июля 2004 г.

УДК 316.46

А. Д. Шоркин

УСЛОВИЯ ДИАЛОГА ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ

Демонстрация наличия открытого диалога представителей власти с широкой общественностью является в современном мире одной из приоритетных задач любого находящегося у власти политика. Лучшие сюжеты и кадры рекламных кампаний имиджмейкеры выстраивают именно на этой основе, – когда политик «из народа» и «вместе с народом». В рекламу такой показной открытости власти для народа политик непременно включает демонстрацию своей постоянной готовности к диалогу: «общению с народом» не могут помешать даже многочисленные дела государственной важности. Типичный ход политической оппозиции состоит в ссылке на интриги властей и ангажированные ими средства массовой информации, затрудняющие и ухудшающие возможности диалога. Иначе, без него, рассчитывать на поддержку на выборах не стоит. Люди хотят быть услышанными и «поговорить по душам», у них есть вопросы, на которые они хотят получить ответы – они хотят именно диалога. Игнорировать политику это стремление – значит безнадежно провалить собственную легитимность. Кроме этого вполне резонного политического расчета, в ряде случаев представитель власти действительно, как всякий человек, нуждается в диалоге, открыт для диалога и даже его инициирует.

И все же главным и реальным моментом в политике остается демонстрация наличия диалога (но не само наличие), демонстрация готовности к нему (но не действительная готовность). Дело в том, что возможность диалога общества и власти во все не безусловна. Его наличие небеспредпосылочно. Чтобы диалог вообще имел место, необходимо осуществление определенных коммуникативных условий.

Диалог как форма коммуникации

Огромное множество эффективных коммуникативных актов в обществе осуществляется, как это ни странно на первый взгляд, в режимах полнейшего отсутствия диалога. Таких базовых способов коммуникации два – информирование и диспетчеризация. Коммуникация, как *информирование*, направлена на получение информации от донора, *диспетчерская* же функция коммуникации состоит в воздействии на реципиента с целью изменения его поведения.

Когда человек хочет что-либо узнать (выведать, разведать), понять и прояснить для себя, он относится к другим людям как к информаторам. И ребенок, и шпион, и старушка у подъезда, и студент перед экзаменом, и игрок на ипподроме – все знают

меньше, чем им хотелось бы. Они желают получить информацию и выстраивают свое общение и поведение так, чтобы этого добиться. Точно так же, как налоговый инспектор или президент.

Без коммуникации как информирования вообще невозможны ни социализация человека, ни его жизнь, ни развитие, ни существование общества и культуры. Нет информирования – и традиции образования и воспитания окажутся прерванными, младенец никогда не станет человеческой личностью, технологии производства и рынка без смены поколений перестанут работать, общественные связи будут катастрофически разрушены.

В дополнение к информативной стратегии людьми осуществляется также противоположная, диспетчерская: один человек вступает в коммуникацию с другим для того, чтобы им управлять, манипулировать. Именно для этого он и передает другому информацию. Или ... дезинформацию – здесь главное отнюдь не искренность, честность или истина, а нужное воздействие на поведение. Здесь главное – не полнота или точность информации, а намерение увлечь, обязать, заставить.

В единичности манипулирования есть свой прагматический резон: солдату нужен именно приказ. Исчерпывающее информирование и диалог в боевых условиях попросту абсурдны. Уровни управления всегда отличны мерой полноты информации, сопряжены с «рычагами» манипулирования, предусматривают возможности поощрения и наказания. Ребенок не станет взрослым, если родители не будут ему что-то запрещать, а что-то разрешать. Так мы оберегаем детей, вводим их в пространство социальных и культурных норм, в которых находимся сами. Быть в социально-культурном мире – значит находиться в пространстве предписанного и разрешенного, ограниченного запретами.

Здесь, в нормативной сфере, коммуникация с целью воздействия осуществляется в двух главных формах – прямого управления и мотивационного манипулирования. Прямое управление осуществляется посредством приказов, распоряжений, директив, показательных примеров и иных предписаний. Суть мотивационного манипулирования заключается в стимулировании нужного поведения ясными моральными или материальными условиями поощрения и прямолинейными угрозами, а также более скрытыми апелляциями к интересам и слабостям реципиента посредством интриги и игр на поле неявного шантажа и посул.

Диспетчерские коды, естественно, поэтому весьма разнообразны: «Вам надлежит...», «нам дано предписание...», «делай, как тебе сказано!», «слушай мою команду!», «посмотри, как нужно это делать», «если не съешь, не пойдешь гулять», «как тебе не стыдно...», «видишь, в чем мне приходится ходить?» – и многие им подобные. Но во всех без исключения случаях они преследуют четкую цель прагматического воздействия на другого.

Как правило, коммуникация людей сводится к тому, что они (а) обмениваются информацией и (б) пытаются манипулировать друг другом. Сплетения, конфигурации этих двух стандартных форм коммуникации вездесущи и эффективны. Они почти исчерпывают реальное коммуникативное пространство. Сказать, что разговоры людей являются «диалогами» – значит просто следовать традиции словоупотребления и выдавать желаемое за действительное. Верно, что диалог невозможен

без информирования и в случаях конструктивности воздействует на его участников. Но он отнюдь не сводится к комбинированию и сочетанию стандартных форм коммуникации, к осуществлению ее информативной и диспетчерской функций!

Прежде всего, в структуре коммуникации целесообразно отличать собственно информацию от сообщения. Сообщение еще нужно расшифровать, чтобы выделить из него информацию. Например, когда при вашем появлении люди прерывают беседу, это может означать, что они не хотят, чтобы вы знали, о чем шла речь, или может быть знаком уважения и внимания. Когда с человеком начинают разговаривать о погоде, он может решить, что его благожелательно и вежливо стремятся вовлечь в круг общения или считают недотепой, с которым больше не о чем разговаривать. Никлас Луман называет подобные процессы выделения информации из сообщения «пониманием» и включает его третьим элементом структуры коммуникации. Иными словами, важно не только то, *что* говорится, а *зачем* нам это говорят, чего от нас хотят или как к нам относятся.

Акт выделения информации из сообщения и есть, таким образом, исходная точка процесса расщепления коммуникации, разграничения ее информативной и диспетчерской функций. И если этот процесс не будет остановлен и изменен, то вместе с ним, с конституированием стандартных форм коммуникации исчезают возможности существования диалога. Диалог не терпит иносказаний и намеков, никакого «двойного дна». Его участники ориентированы на прямоту и «голую правду», на *информационную прозрачность сообщения*. Вежливость и уважение друг к другу демонстрируются участниками диалога не через привычную недосказанность, а посредством минимизации зазора между сообщением и информацией.

Стандартные, замечательно эффективные и нужные формы коммуникации также сопряжены с типичным феноменом сокрытия, маскировки личностей коммуникантов. Шпион хорош, если никто не знает, что он шпион. Офицер обретает право приказывать по своему чину, званию – мундир и форма уже достаточны. Мама и папа, президент и директор, профессор и гуру авторитетны уже по факту именованию этих социокультурных функционирующих масок. Они вправе получать информацию, управлять и требовать, поощрять и наказывать. Для осуществления стандартных форм коммуникации наличие масок оказывается необходимым и достаточным. Я назвал бы этот факт феноменом *«коммуникативного инкогнито»*.

Дети и неискушенные взрослые иногда вообще не проводят различий между масками и реальными людьми. Для всякого ребенка открытие этого несоответствия неприятно и иногда шокирующе. Зачастую его просто выгодно или удобно не замечать. Именно в масках, начинающихся с одежды, косметики, манер и иного провоцируемого нами и окружающего нас антуража, мы и вступаем в коммуникации. Это не хорошо и не плохо – такова нормальная природа социализации и инкультурации. Но в стандартах информирования и манипулирования люди за своими масками остаются инкогнито.

В диалоге же оставаться инкогнито невозможно: в нем не происходит исчерпывающего разоблачения и снятия всех масок (что также невозможно, да и не нужно), но осуществляется систематическая рефлексия над масками, которая разворачивает пространство между людьми и их масками, где, собственно, диалог и происходит.

Повзрослевший ребенок стремится к диалогу с матерью, который размещается за маской «моя самая лучшая мама», где она также – и оставленная мужем женщина, и скучноватая, хотя и честная «училка», и немножко капризная или болезненная дама. Гражданский диалог с президентом происходит с учетом должностной его маски, но за ней: там президент – несостоявшийся или состоявшийся ученый, крупный бизнесмен, человек с прошлым и будущим, с семьей и личными привязанностями.

Последней из главных особенностей диалога, существенно и заметно отличающей его от стандартных форм коммуникации, является открытость его тематик. Коммуникация как информирование всегда по возможности канонизирована, в противном случае возникают ненужные, как говорят в кибернетике, «шумы» или «помехи», которые важно отсеять. Так же ограничен и очерчен диапазон манипуляций, управленческих решений, поощрений и наказаний. В стандартных формах коммуникации мы ограничены частотой запрещенных вопросов, которые реципиенты воспринимают и квалифицируют как нерелевантные, некорректные или провокационные. Конечно, и в диалоге отторгаются некоторые вопросы как бессмысленные, но в той мере, насколько он состоялся, его участники ни один из вопросов своих оппонентов не могут квалифицировать как провокационный. Есть уместные темы, но нет запретных, можно (хотя обычно и не нужно) говорить обо всем. Поле диалога непрерывно, пространство стандартных коммуникаций фрактально. Иными словами, диалог по своей сути *открыт, трансграничен*.

Насколько отмеченные особенности диалога – информационная прозрачность сообщений, преодоление информационного инкогнито и открытость – присущи различным коммуникациям общества и власти?

Препятствия диалога общества и власти

Современное общество формирует собственную власть для осуществления ею функций управления и защиты. Для чего и наделяет ее необходимыми полномочиями и ресурсами. Исполняя свое предназначение, власть непременно формируется как некоторая иерархия, ибо любые системы управления и защиты неизбежно состоят из подчиняющих и подчиняющихся уровней, – иначе они просто не могут функционировать. Иерархичность власти – издавна очевидная банальность. Но только во второй половине XX века стало понятно, как она воздействует на психику людей, вовлеченных в систему власти.

Чтобы «надзирать и наказывать» (М. Фуко), нужно быть «над», «сверху». Не только устройство власти, но и весь мир начинает мыслиться и переживаться в виде иерархий. Мир устроен по принципу курятника: чем выше, тем лучше – чище и теплей. Любая коммуникация начинается с констатации соотношения уровней коммуникантов: «кто выше?», «кто под кем?». Я как представитель власти или подчиняю Другого, или сам ему подчиняюсь – иного не дано. Такой способ установления исходных диспозиций коммуникации является, как особенно убедительно показал Э. Фромм, главным признаком садомазохистского характера психики личности.

В психоаналитических штудиях детально и аргументированно рассказывается о том, как укоренены черты садомазохизма в симбиотической слитности ребенка и

матери, начиная еще с периода утробного развития, и как преодолевается законченный эгоцентризм трехлетнего ребенка (который считает себя центром мира) в периоды его дальнейшего развития. Задача превосхождения садомазохистских истоков психики – это и есть путь к себе, к «самости», к раскрытию своих способностей, к полноте бытия самоосуществленной личности. Пребывание во власти оказывается помехой на этом самом важном для каждого человека пути. Психологи констатируют в качестве тривиального сегодня результата заметную акцентуацию садомазохистских черт психики прошлых и нынешних политиков. За вхождение во власть люди обычно платят слишком дорого – собой.

Для власти, таким образом, диалог как форма коммуникации в основном избыточен: как объективно, – ибо власть и должна манипулировать, приказывать, наказывать и поощрять, так и субъективно, – ибо для диалога абсурдна сама попытка исходной констатации значимости (высоты) уровней коммуникантов. Диалогу, как видим, существенно препятствуют и сама природа власти, и личностные особенности людей, находящихся во власти или стремящихся к ней. Почему же он все-таки иногда оказывается возможным?

Отметим здесь три фактора. Первый состоит в том, что в устройстве власти наряду с ее подчиняющими уровнями есть также соподчиняющие, а наряду с подчиненными – соподчиненные. И те, и другие в своих плоскостях соподчинения и соподчиненности изъяты из привычных иерархических зависимостей. Конечно, садомазохистские привычки во многом берут верх, и, например, декларируемая независимость ветвей власти (соподчиняющих) то и дело копируется. Но ветви власти уже не могут прямо и открыто манипулировать друг другом, их успешная координация требует именно диалога. Строение современной власти не обрекает ее на невозможность диалога.

Не обречены мы, во-вторых, довольствоваться стандартными формами коммуникации с властью и вследствие преобладания там субъективных садомазохистских ориентаций: ее система не всегда успевает «подмять» зрелых, продвинутых по пути к самости людей. Власть нельзя давать надолго (тем более навсегда), как нельзя допускать к ней и тех, для кого власть – самоцель. Какие-то ограничения и фильтры в этом отношении существуют и действуют. В итоге не все, кто у власти, неспособны к диалогу.

Третий из факторов осуществимости диалога с властью, в отличие от первых двух, имеет внешний по отношению к ней исток. Он состоит в активной позиции общества, которое, принимая стандартные формы коммуникации с властью, все же ими не довольствуется и *принуждает* власть к диалогу с собой. Огромное множество обществ об этом и не помышляло. Власть оставалась неукротенным, диким «зверем», преследующим собственные цели, а вовсе не те, которые приоритетны для общества. Сначала нужно стать не только подданным, но и равным власти, суметь соединить законопослушание и подчинение властям с институтами осознанной зависимости власти от общества и так открыть возможности диалога. Сделать это трудно, и то общество, которое способно этого достигнуть, только и может именоваться «гражданским». Какие-то зачатки гражданского общества в Украине складываются, но и легитимность власти для нашего общества, и институты зависимости

власти от него катастрофически (как для осуществления диалога, так и для будущего страны) не развиты.

Среди нынешних препятствий диалога общества с властью остается также инкогнито его участников, причем обеих сторон.

Как показывают многочисленные исследования (Е. Ханкис, М. Афанасьев, И. Куколев и многие другие), реальная власть в странах постсоветского пространства во многом (а иногда в основном) сосредоточена в руках промышленно-финансовых групп – «клиентел». Публичные политики, естественно, с ними сотрудничают, а часто и входят в них. Сами же клиентелы отнюдь не публичны, находятся «в тени», что долго оставалось ключевым (хотя, конечно, не единственным) условием их существования. Множество журналистов, покушающихся на тайны бизнеса и персоналий клиентел, были устранены – организационно или физически. И когда какой-то политик входит в коммуникацию с обществом, остается совершенно неясным, насколько он представляет самого себя, а насколько – анонимные клиентелы.

Другой стороной коммуникации чаще всего выступают политические партии, которые и призваны выражать общественное мнение. Их у нас больше сотни. Казалось бы, это является позитивным фактом, свидетельствующим о развитии демократии. Но разве, кроме специалистов-политологов, огромное множество из них кто-нибудь в состоянии различить или даже запомнить? Вместо внятной конкуренции идеологий и обозримого соперничества программ обществу предложена полная сумятица и неразбериха, непосильная и бессмысленная головоломка.

Бессмысленная оттого, что подавляющее большинство наших «партий» в строгом смысле этого слова партиями вообще не являются. Их лидеры зачастую заняты бизнесом, альтернативным тем принципам, которые декларируются партийными документами, или входят в клиентелы, преследующие противоречащие программным цели. Сами же партии малочисленны, вплоть до «диванных». В таких квази-партиях люди фактически объединяются отнюдь не идеологическими принципами, а выстраиваются вокруг отдельных материально обеспеченных личностей. Их реальный источник финансирования – не членские взносы, а анонимные клиентелы, которые инициируют и содержат такие «партии», нужные для политической устойчивости бизнеса и его развития. Их сторонники зачастую движимы собственным, а не общественным интересом. Они нужны не обществу, а для политического прикрытия и достижения личных целей.

Когда представители таких партий вступают в коммуникацию с властью, торжествует фантом коммуникативного инкогнито: собственно, кто с кем и о чем договаривается? Делаемые сообщения для публики совершенно лишены желательной и ожидаемой информационной прозрачности. Все подозревают не без оснований, что самое важное в переговорах осталось засекреченным. Все вынуждены читать между строк, ловить намеки и слухи. Остается не проясненным и сомнительным, могут ли вообще эти люди претендовать, что они представляют именно народ и публичную власть, а не частные интересы и клиентелы. Какой уж здесь диалог, это даже вряд ли является информационным договором, – скорее просто сговором.

Насколько, наконец, пространство коммуникации общества и власти в настоя-

ших условиях удовлетворяет диалоговому критерию открытости тематики? Многие ключевые для развития страны и общества темы из него фактически исключены. Среди них – важнейшая тема реальных результатов и перспектив приватизации, вопросы федерализма и регионального самоуправления, состояния силовых структур и геополитической перспективы страны, проблемы жизненного уровня населения и демографии. У действующих или претендующих на власть политиков, к примеру, не принято спрашивать, сколько у них денег и откуда они взялись – все равно ведь трудно надеяться на достоверный, который можно проверить, ответ. Что-то вообще запрещено, что-то обходится по умолчанию – так или иначе коммуникативное пространство остается разорванным, фрактальным.

* * *

Можем ли мы в итоге констатировать наличие и плодотворность диалога общества и власти в нашей стране? Как показывает анализ, даже исходная возможность диалога требует выполнения определенных условий, которые, увы, в настоящее время еще не сложились. В основном мы обходимся до-диалоговыми, стандартными формами коммуникации, то и дело его имитируем, но редко когда осуществляем на самом деле. Препятствия диалогу остаются существенными, однако не непреодолимыми. Перманентный и эффективный диалог общества и власти конституируется вместе с развитием демократии, является замечательным детищем гражданского общества, к которому Украина пока делает первые робкие шаги.

Поступило в редакцию 21 июля 2004 г.

УДК 342

И. Е. Туркина

РОЛЬ И МЕСТО КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Научная разработка проблем деятельности институтов судебной власти за определённый период существования государства обычно основывается на сравнении политической практики с «официально-доктринной» парадигмой – с теоретической моделью, принятой за образец решения исследовательских задач. Такая модель (парадигма) определяет общую базу научных исследований, их методологию, структуру, терминологический и категориальный аппарат, способы сбора и обработки эмпирических данных, выбор направлений исследования. При этом исследователи могут вовсе не принимать во внимание реальные общественные противоречия и основывать свои построения на подчас иллюзорных представлениях об адекватности государственно-правовых форм актуальному состоянию и перспективам развития общества, а также степени плюрализма в научном и идеологическом осмыслении общественной жизни.

Парадигма 1991-1995 годов во многом определялась Конституцией (Основным Законом) Украинской Советской Социалистической Республики 1978 года, Декларацией о государственном суверенитете Украины 1991 года и Конституционным Договором между Верховной Радой Украины и Президентом Украины об основных принципах организации и функционирования государственной власти и местного самоуправления в Украине (до принятия новой Конституции Украины 8 июня 1995 года). Содержание этих актов, их научный комментарий и обсуждение, безусловно, стимулировали изучение отдельных аспектов конституционной практики. Однако только с принятием действующей Конституции Украины эта парадигма получила дальнейшее логическое развитие и нашла свое формальное выражение в концепции современного государственного строительства.

В концентрированном виде она включает следующие конституционные постулаты: 1) Украина есть суверенное и независимое, демократическое, социальное и правовое государство; 2) человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью; 3) Украина является республикой. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Украине является народ. Народ осуществляет власть непосредственно и через органы государственной власти и органы местного самоуправления; 4) государственная власть в Украине осуществляется по принципу ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законода-

тельной, исполнительной и судебной власти осуществляют свои полномочия в установленных настоящей Конституцией пределах и в соответствии с законами Украины; 5) в Украине признается и гарантируется местное самоуправление; 6) в Украине признается и действует принцип верховенства права. Конституция Украины имеет высшую юридическую силу. Законы и иные нормативно-правовые акты принимаются на основе Конституции Украины и должны соответствовать ей; 7) общественная жизнь в Украине основывается на принципах политического, экономического и идеологического многообразия; 8) обеспечение экологической безопасности и поддержание экологического равновесия на территории Украины являются обязанностью государства.

Такая политико-конституционная парадигма открыла простор для качественно нового видения содержания и перспектив общественных процессов на этапе построения в Украине правового государства. Одновременно начался процесс формирования системы политических институтов и процедур в конституционном поле регулирования общественных отношений с целью достижения устойчивого состояния демократической политической системы.

Этот процесс включал в себя:

- институционализацию демократического порядка создания субъектов права, действующих в политической сфере, разработку их статуса как конституционно-правовых лиц, а также регламентацию их взаимоотношений как между собой, так и с государственными органами;
- подробное регулирование осуществления прямого народовластия.
- обеспечение гарантий политического волеизъявления меньшинств, включая их представительство в органах власти. Необходимость этой меры в условиях возрастания конкуренции в процессе принятия и реализации политических решений, в том числе через партийный механизм, очевидна;
- повышение интенсивности реализации конституционных прав граждан, что является важным критерием движения к правовому государству;
- формирование органа конституционной юстиции [1, с. 17-18].

Описанные элементы парадигмы определяют постановку вопроса о конституционности ее обеспечения, разрешаемого в русле политической теории конституции. Здесь конституция выступает исходной и порождающей конструкцией, изучаемой в ходе социального исследования. С появлением новой конституции отношения, которые сложились или складываются в обществе, получают фундаментальное государственно-правовое оформление. Конституция дает начало новому общественно-политическому устройству жизни, становится обязательным ориентиром даже для тех, кто сопротивляется ее утверждению в качестве политической модели общества. В соответствии с ее положениями создаются и действуют государственные органы, принимаются законодательные акты, складывается запрограммированный ею политический режим.

Термин «конституция» в большинстве научных изданий толкуется как происходящий от латинского слова «constitutio» – устройство, установление. Он применялся еще в законодательстве Древнего Рима и представлял собой в то время различные императорские акты, в которых закреплялось устройство государства. В любом

случае в политической истории государств длительное время под этим термином понимали лишь устройство государства, форму организации государственной власти. И только в ходе буржуазных революций это понятие наполнилось новым содержанием. Английская, американская, французская революции привели к взрыву конституционалистских движений и к заметному оживлению стремлений найти надёжную конструкцию политического механизма защиты конституционных норм и принципов. Отечественная политико-правовая мысль, в свою очередь, стремилась адаптировать найденные политико-правовые конструкции к национальным условиям.

Так, последователь французского сенсуализма, приверженец идей школы природного права и теории общественного договора, украинский мыслитель Я. Козельский (1729-1795) выступил против схоластичных и теологичных представлений о человеке. Его политическим идеалом было демократическое общество, основанное на частной собственности, полученной личным трудом. Он оставил после себя немало работ, которые впоследствии стали концептуальным фундаментом и для украинских, и для российских мыслителей – конституционалистов.

Я. Козельский выделял в общей философии теоретическую (логику и метафизику) и моралистическую, или практическую философию (юриспруденцию и политику). Юриспруденцию он определял как «знание всех возможных прав или правостей», а политику – как «науку производить праведные намерения самыми способнейшими (политиками) и притом праведными средствами в действо» [2, с. 534]. По мнению мыслителя, как юриспруденция учит наблюдать добродетель, так политика настаивает хранить добродетель и благопристойность; юриспруденция учит быть добродетельным, а политика – быть и казаться добродетельным.

Украинский ученый не называл общественный договор «конституцией», не употреблял категорий «конституционный» или «неконституционный закон», но он всесторонне обосновывал понятие «правовой закон», то есть «закон, который соответствует праву», и тем самым оказал заметное влияние на созревание идеи конституционно-судебной власти. Учёный выступал за «просвещенную», то есть конституционную монархию, против экономического неравенства людей, против неограниченного самодержавия, за справедливость в налогообложении, за укрепление трудовой собственности.

Я. Козельский был в числе первых европейских мыслителей, кто защищал идеи свободы слова и свободы печати в конституционном и парламентском процессе. Подчеркнем, что теоретическое обоснование необходимости введения широкого круга прав и свобод человека было осуществлено украинским мыслителем почти за двадцать лет до появления американской конституции, до обнародования французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года и американского Билля о правах 1791 года.

Взгляды Я. Козельского разделял С. Десницкий. Досконально изучив теорию и практику английского парламентаризма, рационалистическое правопонимание Common Law, идеи европейских просветителей о народовластии и их подход к идеальному праву, С. Десницкий (под влиянием Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, С. Пуффендорфа и А. Смита) отделил личные права от тех прав, которые сейчас от-

носятся к области государственного управления. Это разделение органично соответствовало главнейшему принципу конституционного контроля – разделению властей. Учёный описал механизм «законодательной, судительной и наказательной власти», утверждая, что от них «зависит все главное правление в государствах» [3, с. 392 – 312]. Отсюда, по мнению С. Десницкого, выступавшего за равенство свободных людей, следует необходимость ограничения абсолютизма. Со временем разделение властей (как основной признак конституционного устройства государства) уступило приоритет другому признаку, а именно – политическому участию народа в государственных делах (например, в форме представительства).

В современной теории и практике конституционализма конституция поставлена над иными законами, нормативными актами и определяет деятельность законодательной, исполнительной и судебной власти. По форме конституция – всегда и прежде всего юридический документ, описывающий основы государственности и правопорядка. Но одновременно – и политический документ, регулирующий политические отношения в обществе. Конституционные нормы являются основополагающими не только для деятельности государственных органов, а и политических партий и других общественных объединений, должностных лиц, граждан данного государства и иностранцев, которые пребывают на его территории. В таком случае уместно использовать словосочетание: конституция – Основной Закон государства и общества [4, с. 42]. И этот закон не может не быть основан на той или иной комбинации национальных и общечеловеческих ценностей и идеалов, например, на универсальных идеях свободы и правового государства.

Исключение из текстов конституции таких идеологических понятий, как «социалистическое государство», «социалистическая законность», «социалистическая собственность» не означает, что Конституция Украины, конституции других стран СНГ утратили идеологические свойства и функции. Все современные конституции исходят из определенных политических и правовых концепций, доктрин, формулируют принципы, на которых основано общество и государство. Но в этом случае речь не идет о закреплении идеологических постулатов какой-либо политической партии [5, с. 79].

Для развития отечественной и мировой конституционно-судебной теории большое значение имеет определение сущности конституции. В этом вопросе не существует единой точки зрения. Сегодня существуют два подхода, которые можно назвать: 1) классово-политическим; 2) рационалистичным [6, с. 9].

Суть классово-политического подхода состоит в том, что конституции, закрепляя группы общественных отношений, выражают соотношения сил в обществе, разделенном на классы. В этой связи традиционно цитируют Ф. Лассалья, который писал, что сущность конституции – это «фактические отношения, силы, которые существуют в данном обществе» [7, с. 13]. Ещё более определённо по этому поводу высказался В. Ленин: «Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, которые касаются избирательного права в представительные органы и т. д., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе» [8, с. 345]. Вслед за своими классиками марксистско-ленинская наука государственного права трактовала конституцию как результат «соотношения сил в

классовой борьбе». Сегодня сводить сущность конституции только к указанному положению невозможно, хотя бы потому, что оно не согласуется с историческими фактами. Конституция США, например, за более чем 200-летнюю историю не претерпела изменений, хотя за этот период в государстве произошли значительные изменения в соотношениях политических сил.

Сторонники же рационалистичного подхода не возражают против влияния социально-политических факторов на конституцию, но выступают против их абсолютизации. На первый план здесь выдвинута служебная роль конституции как позитивного документа, который закрепляет основы статусов личности и государства, упорядочивает общественные отношения и тем самым влияет на их развитие. Конституция выступает как юридический документ, основной закон государства. Безусловно, среди сторонников такого рационалистичного подхода на первом месте находится Ф. Лассаль. По его мнению, свойство любой конституции быть основным законом, с одной стороны, сближает ее с обычным законом, а с другой – отличает от него, поскольку в каждом государстве существует основной закон только один, тогда как обычных законов множество. Идея конституции как основного закона впервые была реализована в Конституции РСФСР 1918 года – рядом со словом «конституция» в кавычках стояло словосочетание «Основной закон». Сегодня этим словосочетанием обозначаются конституции ФРГ, Китая, Вьетнама, Монголии. По нашему мнению, понятие «основной закон» четко характеризует причину появления и сущность конституции.

Однако, как неоднократно подчеркивалось в литературе, сущности конституции присущи и иные разнообразные аспекты. Мировая конституционная история свидетельствует, что основные законы государств принимаются, как правило, в результате компромисса относительно коренных вопросов общественной жизни между различными социально-политическими силами. В демократическом обществе созданный конституцией механизм власти – это всегда компромисс, поскольку в общественной жизни берут участие либо ведут борьбу за власть различные политические силы. Этот компромисс, хотя и вынужденный для многих, но все же добровольный, выражает общую (за исключением деструктивных сил) заинтересованность в разрешении проблемы власти и свободы человека и гражданина на основании закона. Конституция становится своеобразным общественным договором между различными слоями общества. Существенной характеристикой конституции, таким образом, является идея социального сотрудничества.

В связи с этим внимания требуют вопросы, связанные с интерпретацией понятия «функции конституции», – ибо сущность конституции наиболее полно выявляется именно в ее функциях. Под функцией (от лат. *functio* – исполнение, обращение) конституции обычно понимают проявление ее назначения, отображение роли Основного Закона в политике, жизни общества и граждан, в осуществлении задач государства. В этом ракурсе функции конституции определяются как основные направления ее влияния на общественные отношения: юридические, учредительные, регулятивные, правоохранительные, политические, а также экономические, идеологические, информационные и воспитательные. Например, по мнению судьи Конституционного Суда Российской Федерации В. Лучина, основными функциями

конституции являются регулятивные (в том числе учредительная, правоуполномочивающая, охранная, программная), политические, идеологические, системообразующие и аксиологические.

Немецкие исследователи при определении функций конституции в жизни общества ограничиваются только указанием на роль Основного Закона в установлении правил политических действий и решений, в конституционности государственного единства, в формировании процедуры общественного существования.

Общеизвестно, что конституция создается под определенные политические цели, достижение которых невозможно, если политика и право не представлены в конституции в целостном и сбалансированном виде. Политический процесс, в котором так или иначе принимают участие все политические силы, осуществляется по правилам, установленным конституцией, и охватывает разные формы, способы и направления политической деятельности. По сути – это порядок функционирования политической системы, ее институтов. С изменением норм конституции вносятся определенные изменения и в политический процесс. Как и любая современная конституция, основной закон устанавливает принципы и предусматривает реальный режим политического процесса. С одной стороны, он содержит основные политические ориентиры, а с другой – определяет компетенцию и полномочия разных институтов системы.

Политическая функция Конституции Украины проявляется в том, что ее нормы содержат ряд положений, в которых доминируют политическое содержание и направленность. Так, она закрепляет принцип народовластия, политического и идеологического многообразия; описывает политические права и свободы граждан, включая различные формы и способы их участия в управлении государственными делами.

С политической функцией Основного Закона Украины тесно связана его идеологическая функция. Конституция выступает средством идеологического влияния. Позитивный идеологический потенциал Конституции Украины выявляется прежде всего в установленных ею принципах взаимоотношений гражданина – общества – государства, построенных на гуманизме, справедливости и взаимной ответственности.

Юридическая функция конституции. Она заключается в том, что в качестве основного закона она является главным источником права, нормы которого имеют высшую юридическую силу и лежат в основе всей системы правового регулирования:

- является основой правовой системы и правопорядка в государстве, что очень важно для трансформационного периода в развитии общества);
- регулирует общественные отношения и, как документ прямого действия, может быть исходным базисом для их исполнения;
- дает импульс развитию законодательства и принятию массива новых нормативных юридических актов, которые воплощают общие идеи и отдельные положения конституции.

Для современного состояния теории и практики конституционализма в Украине большое значение имеют вопросы конституционного регулирования. Актуальность

изучения границ, конституционного регулирования и его механизма в Украине обуславливаются, во-первых, тем, что иногда в теории и практике отождествляются предмет и объект конституционного регулирования; во-вторых, необходимостью усовершенствования конституционного законодательства, повышения эффективности действия уже существующих норм Конституции.

Необходимо выяснить, что представляют собой предмет и объект конституционного регулирования, и их соотношение между собой. В теории предмет науки вообще определяется как «совокупность объективных закономерностей», а объект – как «совокупность явлений и процессов объективной реальности, которые изучают ученые в процессе познания своего предмета».

Модель действующей Конституции Украины подтверждает главный вывод: отношения, которые определяют характер экономической и политической структур общества, составляют предмет конституционного регулирования. Другое дело – в какой мере. На содержание конституции и предмета конституционного регулирования влияют следующие факторы:

- политические взгляды на природу собственности, власти, назначение тех или иных ее институтов, которые существуют в момент принятия конституции;
- обстоятельства данного этапа развития государственности в той или иной стране;
- уровень общественного сознания, а также уровень политической и правовой культуры населения;
- воля и позиция органов и лиц, которые занимаются подготовкой проекта;
- собственные черты конституции как политико-правового и идеологического документа [6, с. 16-12].

Таким образом, можно сделать вывод, что конституция есть основной закон, который: а) организует систему государственных органов и порядок их формирования; б) устанавливает их компетенцию; в) определяет характер взаимоотношений органов государственной власти с местным самоуправлением и другими элементами политической системы общества; г) формирует и обеспечивает политическое единство народа; д) выступает способом формализации государственного устройства Украины путем закрепления его основных принципов; е) определяет основные ценности государства и общества и порядок их государственной защиты;

Конституция – это единственный закон, который устанавливает границы государственной власти, закрепляет права человека и гражданина и возлагает соответствующие обязанности на государство. Она закрепляет параметры индивидуальной автономии личности и характер взаимоотношений личности и органов государственной власти и, уже в силу этого, конституция должна обладать особыми гарантиями стабильности и независимости от складывающихся политических конъюнктур. В мировой конституционной практике эта задача обычно возлагается на особый политический институт, осуществляющий конституционно-судебную власть.

Список литературы

1. Белкин А.А. Теоретические, правотворческие и правоприменительные проблемы конституционной охраны. – М., 1995. – С. 346.
2. Козельский Я.П. Философские предложения // Избранные произведения русских мыслителей..., – Т.1. – С. 218.
3. Десницкий С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи., С. 304.
4. Бобровник С.В. Конституція – Основний Закон України. – К., 2000. – С. 290.
5. Годыка Ю.Н. Конституция Украины: проблемы теории и практики. – Харьков: Факт, 2000. – С.315.
6. Авакян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – 2-е изд. – М., 2000. – С. 112.
7. Лассаль Ф. О сущности Конституции // соч. – Т.2. – М., 1925. – С. 354.
8. Ленин В.И. Как социалисты революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Полн. собр. соч. – Т.17. – С. 549.

Поступило в редакцию 30 июля 2004 г.

УДК 342.28

Ю. Г. Запрудский

ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО: ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНФЛИКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Давно и справедливо замечено, что политика является основным инструментом воздействия на общественную жизнь. Она в известном смысле являет собой сознательное начало в общественном развитии. Через нее осуществляется общее руководство общественными делами, в ней люди видят важную причину личных и общественных успехов или неудач.

Управленческие функции политики осуществлялись на всем протяжении существования человечества, однако только в наше время гораздо отчетливее, чем прежде, выявляются управленческие пределы политической власти. Это выражается, в частности, в кризисе доктринальных политических концепций.

Прошедшее столетие оказалось наиболее богатым на события и факты политического характера. Взятые в своей совокупности, они свидетельствуют, что в исторических рамках XX века человечество «отработало» практически все политические идеи, известные в философской и политической мысли от Аристотеля до наших дней. Политические доктрины либерализма, анархизма, консерватизма, марксизма, модернизма так или иначе, в той или иной мере, но прошли практическое апробирование. Ни одна из них, воплощенная на практике, не осчастливила человечество. Мировое сообщество опробовало все известные современной политической науке формы правления и государственного устройства.

Все политические режимы: демократический, авторитарный, тоталитарный или такие их разновидности, как деспотический, тиранический, либерально-демократический, фашистский, прошли историческую проверку, и никто не скажет, что человечество сделало определенный выбор. В этом смысле современная политическая теория переживает трудные времена, ибо не может предложить политической практике ни одной новой политической доктрины, окончательно запутывая ее всевозможными «пост» и «нео», которые по существу не прибавляют к известному ничего принципиально нового.

Потребность иного взгляда на феномен политики возникает и в связи с изменением прежних представлений об особенностях природы общественного развития. Политический кризис марксизма поставил под сомнение и его философскую концепцию исторического развития. Формационный подход, выстраивающий события мировой истории в последовательное движение от низшего к высшему, от простого к сложному, опирающийся на представление о наличии неких закономерностей общественного развития, которые достаточно познать, чтобы, наконец, овладеть ходом истории, оказывается малопродуктивным в условиях современного дина-

мичного развития общества, быстро меняющихся обстоятельств и факторов общественной жизни. Марксистское понимание истории, как, впрочем, и гегелевское, выстроено в соответствии с научными представлениями своего времени. Мироззренчески господствовавшая тогда ньютоновская картина мира побуждала даже диалектически мыслящих ученых искать всеобщие закономерности общественного развития, выстраивать концепции этого развития в логически непротиворечивой и завершенной форме. Естественно, усилия, предпринимаемые в этом направлении, приводили к результатам, подтверждающим исходный тезис. Тайна мировой истории оказывалась, наконец, разгаданной, закономерности общественной жизни — понятными. Однако, при всей глубине и грандиозности этих теоретических построений, заложенные в них претензии были чрезмерными.

Общество представляет собой сложноорганизованную, открытую, неравновесную систему, развитие которой носит необратимый и вероятностный характер. Повторяемость в природе такого развития весьма условна и относительна. В реальном процессе социальной эволюции постоянно возникают периоды, когда дальнейшее развитие принципиально непредсказуемо, ибо в значительной мере определено разного рода случайностями. Вообще исторический процесс не следует представлять в виде единственной линии постоянно восходящего движения истории от менее к более совершенным формам существования, поскольку социальная динамика реализуется в самой невероятной последовательности: в форме круговоротов, спиралей и синусоид, пульсирующих волн, челночных бросков и произвольного, хаотического движения.

Нелинейность общественного развития требует особого отношения к управлению общественными процессами. Политическое управление, понимаемое в классическом смысле, весьма ограничено в возможностях учитывать многовекторность и неоднозначность социальных процессов, происходящих одновременно в разных областях общественной жизни, — с разным содержанием, темпом, тенденциями движения. Для необратимых процессов, преобладающих в обществе, наиболее подходят методы моделирования, отслеживания событий, прогнозных оценок и т.п. приемов, ориентированных не на поиск идеалов общественного развития и реализацию утопических проектов, а на использование наиболее общих законов самоорганизации и самодвижения, способствующих развитию общества через эффективное решение возникающих проблем. Не случайно именно эта проблематика оказывается наиболее динамично развивающимся направлением в современной политической науке...

Общие элементы организации общественной жизни, характерные для европейской цивилизации на всем протяжении ее существования, сделали, однако, устойчивыми некоторые суждения о политике, высказанные еще в глубокой древности. Так же как и Аристотель, современная наука относит политику к области государственной деятельности.

В Толковом словаре В. Даля политика рассматривается как наука государственного управления, виды, настроения, цели государя, образ его действий и т.д. В современном английском толковом словаре под политикой понимается деятельность гражданского правительства, его планы и меры, особенно по реализации собствен-

ных интересов. Французский энциклопедический словарь Ляруса считает, что политика есть искусство, доктрина о государственном правлении, а также деятельность тех, кто управляет или хочет управлять делами общества. Хорошо известно на этот счет высказывание В. И. Ленина, который также был убежден в том, что политика есть участие в делах государства, направление деятельности государства, определение форм, задачи содержания деятельности государства.

Все это, несомненно, правильно и обосновано общими признаками развития европейской цивилизации. Вместе с тем современное понимание политики все более склоняется к преодолению классического толкования феномена как участия в делах государства, направления его деятельности и поиска новых государственных форм. Этому способствовали научные открытия известного французского этнографа и социолога Клода Леви-Стросса, идеи немецкого юриста и политолога Карла Шмитта о различении политического и государственного, а также практические особенности политического развития современного общества. Наше время богато событиями, которые не укладываются в привычное понимание политики, где политическое зримо не совпадает с государственным. Например, такой пронизательный философ как Мамардашвили утверждал, что при советской власти в нашей стране отсутствовала политика, а сегодня мы сами видим, что при фактическом отсутствии государства в обществе всецело господствует политика. В несводимости политического к государственному убеждает и то, что политика проявляет себя не только в борьбе за государственную власть, но и за ее ограничение или даже за освобождение от этой власти.

Развитие политической теории и практики вскрывает иные аспекты феномена политики. Прежде всего, политика представляет собой атрибут, неотъемлемое свойство природы человека и общества. Она рассредоточена по всему пространству общественной жизни, а не принадлежит исключительно государству, его органам и обслуживающим государственный интерес лицам. Более того, политические процессы, складывающиеся «внизу», у самого основания социальной пирамиды, в самой гуще народных масс наиболее важны и значимы с точки зрения вероятности грядущих перемен. В конечном счете именно от того, что думают, на что рассчитывают, какими идеалами и надеждами живут простые люди, в решающей степени зависит судьба любого политического режима, крепость государства. Понимаемая таким образом политика пребывает неустранимым и постоянным спутником общественного развития, сохраняя всякий раз собственную основу и изменяясь в проявлениях.

Кроме того, пространство политики – это всегда область действия частных интересов. Стремление преодолеть негативные последствия проявления политической сущности породило в свое время институт государственности и присутствует в современных государственных формах в качестве основного противоречия между декларируемым всеобщим и реально действующим частным интересом. Об этом прямо говорит несовпадение намерений и результатов в политике, ставшее в некотором смысле законом политической практики.

В известном смысле политическое руководство по самой своей природе фатально тяготеет к историческим ошибкам, просчетам и заблуждениям. Собственная

природа политики такова, что выражающая ее политическая власть неизменно увлекает общественное развитие прочь от всеобщего, от саморазвития, навязывая всякий раз идеалы, стремление к которым неизбежно приводит к очередному тупику, кризису или тотальному конфликту. Даже тогда, когда политическая власть работает на исторически складывающуюся тенденцию, она действует, в конечном счете, во вред, ибо становится на скользкий путь игнорирования альтернатив, ведущий к формированию системы произвола и насилия.

Презумпция исторической виновности политической власти объективно определяется имманентными характеристиками властных отношений:

- данные отношения всегда тяготеют к концентрации и единовластию, и только сопротивление этой тенденции приводит к исторически конкретным формам властвования;
- народ и власть не совпадают по определению, пока их взаимоотношения разворачиваются в политической системе координат;
- идеал народовластия никогда и нигде не был практически осуществлен, а проблема механизмов его осуществления до сих пор убедительно не решена даже теоретически;
- любая приходящая к власти группа, которая может стать началом нового политического курса, режима и даже всей системы политических институтов, подменяет интересы народа своими собственными представлениями на этот счет;
- парадоксальность политической власти заключается в том, что идеально народная власть вправе рассчитывать на доверие к ней, но народ может рассчитывать на идеальную власть только при постоянном недоверии к властвующим.

Принцип презумпции виновности политической власти считает моральным такое отношение к ней, когда любой ее представитель изначально воспринимается критически, а само стремление к власти вызывает устойчивое подозрение со стороны общества. Данный принцип не следует воспринимать как антигосударственную позицию. Государство в качестве современного политического института достаточно убедительно доказало целесообразность своего существования. Вопреки существующей концепции отмирания государства по мере общественного развития, действительность демонстрирует усложнение его внутренних функций и усиление роли в международном сотрудничестве.

В обозримой исторической перспективе убедительных признаков отмирания государства не просматривается, но в то же время совершенно очевидна возрастающая необходимость подконтрольной деятельности государственного аппарата. Критическое отношение к государству, определенное недоверие к его политическим декларациям и практической деятельности позволяет нейтрализовать негативные тенденции, присущие развитию собственной природы государства, а также вовремя скорректировать, подправить или изменить содержание политического курса. Естественно, что субъектом такого отношения к государству выступает прежде всего гражданское общество. От его общеполитической зрелости и степени развития собственных институтов в конечном счете и зависит состояние подконтрольности государственной власти.

Нетрудно заметить, что взаимодействие государства и гражданского общества в предложенном контексте вполне допускает его функционирование в режиме открытого или потенциального конфликта. Есть ли достаточные основания для какого-то беспокойства по этому поводу?

Вообще говоря, конфликт и политика самым тесным образом взаимосвязаны друг с другом. По происхождению, процессу развития, основным социальным последствиям и многим другим факторам они как бы дополняют друг друга, всякий раз теряя смысл в случае изолированного существования. В самом деле, чем была бы политика, исчезни из общественной жизни всевозможные конфликты? Безвольная и аморфная, она скорее всего утратила бы внутренний смысл своего существования и постепенно угасла, не находя себе оправдания. Только неисчезающие конфликты всегда держат политику в тонусе, в постоянной готовности немедленно включиться в решение социальных проблем, высвеченных назревающим конфликтом. Однако архетипические особенности взаимосвязи конфликта и политики в национальном сознании отдельных народов или в содержании конкретных культур выглядят различающимся образом.

XX век грядущие поколения будут рассматривать как наиболее воинственный и жестокий. В этом столетии впервые войны стали вестись в мировом масштабе. Большая часть времени прошла в обстановке изнуряющего противоборства двух мировых систем. На вооружении ведущих держав оказались самые страшные средства массового поражения, и под конец столетия многие страны испытали на себе еще мало изученное воздействие информационных технологий весьма разрушительного свойства.

Россия оказалась в гуще мировых конфликтных событий. Крайнее обострение внутренних социальных противоречий в начале столетия, две мировые войны, самая грандиозная в истории по радикализму преобразований социалистическая революция, гражданская война вместе с иностранной интервенцией, конфликтные по существу преобразования советских лет в экономике, сельском хозяйстве, культуре, идеологии, образовании, воспитании. И, наконец, под занавес столетия – редкий по политическому цинизму, лжи и всеобщей продажности период последнего десятилетия так называемых демократических реформ, вызвавших шквал непрекращающихся конфликтов.

Уходящее столетие, в плане конфликтного воздействия на сознание нации, является, бесспорно, самым существенным за все время ее существования. Однако и сегодня, по сравнению с европейскими народами, мы остаемся в восприятии конфликта народом в некотором смысле архаичным, с неизжитыми предрассудками на этот счет, порой излишне беспечными и доверчивыми.

Русское население не имеет западных традиций устойчивого пребывания в состоянии конфликта, порождающих отношение к нему как к социальной норме. В европейских странах, где история приучила людей к атмосфере перманентного конфликта, свободе открытого противостояния сторон, у населения сложились устойчивые традиции индивидуализма как реакции на необходимость сохранить себя в постоянном поле конфликтного напряжения. В отличие от них, русский характер еще живет грезами братского единства, доверчивости, которые и по сей день пита-

ют идеи соборности, мессианства, особой роли и предназначения России к спасительному объединению всех народов. Эти черты национального характера значительно осложняют положение России в условиях глобально нарастающей конфликтности и предъявляют особые требования к политической мудрости нынешнего руководства.

«Будущее скрыто от человеческого взора, – писал И. А. Ильин. – Мы не знаем, как сложится государственная власть в России после большевиков. Но знаем, что если она будет антинациональной и противогосударственной, угодливой по отношению к иностранцам, расчленяющей страну и патриотически безыдейной, то революция не прекратится, а вступит в фазу новой гибели...»

Все условия «в России после большевиков», о которых предупреждал И. А. Ильин, воплотились в практике политического руководства за последние 10 лет поразительно совпадающим образом. Окажутся ли столь пророческими его слова о грядущей революции и фазе новой гибели? В контексте того времени – уже нет, в новой исторической перспективе – вполне возможно.

Россия – огромная страна. Причинно-следственные зависимости процессов, формирующихся на ее просторах в сознании многомиллионного населения, вырывают не вдруг, не сразу. Здесь «крот истории» копает медленно. Упущенная возможность вовремя предупредить нежелательный ход развития может оказаться фатальной причиной трагических событий, когда разгул стихии уже не остановится перед запоздалым, опомнившимся стремлением что-то изменить в обществе к лучшему. В нашей истории это происходит вередко. Не случайно именно наш соотечественник интуитивно постиг встречающуюся закономерность. Ф. И. Тютчев в письме к А. Д. Блудовой от 28 сентября 1857 г. писал: «В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искрении, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению. Тогда-то Людовики шестнадцатые и расплачиваются за Людовиков пятнадцатых и Людовиков четырнадцатых».

Порой нам кажется, что в истории все зависит от воли и побуждений власть предержащих. В известном смысле это действительно так (без них не обходится), и политика дает в этом отношении множество убедительных фактов. Но не менее справедливо и прямо противоположное убеждение: «предмет истории есть жизнь народов» (Л. Толстой).

В политической практике повседневности решающее влияние на качество общественной жизни и направленность исторического развития оказывает конкретное соотношение, складывающееся между правящей властью в лице вождей, лидеров, элит, госаппарата и массой (населением, народом, трудящимися и т.п.). Чем больше разрыв между этими участниками политического процесса, а значит и преимущественное влияние одной из сторон, тем непредсказуемее ход истории, тем вероятнее злоупотребления властью, перекосы в политических приоритетах, тупики в общественном развитии, политические кризисы и социальные катастрофы.

Все или почти все трудности решения социально значимых проблем современной России вытекают из политической беспомощности гражданского населения. За годы советской власти (да и не только) люди в нашей стране привыкли к политическому и гражданскому иждивенчеству, привыкли жить по указке «сверху», привыкли к тому, что сознательная гражданская позиция, политическая активность и самодеятельность считаются чем-то редким, специальным, необязательным для рядового гражданина, а порой даже вредным и осуждаемым, особенно со стороны властей. Политическая пассивность и беспомощность в отстаивании собственных интересов приводит к общим для всей страны негативным последствиям. Атрофия гражданских качеств откровенно мстит чиновничьим произволом, беззаконием, упадком жизненного уровня большинства населения, неуверенностью в завтрашнем дне.

Избирательные кампании последнего времени на разных уровнях фиксируют одну общую особенность – существенную роль на выборах и влияние так называемого административного фактора. Интересно, что западные аналитики даже не сразу понимают, о чем идет речь. Им и в голову не приходит, что беспардонное вмешательство в избирательный процесс «начальства» может иметь соответствующие его интересам последствия и желаемые результаты. Для западных демократий это невозможно, ибо вскрытое воздействие на ход избирательного процесса в интересах действующей власти способно привести только к прямо противоположному результату.

У нас иные традиции. Однако и в нашей стране ресурс административного влияния на результаты выборов не безграничен. Каждый новый успех действующей власти в использовании этого ресурса лишь отдаляет в стратегическом смысле власть от народа, увеличивает пропасть между ними. В народной массе вызревают, возрождаясь, иные, в отличие от декларируемых, стереотипы политической аксиологии и поведения. Нарастает общее недоверие к власти, неверие в способность демократическими методами отстоять и защитить свои интересы, глухое недовольство и брожение в умах, что в своей совокупности вновь ведет к известным в нашей истории событиям: либо к бунту, либо к поддержке очередного диктаторского режима. И то, и другое сродни революции по своим последствиям, и то, и другое чревато новыми социальными потрясениями, кризисами, а может, и катастрофами, как о том предупреждал И. А. Ильин. Вся ответственность в существующей политической обстановке в нашей стране за возможность крайне нежелательного развития событий всецело ложится на плечи действующей власти, ибо народ оказался беспомощным помочь ей действовать во всеобщих интересах. Слишком велик предрассудок, что эта помощь сводится лишь к одному – всецело доверять власти, всячески поддерживать ее начинания. В нынешних условиях, на современном этапе развития политических и социальных систем этого уже явно недостаточно. Политический опыт XX столетия показывает, что только критическое отношение к вла-

сти, постоянный контроль за ее деятельностью со стороны общественности и ее самостоятельных образований в состоянии предупредить подмену общего интереса частным, обеспечить более устойчивое развитие, избежать разрушительных конфликтов и социально опасных экспериментов.

Поступило в редакцию 1 июня 2004 г.

Редакция выражает искреннее соболезнования в связи с кончиной Юрия Григорьевича Запрудского, доктора философских наук, профессора, главного координатора совета приграничных университетов Украины и России. Мы скорбим вместе с родными и близкими Юрия Григорьевича, всеми кто его знал и помнит.

УДК 316.455

Н. Н. Кузьмин

ТИПОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА, МОДЕРН, ПОСТМОДЕРН

Эмпирические формы взаимоотношений власти и общества необычайно разнообразны. Осмысление этого разнообразия требует определенной классификации, но работа эта неблагодарная: в океане культурных, социальных эмпирических фактов всегда можно найти примеры, якобы фальсифицирующие типологическую концепцию. Тем не менее, рискнем предложить типологию взаимоотношений власть – общество.

Отношения власти и общества составляют очень важную часть социальной реальности, конституируют огромное количество социальных фактов. В типологии «закрытое – открытое» общество именно эти взаимоотношения являются главными. Радикальное изменение социальных отношений, как правило, сопровождается более или менее радикальными трансформациями взаимоотношений власти и общества. *Цель и задачи* настоящей статьи – рассмотреть особенности взаимоотношений власти и общества на различных этапах социально-политического развития и выявить типы таких отношений. *Актуальность* работы в первую очередь в том, что для современного общества характерны процессы радикальных социокультурных трансформаций, в полной мере проявляющихся и в политической культуре.

Поскольку существуют разные социокультурные формации, культуры, общества разных типов, постольку должны существовать типы данных взаимоотношений. Наиболее общей типологией является различение трех этапов социокультурного развития: традиционного общества, современного общества и третьего типа, формирующегося у нас на глазах, адекватного и общепринятого названия у которого пока нет. Поскольку термин «постсовременное» общество в русском языке неестественен и вызывает закономерный сарказм, согласимся с бытующим «затемнением» ситуации и будем называть его обществом постмодерна, а предшествующую социокультурную формацию – модерном. Энергию критиков попробуем направить на благое дело поиска более удачной терминологии.

Другое терминологическое замечание. Поскольку понятие общество, как правило, указывает на пространственно ограниченное и обладающее механизмами саморегуляции социальное образование, – целесообразно по отношению к вышеназванным этапам использовать понятие культура. В рамках каждой из этих культур существует множество обществ. Итак, остановимся на следующей терминологии: традиционная культура, культура модерна, культура постмодерна.

Чем же отличаются взаимоотношения власти и общества в этих культурах? Попробуем дать краткое описание каждого из типов. Наиболее трудно обобщить фак-

ты традиционной культуры. Во-первых, потому, что традиционная культура охватывает огромный промежуток времени, по сравнению с ней культура модерна не более чем эпизод в истории человечества. Во-вторых, за время развития традиционной культуры отношения общества и власти претерпели множество изменений. Чрезвычайно трудно отыскать инвариант, объединяющий родовые общины, общества военной демократии, восточные деспотии, республики античности и сословно-представительские монархии европейского средневековья. Поэтому попробуем изъять из анализа те общества, где политическая власть еще не выделилась в отдельное начало социальной жизни и не стала самостоятельным источником социальных отношений. Мы сразу лишаемся обществ, где господствуют родоплеменные отношения. Далее, зададим себе вопрос: насколько типичны отношения власти и общества, сложившиеся в ряде полисов классической Греции, таких как афинский? Очевидный ответ – что, несмотря на огромное историческое значение политических новаций античности, они представляли собой незначительный западный маргинализ в среде глобального Востока.

Итак, у нас остались более типичные примеры развитых обществ традиционной культуры: это деспотические монархии Востока, сословно-представительские монархии и олигархические городские коммуны европейского средневековья. Выскажем заведомо спорное мнение, что главной общей чертой этих обществ в контексте взаимоотношений власти и народа была определенная независимость жизненного мира власти и жизненного мира остального общества. Наиболее ярко это проявилось в государствах востока, которые можно считать хрестоматийным примером такого рода отношений. Сакральный характер власти подчеркивал ее потусторонность для повседневной жизни рядовых членов общества. Именно отношения такого рода носили преобладающий характер. Общим для политической жизни обществ традиционной культуры было то, что народ жил сам по себе, воспринимая власть как нечто независимое от него; власть, в свою очередь, относилась к обществу как материалу с определенными свойствами: использовала народ, но не пыталась его изменить. Поэтому в жизненном мире людей традиционной культуры центральная государственная власть почти не присутствует. В свете этого не удивителен факт, что крестьяне Турции еще в 60-х гг. XX в. на вопрос «Кто возглавляет государство?» – уверенно отвечали: «Султан» [2, с. 28].

Рождение культуры модерна совпало с образованием государства современного типа и теорий, обосновывающих это государство. Среди многообразия теоретических построений в европейской политической мысли конца XVI – XVII вв. выделим главные для нас идеи: народ как источник суверенитета государственной власти, договорная теория происхождения государства, наличие неотъемлемых прав человека [7, с. 614]. В них нашло свое отражение изменение отношений власти и общества: власть перестала восприниматься как нечто независимое от социума. Представления о том, что власть имеет свой источник в народе, что она имеет определенные обязанности перед ним, подотчетна обществу, стали основой современной либеральной демократии. Позднее в культуре модерна возникают идеи, согласно которым власть является активным началом в социальной жизни.

Вершиной реализации этих интенций стала концепция государства благоденст-

вия 60-х гг. прошлого века. В ней наиболее ярко проявилась противоречивость политических установок модерна, ставшая причиной социально-политических катаклизмов, сотрясавших Европу с конца XVIII века. С одной стороны, власть обязана обеспечить народу «благоденствие», с другой – для реализации этой цели ей приходится активно вмешиваться в повседневную жизнь людей. Глобальное перераспределение валового внутреннего продукта посредством социальных программ – лишь часть такого вмешательства. Предметом заботы государства стали сферы, неведомые в традиционной культуре: трудовые отношения, сфера образования и здравоохранения (государство не только дает на это деньги, но и определяет, что мы должны учить и как лечиться), наука и т.д. Образно говоря, государство модерна, в начальный период своего существования выполнявшее роли юриста, полицейского и солдата, в течение XIX – XX вв. стало, по совместительству, экономистом, врачом, учителем и обобщенным носителем культурных качеств в виде концепции национального государства.

Сформулированная еще Дж. Локком идея об обеспечении прав и свобод граждан как главной функции государства красноречиво подчеркивает активную роль государства в социальных процессах. Полемика Т. Гоббса и Дж. Локка о том, распространяется ли власть государства на умы подданных, их верования и идеологические предпочтения, показывает, что различие методов осуществления политической власти в модерне не означает различия направлений властной деятельности (государство Гоббса обеспечивает единство веры, государство Локка – обеспечивает свободу веры). Образно говоря, противостояние открытого и закрытого общества в модерне локализуется в области дверного проема. На таком понимании основывается критика модернистского либерализма и других идеологических построений культуры модерна. Дж. Грей убедительно показал, что проповедь свободы в современном либерализме сочетается с навязыванием четко определенной доктрины свободы, основывающейся на исторически и культурно ограниченном толковании социального и политического субъекта [3, с. 13-67].

Из активной роли политической власти в социальной жизни с необходимостью следует идея о всеобщем равноправии: социальная инженерия возможна лишь по отношению к идентичным объектам, эффективное управление миллионами индивидуальностей технологически невозможно. В традиционной культуре государственная власть с легкостью мирилась с плюрализмом жизненных миров, поскольку не претендовала на их изменение. Всеобщая декларация прав человека, единые нормы международного права, с одной стороны, и идентичные товары и услуги по всему миру, с другой, непосредственно коррелируют друг с другом как порождение общего культурного архетипа модерна.

Данный исторический экскурс предваряет попытку решения главной задачи работы – анализ особенностей взаимоотношения власти и общества в постмодернистской культуре. Естественно, такой анализ должен основываться на понимании специфических характеристик культуры постмодерна.

Если культурологической характеристикой личности, присущей традиционным обществам, можно считать вовлеченность, партиципаторность, а модерна, наоборот, отчужденность, то постмодерн рождает личность, которой свойственна некая неоп-

ределенность, разорванность бытия [4, с. 414-416]. Поэтому неопределенным для социального субъекта постмодерна будет и его отношение к власти. Человек в постмодерне определенным образом «ведет себя» по отношению к власти в зависимости от актуализации той или иной ипостаси своего бытия. Этому способствует и кризис метатеорий социальной и политической жизни в культуре конца XX века: у индивида постмодерна нет четких предписаний, общепринятых коллективных представлений, которые навязывались индивиду религиозными и мифологическими системами, метанарративами либерализма и марксизма.

Национальное государство, впервые объединившее политические и культурные идентичности в единую констелляцию, создало не виданную ранее степень мобилизации общества политической властью. Государство XIX – XX вв. смогло заставить людей умирать за себя. Кризис национального государства, характерный для нынешней эпохи, нашел свое выражение и в том, что государство перестало быть основой единства общественной жизни. «Отступление государства» привело к тому, что люди столкнулись с неопределенностью чувств преданности, лояльности, идентичности [10, с. 215]. А. Турен справедливо утверждает, что современное государство воспринимается не как «агент интеграции действующих лиц общества», а скорее как руководитель предприятия, верховный бюрократ [9, с. 48]. В самом деле, разве много сейчас можно найти желающих умирать за государство? Иное дело – пожертвовать благополучием (и даже жизнью) за этническую общность или религию.

Плюрализм жизненных миров, характерный для традиционной культуры, в постмодерне актуализируется в индивидуальном сознании. Иными словами, у личности постмодернистской культуры нет однозначного представления о функциях политической власти, ее роли в жизни общества. Кризис участия, «бегство с Агоры», по образному выражению З. Баумана [1], характерный для современной либеральной демократии, является кризисом только с ретроспективной точки зрения. Проявлять политическую активность в неопределенной среде неопределившимися индивидам, по меньшей мере, нет никакого смысла. То есть налицо не кризис, а новая культурная ситуация. Рискнем предположить, что в постмодернистской культуре степень политического участия будет изменяться волнообразно – то уменьшаться, то увеличиваться, в зависимости от ситуации. Будут ли эти изменения спонтанны или же станут представлять собой закономерные тренды – покажет время.

Для модерна характерна интенция к прозрачности, понятности, «расколдовыванию» (М. Вебер) мира, которая в сфере политических отношений нашла свое выражение в принципах открытости, подконтрольности власти. Действия власть предержащих претендовали на всеобщую рациональность, обосновывались «научно». Эта интенция одинаково проявлялась как в марксизме, так и в либерализме. В постмодернистской культуре наука резко снижает свой статус: темы, направленность научных исследований все менее понятны, и поэтому их значимость для рядового обывателя резко снижается. Более того, люди перестают доверять науке (паническое неприятие генетически модифицированных растений тому пример). Отсюда –

снижение доверия к действиям власти: с одной стороны, у нее нет ни сакральной, ни научной обоснованности, с другой – ее деятельность в «непрозрачном» мире все менее понятна.

В современном мире центральной темой политики оказывается экономика, объяснить же рядовому обывателю рациональность экономических действий правительства невероятно сложно. Экономика при этом претендует на статус, близкий к естественнонаучным изысканиям. Но непосредственно влияющие на повседневность экономические события (кризис в Юго-Восточной Азии 1997-98 гг., обвал на фондовом рынке компаний) экономическая наука не смогла предотвратить. Получаем некую цепь несоответствий практики ожиданиям. Рядовые члены общества, находясь в плену модернистских установок, требуют от правительств обоснованности экономических действий и предсказуемости их результатов. Те, в свою очередь, вынуждены действовать в неопределенной и хаотичной среде международной экономики, действия субъектов которой в основном носят реактивный характер и объясняются лишь ретроспективно и средствами языка «научной» экономики. Ожидание понятности и фактическая необъяснимость – основной культурный конфликт современной переходной эпохи.

Такова оценка особенностей политической культуры постмодернизма с точки зрения поведения рядовых членов общества. Какие же изменения характерны для власти? Можно констатировать факт, что политическая власть на рубеже тысячелетий все менее и менее чувствует себя обязанной обществу. Главным направлением ее деятельности в сфере установления контактов с обществом стали различные манипулятивные технологии. Нынешние политики, как римские авгуры, сами не верят в провозглашаемые ими принципы. Мы сейчас являемся свидетелями, как в сфере публичной политики продолжается инерция модерна, реальная же политика творится по совершенно иным правилам. Думается, что степень искренности публичного выражения основных принципов политической деятельности у нынешних политиков несравнима ни с Рузвельтом, ни с де Голлем, ни с Лениным, не говоря уже про творцов Великой французской революции, отцов-основателей США и других великих государственных деятелей модерна.

Но этот процесс можно охарактеризовать как кризис старого. Что же появилось нового в постмодернистской политической культуре? Политический мир модерна был четко структурирован из отдельных государств. Одним из первых нововведений в сфере политической теории модерна было учение о государственном суверенитете Ж. Бодэна (конец XVI в.) В первой половине XVII в. рождается его закономерное продолжение – учение о международном праве Г. Гроция. Таким образом, международные отношения модерна – это сфера взаимодействия по определенным правилам отдельных коллективных субъектов-суверенов. Поскольку источником суверенитета был объявлен народ, то международная политика, естественно, должна строиться в интересах этого народа.

В конце XX в. международные отношения превратились в самодовлеющую реальность, зачастую конституирующую политику внутреннюю. Одновременно субъекты внутренней политики все чаще выходят на международную арену. Транснациональные корпорации, выступающие в качестве самостоятельных агентов соци-

ально-политических процессов, – это наиболее яркий и устоявшийся пример. Кроме него, мы имеем международные отношения отдельных внутригосударственных регионов*, международные социальные движения, стремительно интернационализирующуюся образовательную систему. Все это подчеркивает нарастающую зависимость политической власти в государстве не от внутренних, а от внешних факторов и, соответственно, дистанцирование власть предержащих от своего народа. Не случайно самое активное социальное движение на рубеже тысячелетий – антиглобализм – пытается оказать давление в первую очередь не на национальные правительства, а на международные организации. Преобладающее влияние внешнеполитических факторов делает внутривластную жизнь все более хаотичной и разнонаправленной, не обусловленной четко прописанной концепцией государственного строительства.

3. Бауман видит сущность эпохи постмодерна в переходе от «законодательного» разума к «интерпретирующему» [2]. Конечно, данный процесс можно оценивать как некое восхождение. Но более точным будет понимание, что выход на первый план интерпретации есть следствие утраты метанарративов, служивших своеобразными катехизисами, кодексами, дававшими полное понимание всех социальных, политических, экономических процессов и явлений. Современная политическая культура является причудливой смесью консервативного традиционализма, либерализма и социализма, концепции которых одновременно присутствуют в политическом сознании субъектов и активизируются в зависимости от ситуации. В этом причина сближения программных установок различных политических партий: в такой ситуации неважно, что записано в программе, более существенной оказывается реакция на ситуацию**. Отсюда и утверждения, что в ближайшем будущем на смену партиям придут СМИ. Ведь их функцией непосредственно и является интерпретация, политические партии же, как дитя модерна, призваны проповедовать истину в последней инстанции.

Существенной чертой постмодернистской культуры является изменившееся отношение ко времени. Политическое сознание модерна четко структурировало прошлое и было нацелено в будущее. Настоящее было лишь этапом. В ситуации резкого усложнения текущей жизни, в условиях, когда в прошлом стало невозможно разобраться и дать общепринятую оценку историческим фактам, когда будущее неопределенно и пугает, настоящее становится не «мигом между прошлым и будущим», а привилегированной территорией [8]. Для власти важна не цель, а непосредственная ситуация. Отсюда вытекает отсутствие ограничения власти как «заветами предков», так и целевыми установками. В свою очередь, людям нечего предъявить такой власти, и они сосредотачиваются на собственной биографии.

Из описанных выше характеристик культуры постмодерна следует, что ключевым понятием для осмысления отношений между властью и обществом является понятие ситуации – как изменчивого состояния, зависящего от иных ситуаций и

* При Еврокомиссии с 1992 г. действует комитет регионов (COR), в состав которого входят 192 члена, в Совете Европы зарегистрированы 235 регионов, сотрудничающих между собой [5, с. 90].

** в этом смысле показательным является выбор украинской партией «Яблоко» в качестве политической программы стихотворения.

реагирующего на них. Преобладающей характеристикой отношений власти и общества в культуре постмодерна оказывается ситуативность, непредопределенность. В современном обществе отсутствует некий центральный конфликт, конституирующий развитие общества (в прошлом это были конфликты между феодальной аристократией и буржуазией, между трудом и капиталом, между наднациональной властью и национальными движениями). Такой конфликт выступал в качестве некоего метанарратива, в контексте которого понимались все социокультурные факты (обвинения произведений искусства в политической ангажированности тому пример). Современность характеризуется, с одной стороны, большим количеством конфликтов, а с другой – их децентрализацией, неспособностью потрясти все общество [9, с. 139-140]. Такая характеристика социальных конфликтов современности подчеркивает ситуативный характер социально-политической жизни.

Эти отношения могут приобретать различный характер, который имеющимися средствами социального и политического анализа предсказать и объяснить довольно сложно. Нынешние политические события, особенно в плане реакции людей на действия власти, зачастую необъяснимы для науки, выросшей в среде модерна. Отсюда закономерен вывод, что не нужно бояться смелых и необычных комментариев и предсказаний: они могут оказаться гораздо более адекватными ситуации, чем стандартные рассуждения. Социальные и политические науки в настоящее время не обладают исследовательским инструментарием, позволяющим выйти на широкие теоретические обобщения социально-политических процессов, характерных для культуры постмодерна. Но тем интересней оказываются эти процессы и тем заманчивей видятся исследовательские перспективы.

Это один вывод. И другой: государственная политика должна строиться на новых основаниях, попытки и дальше реализовывать установки модерна изначально обречены на неудачу. Этот тезис в первую очередь актуален для молодых государств, не обремененных инерцией уходящей политической культуры. В современной социокультурной ситуации бесполезна игра «догоним и перегоним», необходимо выбирать новый путь, тем более, что резкие повороты лучше получаются у небольших автомобилей. Роскошные лимузины, загруженные бараклом прошлого, обречены катиться по автостраде, ведущей в никуда.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002.
2. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. – 1993. – №3.
3. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. – М.: Практика, 2003.
4. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М.: Логос, 2000.
5. Козлов И.Ф. Глобализация и регионализация в современном мире // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2001.
6. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997.
7. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1996.
8. Монгардини К. Культура настоящего: изменение отношений в эпоху позднего модерна // Социологический журнал. 1995, №2.
9. Турен А. Возвращение человека действующего. – М.: Научный мир, 1998.
10. Фергюсон Й. Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения: социологические подходы. – М.: Гардарики, 1998.

Поступило в редакцию 29 июня 2004 г.

УДК 316.46

І. М. Прімишев

РОЗВИТОК ФОРМ СПІЛКУВАННЯ ВЛАДИ З ГРОМАДСЬКІСТЮ ЯК ЧИННИК СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНОГО РОЗВИТКУ РЕГІОНУ

Сучасний розвиток українського суспільства відбувається під впливом бажання пересічного громадянина мати певну інформацію про стан справ у тій чи іншій сфері суспільного життя, а також висловити у зручний для себе спосіб своє бачення проблем розвитку свого регіону, територіальної громади.

Справа в тому, що країни, які порівняно недавно звільнилися від авторитарних або тоталітарних форм правління, доходять висновку, що відкрите суспільство і правова держава не можуть існувати без свободи слова, свободних засобів масової інформації.

Україна йде шляхом розвитку демократії, і від того, які механізми для цього застосовуватимуться, залежать темпи розвитку суспільства. Демократія за цих обставин означає вільне обговорення в суспільстві різноманітних питань і відкритий процес прийняття рішень, а тому вільний обмін інформацією, ідеями та думками є надзвичайно важливими чинниками громадянського суспільства, сталого соціально-економічного розвитку регіонів.

За демократії функція інформування громадськості полягає не лише у поширенні фактів, а й у стимулюванні загалом громадян для обміркування державних проблем, адже демократія краще розквітає на дебатах, ніж на згоді.

Здобуття Україною незалежності призвело до питання негайної побудови у країні системи спілкування органів влади з громадськістю. Це об'єктивно зумовлений процес розвитку будь-якої сучасної країни. Якщо проаналізуємо головні проблемні питання, які виникли впродовж останнього часу, то стає зрозумілим, що майже всі вони мають якимось чином перетинатися з розвитком сектору недержавних організацій (НДО), формуванням громадянського суспільства. Деякі події мають певні риси наслідків активізації громадського руху. В українському істемблшменті ці події чомусь називають суто політичними та поділяють їх залежно від ставлення до влади на дві групи: опозиційні та підтримуючі. Інших спектрів розмови з владою нібито немає. А між іншим, якщо розглядати опозицію як джерело змін у соціальному житті громадян, то зацікавленість у конструктивному діалозі мають обидві сторони: і влада, і громадськість. Влада отримує певний поштовх розвитку соціально-економічного життя країни чи регіону, опозиція знаходить реалізацію деяких своїх принципових міркувань. Такий тандем можливий тільки до того моменту, коли гранична схильність опозиції перерости в політичну боротьбу отримує перемогу над граничною схильністю влади у межах сформованої конфігурації сил знаходити компромісні рішення.

Опозиція не може розглядатися як протидія влади, опозиція – це глибинне утворення, яке має різні рівні спілкування з владою та поширюється за межі суто політичного життя громадян. Якщо казати коротко – це життєва позиція, образ життя.

Прикро, але в Україні опозиційні сили – це ті, що проти влади. Такий жорсткий режим спілкування не йде на користь державі загалом, і ми це бачимо на прикладі активізації процесу можливої федералізації країни. Сепаратистські настрої набули образу нібито “оптимальної” для сучасної України системи управління. Як приклад, наводяться “досягнення” російського державотворення.

За цих обставин як винахід знаходить свого поширення регіоналізм у державному управлінні. Регіоналізм у кращому розумінні не можна ототожнювати із загрозою федералізації країни. Регіоналізм на межі комунікативного зв'язку громадськості з владою є найоптимальнішим інструментом розвитку країни, її окремих регіонів. Мова йде про природно тісніші взаємостосунки влади з громадськістю на рівні регіонів, а не країни в цілому. Така конструкція стає працездатною і корисною для розвитку регіону за умови бажання влади “розмовляти” з громадськістю. За таких умов найбільш радикалізовані політичні сили на рівні регіону стикаються з необхідністю враховувати фактор репрезентативності своїх вимог, формування серед місцевого населення образу справедливості таких вимог.

На наш погляд, побудована система політичного устрою в Україні відповідає саме регіональній ланці конструктивного діалогу владних структур із представниками сектору недержавних організацій. Законодавством України передбачена така система представницької влади на місцях, за якої фактор політичної належності менш важливий, ніж соціальне значення вибору кандидата до представницького органу. Це сталося через те, що політичне оточення характеризується спроможністю здобути владу, утримати її, нести відповідальність за наслідки діяльності, а соціальне оточення відповідає за сформовані умови життєдіяльності населення, які досить відрізняються за регіонами країни.

Згідно з чинним законодавством, партії України реєструються на рівні країни загалом, маючи осередки на місцях. Враховуючи партійну дисципліну та внутрішній розпорядок партійного життя, місцеві інтереси громад мають відповідати інтересам стратегії розвитку партії загалом. На відміну від партій, об'єднання громадян більш мобільно репрезентують інтереси громад, залишаючи певною мірою політику поза розглядом. Запитайте будь-якого мешканця регіону країни, що його турбує, відповідь буде майже у ста відсотків випадках одна: робота, хліб. Політика його цікавить тією мірою, якою вона стосується його долі.

Таким чином, прагнення деяких політичних сил сформувати тотальну пропорційну виборчу систему, на наш погляд, позбавлене здорового глузду. При н'ятидесяти відсотках населення країни, яке співвідносить себе до будь-якої політичної сили, це може призвести до зменшення репрезентативності локальних інтересів громади при прийнятті рішень місцевими органами влади. А це вже пряма загроза локальної демократії.

З іншого боку, чинна система виборів не обмежує виборців у своїх правах обрати конкретну особу, яка висловила вимоги територіальної громади у більш прийнятній формі.

І запропонована, і чинна системи, безсумнівно, потребують потсилення контролю з боку громадян. Загальна риса цих систем – якщо не відсутність контролю, то принаймні обмежена відповідальність за наслідки діяльності чи бездіяльності.

Бракує інструментарію такого контролю, практично не працюють законодавчо закріплені механізми відповідальності. Обрання депутата місцевої ради за терміном часу – останнє вираження прямої локальної демократії. З цього моменту все залежить від обранця. У деяких випадках звітування носить формальний характер, є приклади, коли виборці не пам'ятають прізвища обраного до місцевої ради кандидата.

Між іншим, демократія може розвиватися тільки за умови двостороннього діалогу, тобто потрібна комунікація, у якій зворотній зв'язок – головна складова процесу.

Виходячи із цих засад, у більшості країн, що обрали шлях демократії, у тому числі й Україна, усвідомили, що для органів державного управління вкрай необхідно розробляти і систематично застосовувати політику покращення своїх зв'язків із громадськістю. Адже у процесі своєї діяльності жодна організація не може обійтися без ефективних громадських зв'язків.

Створення підрозділів зв'язків із громадськістю в органах державної влади України розпочалося на початку 90-х років як необхідність суспільних зрушень у напрямі формування політичних інститутів демократії. У структурі Адміністрації Президента України створена прес-служба глави держави, в Україні розпочався процес налагодження основ зв'язків із громадськістю в органах державної влади. Саме в той період у Законі України "Про інформацію" від 2 жовтня 1992 року була зафіксована норма, відповідно до якої право на інформацію забезпечується створенням у державних органах спеціальних інформаційних служб або систем, що забезпечували б у встановленому порядку доступ до інформації.

Ігнорування конституційного права громадян України одержувати відповідну інформацію від органів влади створює передумови формування іміджу такої влади як закритої, а її рішення не тільки не популярні серед населення, а й позбавлені громадської підтримки.

Невипадково в 1997 році прийнято Закон України "Про звертання громадян", відповідно до якого органи державної влади зобов'язані створити відповідні підрозділи, покликані забезпечити виконання вимог законодавства України стосовно інформування заявників з того чи іншого питання. Жорстка регламентація процесу зворотного зв'язку у вигляді відповідей на скарги, звертання громадян зобов'язує неухильно дотримувати основні вимоги до термінів, обсягу і якості відповідей, що направляються заявникам.

Але це пасивне інформування громадян, що відбувається за принципом "написали-відповіли". Багато органів державної влади, у тому числі й місцеве самоврядування досить відповідально виконували цю роботу і до прийняття закону України, а його прийняття дозволило ввести в штати нові посади і вакансії. З іншого боку, розуміючи, що цього явно недостатньо, місцеві органи влади почали створювати місцеві друковані ЗМІ – газети, дайджести, інформаційні вісники, проводячи в такий спосіб активне інформування жителів відповідних населених пунктів з найбільш

здободенних питаннях для територіальної громади. І такий підхід виявився найбільш вірним і своєчасним і з погляду охоплення потенційних споживачів інформації про діяльність місцевої влади, і з погляду економії часу на висвітлення і роз'яснення серед місцевих жителів основних проблем розвитку територіальної громади.

Відповідно до Указу Президента України від 1 серпня 2002 р. "Про додаткові заходи щодо забезпечення відкритості в діяльності органів державної влади" з метою формування додаткових умов для реалізації конституційних прав громадян на інформацію, участь в управлінні державними справами, положень Послання Президента України "Європейський вибір. Концептуальні основи стратегії економічного і соціального розвитку України на 2002-2011 р. пріоритетним завданням Кабінету Міністрів України, центральних і місцевих органів виконавчої влади виділене "забезпечення відкритості формування і реалізації стабільної і зрозумілої громадянам економічної і соціальної політики держави".

Зокрема, передбачено провести ревізію у таких напрямках:

- забезпечення дотримання прав громадян на одержання у встановлений термін достовірної інформації про діяльність органів державної влади й органів місцевого самоврядування,
- обов'язкове опублікування відповідних нормативно-правових актів,
- оперативне обнародування інформаційними службами органів державної влади й органів місцевого самоврядування інформації про діяльність цих органів,
- здійснення систематичного відкритого опублікування статистичної інформації про явища і процеси, що відбуваються в економічній, соціальній, культурній і іншій сферах життя, забезпечення відкритого доступу до неопублікованих статистичних даних, що не попадають під дію обмежень, установлених законами,
- недопущення обмеження права на одержання відкритої інформації, зокрема, шляхом необґрунтованого відмовлення в її одержанні, а також використання плати за одержання інформації в розмірах і випадках, не передбачених законодавством, встановлення економічно необґрунтованих цін і тарифів на одержання інформації.

Лише одна актуалізація на загальнодержавному рівні проблеми інформування населення про діяльність органів державної влади і місцевого самоврядування не переборе пасивність наших громадян у справі участі їхній у процесі прийняття управлінських рішень.

Справа в тому, що в нашому суспільстві існує стереотип "гарної-поганої влади", і ми не віддаємо собі звіту в тому, що влада, особливо місцева – пряме відображення нас самих. З іншого боку, ми не знаємо наших повноважень у сфері нашої участі в цих процесах, не знаємо форм і методів такої участі.

А тим часом, у деяких регіонах України уже впроваджуються такі форми участі громадськості в управлінні розвитком територіальних громад як консультації з громадськістю, суспільний контроль (моніторинг), діяльність коаліцій громадських організацій. Усі ці походи забезпечують не тільки зв'язок із громадськістю, але і сприяють формуванню позитивного іміджу влади, а її дії в таких умовах стають більш відкритими і зрозумілими населенню.

Наприклад, консультації з громадськістю включають:

- громадські слухання,

- круглі столи,
- консультативні ради,
- зустрічі зацікавлених сторін,
- інші заходи.

Усі ці заходи дозволяють залучити до процесу визначення напрямків розвитку територіальної громади широке коло громадськості. Наприклад, громадські слухання з питань місцевого розвитку дають можливість територіальній громаді впливати на хід важливих для неї справ. Організовані групи, а також окремі особи, можуть відвідати громадські слухання, висловити свої думки й одержати користь від обміну інформацією й ідеями, що виникають у ході таких слухань.

Однак, в Україні деякі владні структури без особливого ентузіазму сприймають ідею участі громадськості в процесі розробки й прийняття рішень. Багатьом представникам влади не вистачає знань і досвіду, необхідного для того, щоб зробити громадські слухання продуктивним і корисним інструментом визначення напрямків розвитку громад. Фахівці відзначають, що часто громадські слухання переростають у нескінченні дебати і розбіжності, а ще гірше, форуми, де органи державної влади звітують про зроблену роботу. Це ті недоліки, які найближчим часом нам всім потрібно усунути.

Така співпраця відбувається в Автономній Республіці Крим останнім часом достатньо регулярно, зокрема, через проведення депутатських слухань, які вніормовано Регламентом Верховної Ради автономії та Постановою ВР АРК “Про Положення про депутатські слухання у ВР АРК” від 17 вересня 2003 року. Згідно з «Положенням...» «депутатські слухання проводяться з метою більш глибокого вивчення проблем збалансованого соціально-економічного, культурного та іншого розвитку Автономної Республіки Крим, пошуку шляхів реалізації прав і законних інтересів громадян, загальних інтересів населення, територіальних громад, місцевого самоврядування, Автономної Республіки Крим загалом, консолідації міркувань депутатів і вироблення рекомендацій щодо цих питань”. За півтора року роботи Верховної Ради Автономної Республіки Крим 4-го скликання з 7 найважливіших питань для автономії було проведено депутатські слухання.

Високий організаційний рівень проведення таких депутатських слухань сприяє налагодженню тісного діалогу влади з громадськістю автономії. Попередні оголошення в регіональних ЗМІ про проведення слухань, запрошення до участі провідних фахівців, учених – все це створює сприятливі умови інформованості населення.

Практика зв'язків органів управління автономії з тими, на кого вони здійснюють свій вплив, передбачає насамперед інформування громадськості з метою надання їй загального уявлення про свою діяльність, реалізацію своїх планів та проблеми, які доводиться розв'язувати. Для досягнення цієї мети органи державного управління на півострові використовують різні види комунікативних каналів:

- безпосереднє спілкування посадових осіб органів влади з громадянами, керівним складом автономії під час відвідування регіонів півострову, проведення прийому;
- спілкування за допомогою засобів зв'язку, постійно проводяться “гарячі лінії”, встановлені телефони довіри;

□ опосередковане спілкування через регіональні ТРК. Представницька і виконавча влада автономії заснували відповідні друковані ЗМІ, мають відповідні теле-радіопрোগрами у регіональних ТРК, які висвітлюють її діяльність.

Відомо, що найбільше враження від того чи іншого органу влади громадяни отримують завдяки особистому контакту з посадовими особами та державними службовцями. Британський дослідник Б.Гарві підкреслював, що функціонування громадських зв'язків влади починається з "фундаментальних і часто неосоціюваних малих справ". Тобто, громадські зв'язки починаються з передніх дверей, з телефону, із листування.

Для поширення інформації про діяльність органів державного управління в АРК використовуються майже всі сучасні форми її підготовки та отримання:

□ Верховна Рада, Рада міністрів АРК, Головне управління статистики в АРК, прес-служби органів влади здійснюють випуск і поширення інформаційних бюлетенів, інформаційних збірників, експрес-інформацій, прес-релізів, оглядів, відео-матеріалів.

□ Проводяться прес-конференції, політичні діалоги, "круглі столи", організуються інтерв'ю з керівниками органів влади, посадовими особами для працівників ЗМІ.

□ Готуються і проводяться теле- і радіопередачі.

□ Забезпечуються публікації (виступів) у ЗМІ керівників, відповідальних працівників органів державного управління, місцевого самоврядування.

□ Створюються архіви інформації про діяльність органів влади.

□ Розміщуються ВЕБ-сторінки в Інтернеті про органи влади та їх діяльність.

Розуміння важливості функції зв'язків із громадськістю у кримському регіоні призвело до створення спеціальних підрозділів, на які покладається здійснення відповідної діяльності. Це об'єктивно зумовлений процес. Якщо на початку становлення інституту державної служби в Україні зв'язки з громадськістю здебільшого обмежувалися роботою прес-секретаря керівника органу влади, то на сучасному етапі відповідні функції в кожному регіоні країни, зокрема і в Автономній Республіці Крим, здійснюють цілі структурні підрозділи – інформаційні служби. Відповідно до ст.1 Закону України "Про порядок висвітлення діяльності органів державної влади та органів місцевого самоврядування в Україні засобами масової інформації", інформаційні служби органів державного управління – це структурні підрозділи цих органів, що виконують інформаційно-аналітичні функції та забезпечують зв'язки із засобами масової інформації та громадськістю. До них належать: інформаційні управління, управління внутрішньої політики, інформаційно-аналітичні підрозділи, прес-служби, прес-центри, управління і центри громадських зв'язків, прес-бюро, прес-секретарі та прес-аташе з відповідним апаратом.

Крім того, певна частина структурних підрозділів органів державного управління спеціально зорієнтована на постійну роботу з окремими групами громадськості – це служби: кадрової роботи, розгляду звернень громадян, міграції, у справах релігій, соціального захисту населення.

Таким чином, наявність в автономії відповідного організаційного, кадрового забезпечення, а також сформована сприятлива політична ситуація дозволяють припу-

стити, що мешканці Криму мають всі можливості не тільки отримувати достовірну, вчасну, повну інформацію про діяльність будь-якого органу влади, а й привертати увагу посадових осіб до вирішення конкретних проблем соціального, економічного, культурного життя в автономії і здійснювати певний вплив при прийнятті управлінських рішень.

Список літератури

1. Закон України "Про інформацію".
2. Закон України "Про звертання громадян".
3. Указ Президента України "Про додаткові заходи щодо забезпечення відкритості в діяльності органів державної влади".
4. Аспекти самоврядування: часопис українсько-американської програми "Партнерство громад" 1(9). – К., Фондація "Україна – США", 2001. – 48 с.
5. Винников О., Соф'яни Н. Правові засади соціального партнерства в територіальних громадах України: громадські організації та органи влади. – Севастополь, Донецьк, "Сприяння", 2001. – 95 с.
6. Від тоталітаризму до участі громадськості у виробленні політики. – К.: Міжнародний центр перспективних досліджень, 1999. – 35 с.
7. Вісник громадських слухань: Публічний звіт Уряду України про виконання програми дій "Реформи заради добробуту" у 2000 році. – К.: Інститут Реформ, 2001. – 126 с.
8. Городская власть: какой ей быть? – Николаев: Муниципальная инициатива, 1998. – 27 с.
9. Громадські слухання "Про доцільність та можливості створення державної установи з питань проведення адміністративної реформи та розвитку місцевого самоврядування" // Збірник матеріалів громадських слухань (Київ, 2 червня 2000р.). – К.: Логос, 2000 р. – 88 с.
10. Дослідження якості послуг, які надаються населенню м. Тернопіль / Проект "Голос Громадськості, МЦПД. – Ів.-Ф., 2000. – 40 с.
11. Дослідження якості послуг, які надаються населенню м.Івано – Франківськ / Проект "Голос Громадськості, МЦПД. – Ів.-Ф., 2001. – 55 с.
12. Дробенко Г, Брусак Р. Свірський Ю. Стратегічне планування розвитку територіальних громад" (методичний посібник), СПОЛОМ, – Львів, 2001.
13. Задорожний Г.В., Коврига О.В., Смоловик В.В. Соціальне партнерство-реальний шлях до відкритого суспільства. – Харків: ХІБМ, 2000 - 192с.
14. Залучення громадськості до управління розвитком територій // У рамках проекту" Активна громадськість – ефективне управління" (реформування системи муніципального управління через передачу частини управлінських функцій неприбутковим організаціям. – Івано-Франківськ: Асоціація економічного розвитку Івано-Франківщини, 2001. – 24 с.
15. Запорожец А. и др. Участие горожан в жизнедеятельности местного самоуправления. Николаев: Муниципальная инициатива, 2001. – 26 с.
16. Здійснення моніторингу виконання стратегічних планів розвитку територій // В рамках проекту "Активна громадськість – ефективне управління" (реформування системи муніципального управління через передачу частини управлінських функцій неприбутковим організаціям. – Івано-Франківськ: Асоціація економічного розвитку Івано-Франківщини, 2001. – 24 с.
17. Зимовець Р. Розвиток місцевої демократії: забезпечення прав громадян на здійснення місцевого самоврядування // Збірник матеріалів конференції. – К.: Науково-аналітичний центр "Перспектива", 1999.
18. Коаліції НДО в країнах Центрально-Східної Європи: досвід співпраці з місцевою владою (за результатами міжнародної конференції 20-22 липня 2000р.) // Проект "Голос Громадськості, МЦПД. – Ів.-Ф., 2000. – 72 с.
19. Логачов М.М. Громадський аудит – шлях до оптимізації надання житлово-комунальних послуг населення міст України (на прикладі малих міст України), Агентство регіонального розвитку Луганської області. – Луганськ, 2001.
20. Методика підбору членів дорадчого комітету та основні засади їх роботи / В рамках проекту "Активна громадськість – ефективне управління" (реформування системи муніципаль-

- ного управління через передачу частини управлінських функцій неприбутковим організаціям). – Івано-Франківськ: Асоціація економічного розвитку Івано-Франківщини, 2001. – 16 с.
21. Організація освітньої роботи серед громадськості. – Київ: Міністерство праці та соціальної політики України, 1998. – 32 с.
22. Парламент та проблеми розвитку регіонального та місцевого самоврядування в Україні: Матеріали міжнародних семінарів 1999-2000 рр. – Київ, Інститут громадянського суспільства, 2001. – 206 с.
23. Представницькі органи місцевого самоврядування (методичні рекомендації для сільських, селищних, міських депутатів). – Полтава: Виконавча дирекція асоціації міст Полтавщини, 2001.

Поступило в редакцію 23 июля 2004 г.

УДК 352.072: 061.2

А. Г. Леухіна

ВЗАЄМОДІЯ ОБ'ЄДНАНЬ ГРОМАДЯН ТА ОРГАНІВ ДЕРЖАВНОЇ ВЛАДИ: ВПЛИВ ІНСТИТУЦІЙНОЇ СПРОМОЖНОСТІ

Проблема взаємодії між об'єднаннями громадян та органами державної влади постає все більш актуальною в контексті демократичного розвитку української держави, прагнення України інтегруватися в міжнародну спільноту, зокрема в Європейські структури, а також із зростанням активності об'єднань громадян у різних царинах суспільного життя. Співпраця НДО та органів державної влади – важливий показник розвитку громадянського суспільства та демократизації суспільного устрою оскільки він свідчить „про залучення НДО до суспільних процесів, їх спроможність справляти вплив на різні елементи суспільства. [3, с. 24]” Рівень такої співпраці також свідчить про міру відкритості та зацікавленості органів влади у залученні громадськості до обговорення суспільно-значущих питань та, врахування суспільної думки під час розробки, прийняття та оцінки рішень. Більше того, послідовна та ефективна співпраця між державою, її громадянами та їх об'єднаннями є прерогативою для вступу та участі країн у багатьох міжурядових організаціях та союзах.

Як вже було згадано в іншій публікації автора, серед основних факторів, що впливають на взаємодію об'єднань громадян із державними інститутами та державну політику регулювання діяльності об'єднань громадян, виділяються такі: тип політичного режиму, рівень політичної та правової культури населення, інституційна спроможність та професійність об'єднань громадян, інституційна спроможність органів влади до впровадження державної політики, а також політична стабільність у певній країні. У вищезгаданій публікації було досить детально розглянуто тип політичного режиму та політичну культуру як чинники впливу на взаємодію між об'єднаннями громадян та органами влади [див. 5].

Зокрема, ми дійшли висновків щодо важливості демократичного устрою та розвиненої політичної культури та високого рівня правової свідомості громадян. «Незважаючи на те, що прямої залежності між політичним режимом та взаємодією між об'єднаннями громадян та державними інститутами не існує, демократичне середовище є сприятливим для інституційного розвитку об'єднань громадян та можливостей для співпраці з державними органами оскільки свобода вираження та асоціацій забезпечує безпечні умови функціонування об'єднань громадян... демократичне врядування підсилює роль об'єднань громадян у розробці та реалізації державної політики... Такі складові політичної культури є надзвичайно важливими для розвитку й функціонування об'єднань громадян та їх успішної взаємодії з державними інститутами: розуміння громадянами власних інтересів і знання політичної системи,

механізмів впливу на її підрозділи, можливих і дієвих методів взаємодії [6, с. 206]. Таким чином, вона великою мірою програмує розвиток об'єднань громадян та їх залучення до розв'язання проблем і прийняття рішень, а також ставлення державних інститутів до діяльності об'єднань громадян та їх політики [5].

Ця стаття присвячена вивченню питання щодо інституційних спроможностей обидвох суб'єктів взаємодії – об'єднань громадян та органів державної влади, як чинників, які впливають на характер та зміст взаємодії між ними. Отже, нашою гіпотезою є таке твердження: «Інституційні спроможності органів державної влади та об'єднань громадян істотно впливають на здатність цих суб'єктів до конструктивної та результативної співпраці.» Насамперед слід проаналізувати існуючий сьогодні рівень взаємодії між об'єднаннями громадян та органами влади в Україні, а потім – проаналізувати складові взаємодії та описати характерні риси інституційної спроможності обидвох суб'єктів, які впливають на формування існуючого рівня взаємодії.

Існуючі дані про стан взаємодії між об'єднаннями громадян та органами влади свідчать про існування певного рівня співпраці, але не надають інформацію про змістовність та глибину цієї співпраці. Щоправда, висока конфліктність, якою часто характеризують взаємини між об'єднаннями громадян та органами влади, виявляється, не таким частим явищем – тільки 5% організацій, переважно це юридичні організації та ті, що займаються представництвом та захистом інтересів, характеризували свої відносини з центральними та місцевими органами державної влади як конфліктні [3, с. 24]. Варто зазначити, що ці дослідження переважно вивчали думку представників третього сектору і не брали до уваги точку зору представників державних структур. Хоча, зі свого власного досвіду спілкування з представниками органів державної влади, зазначу, що державні службовці зазначали подібні проблеми з боку об'єднань громадян у їх взаємодії. Згідно з дослідженням Творчого центру Каунтерпарт, майже чверть організацій „нерегулярно“ контактують з державними структурами, а 30% „не виконують жодного проекту“ з ними. У той же час кожна шоста організація контактує з органами влади на денній основі, а третина - щотижня та щомісяця [7, с. 13, 18]. Дослідження Світового Банку за той же 2003 рік свідчить про те, що в більшості випадків конструктивна співпраця з органами влади налагоджена на місцевому рівні (79%), а майже вдвічі рідше (38%) - з центральними органами влади [3, с. 46]. Це може свідчити про певну дистанційність центральних органів влади від місцевих проблем та потреб.

Цікавим фактом є те, що, незважаючи на різні рівні співпраці з центральними та місцевими органами влади, проблеми, з якими стикаються організації на обох рівнях однакові. Серед інших, менш згаданих, але не менш важливих проблем організації зазначили такі (знов таки однакові на центральному та місцевому рівні): „пасивність громадськості та байдуже ставлення,“ а також „низький рівень репутації НУО в суспільстві [3, с. 47].“

Розглянувши сучасний стан взаємодії між органами влади та об'єднаннями громадян, спробуємо проаналізувати його більш детально вивчивши складові взаємодії

та з'ясувавши які саме конституційні спроможності органів влади та об'єднань громадян впливають на міру розвиненості інформації, консультування та участі, які складових цієї взаємодії.

Згідно з висновками ОБСЄ, поданими у звіті „Залучення громадськості до процесу прийняття рішень: інформація, консультування та громадська участь,“ взаємодія між громадськістю, зокрема об'єднаннями громадян, та органами влади має **три основні складові: інформація, консультування та участь** [1]. Саме ці основні складові ми будемо використовувати для аналізу сучасного стану взаємодії між об'єднаннями громадян та органами влади, та визначення конкретних інституційних спроможностей обидвох суб'єктів для побудови і розвитку ефективної взаємодії між ними.

Сьогодні інформацію визначають як односторонній зв'язок, який містить в собі як пасивний доступ до інформації, так і активні заходи уряду та його підрозділів чи об'єднань, спрямовані на розповсюдження інформації [1, с. 12]. За умови побудови ефективних відносин такі риси притаманні інформаційному обміну між об'єднаннями громадян та органами влади: повнота, об'єктивність, надійність, зрозумілість та легка доступність інформації. Забезпечення доступу до інформації потребує існування таких умов: а) розвинутої нормативної бази, яка регулює інформаційні відносини; б) існування чітких інституційних механізмів для реалізації законодавства; в) функціонування незалежних інститутів контролю та судової системи для забезпечення виконання вищезазначених норм та механізмів [1, с. 12]. Більше того, для забезпечення доступу до інформації необхідний г) високий рівень обізнаності суб'єктів інформаційного обміну (громадян, їх об'єднань, органів державної влади та інших учасників громадського сектора) щодо їх прав; д) зацікавленість сторін у інформаційному обміні; ж) наявність ресурсів та бажання їх інвестувати в створення умов для пасивного доступу та пошуки каналів для активного інформування.

Якщо говорити про *сучасний стан інформаційного обміну в Україні*, як складової взаємодії, між об'єднаннями громадян та органами влади, то його можна охарактеризувати як недостатній та такий, що не сприяє побудові ефективної взаємодії між суб'єктами, враховуючи наступне:

а) Існуюча нормативна база, що регулює відносини в інформаційному полі, не в змозі збалансувати право на доступ, захист приватної інформації та обмеження доступу до інформації, яка містить державну таємницю.

б) Чіткі інституційні механізми для здійснення обміну інформацією відсутні. Відповідно, практика надання інформації органами влади полягає у відповіді (не завжди змістовної) на звернення громадян, а не в інформуванні громадськості про роботу органів влади та прийняті рішення.

в) Незалежні інститути контролю (як парламентського контролю, що його здійснює Уповноважений Верховної Ради з прав людини й Рахункова Палата, так і громадського контролю, в тому числі об'єднань громадян, дорадчих органів при державних агенціях) є інституційно слабкими та не мають достатніх повноважень *de facto* чи *de jure*, щоб істотно впливати на забезпечення доступу до інформації. Сумнівна ефективність та незалежність української судової системи теж не дозволяє їй в повному обсязі виконувати роль стражу порядку.

г) Суб'єкти інформаційного обміну, зокрема громадяни та їх об'єднання, а також представники органів влади далеко не завжди добре поінформовані про свої права та обов'язки щодо отримання, надання та поширення інформації.

д) Високий рівень недовіри та недостатня обізнаність з роботою інститутів публічного адміністрування та об'єднань громадян, низька віра в можливість впливу на певні рішення не дозволяє обидвом сторонам та громадянам із зацікавленням ставитися до роботи цих організацій чи бути залученими до неї.

ж) Ресурси органів влади та об'єднань громадян, до яких можна віднести, наприклад, відповіді на питання чи звернення, публікації в пресі чи веб-сторінку, далекі від досконалих та часто не є змістовними. Велика кількість об'єднань громадян немає достатніх ресурсів чи розуміння необхідності створення умов для пасивного доступу громадян чи органів влади до інформації про їх роботу. У той час як органи влади не мають традицій інформування громадян та їх об'єднань та досить часто порушують законодавство щодо роботи зі зверненнями громадян. Методи для активного розповсюдження інформації обидвома сторонами використовуються рідко.

Із вищезгаданого ми бачимо, що такі інституційні можливості органів влади та об'єднань громадян впливають на становлення та розвиток одностороннього зв'язку між ними: знання про права та обов'язки обидвох сторін інформаційного обміну, які стосуються доступу на користування інформацією, інституційні механізми для швидкого надання/отримання інформації, змістовні інформаційні ресурси, доступні широкому загалу (вебсайт, публікації, тощо).

Наступна складова взаємодії – *консультування*, яке, як правило, визначається як двосторонні відносини, спрямовані на отримання зворотного зв'язку [2, с. 2]. У звіті ОБСЄ йдеться про консультування як отримання урядом чи державними установами зворотного зв'язку від громадськості. На нашу думку, доцільно було б розширити цю дефініцію, включивши в нього зворотній зв'язок, який об'єднання громадян можуть отримувати від державних органів влади та пересічних громадян. Відповідно, визначимо консультування як двосторонні відносини між двома суб'єктами, один із яких надає інформацію та заохочує (очікує від) іншого суб'єкта надати зворотній зв'язок для того, щоб врахувати його в процесі прийняття рішень чи під час планування майбутньої діяльності.

У процесі консультації важливі такі аспекти для її реалізації, а) працюючі нормативні та інституційні рамки; б) визначення проблеми/питання/предмету консультування та питань до обговорення; в) активне розповсюдження інформації про предмет консультування; г) наявність механізмів збору та аналізу зворотнього зв'язку; д) щира зацікавленість(!) в отриманні і використанні зворотнього зв'язку та наявність каналів для інформування тих, хто цей зв'язок надає, про використання наданих коментарів у кінцевому продукті (план роботи, стратегія, нормативний документ, впровадження програми та ін).

З метою аналізу *практики консультування державних органів влади в Україні* наведу приклад громадського обговорення конституційної реформи, ініційованого Президентом України та здійсненого органами виконавчої влади протягом 2003 року. Ідея цього обговорення може слугувати класичним прикладом консультування з громадськістю оскільки в Указі визначено питання та проблему, запропонував про-

ект закону до обговорення, а також, встановлюючи нормативні рамки та відповідальність державних службовців, наказав розповсюдити інформацію про законопроект, організувати збір та аналіз отриманого зворотного зв'язку та включити отримані коментарі до остаточного варіанту документу.

Незважаючи на те, що проведення обговорення регулювалося Указом Президента України „Про винесення на всенародне обговорення проекту Закону України "Про внесення змін до Конституції України," а також іншими нормативними актами, рівень обізнаності та умінь державних службовців у забезпеченні проведення відкритого та прозорого консультування з громадськістю відіграє неабияку роль у налагодженні взаємодії між державною владою та громадськістю. Висновки мого дослідження показали такі тенденції в українській практиці проведення органами влади консультування з громадськістю:

- Порушення національного законодавства та міжнародних стандартів залучення громадськості до участі в ході проведення обговорення, – Відсутність можливостей для участі, прозорих процедур в обговоренні питань громадянами та їх об'єднаннями,
- Відсутність системи важелів та противаг в процесі консультування,
- Сумнівність врахування отриманих коментарів,
- Залучення громадськості на пізньому етапі та виділення занадто короткого часу для проведення обговорення,
- Надмірне втручання державних службовців у процес,
- Використання адміністративних важелів та тиск на ЗМІ,
- Недостатня прозорість фінансового звітування про кошти, витрачені на консультування [5, с. 160].

Якщо говорити про проведення *консультування з органами влади об'єднаннями громадян*, то можна відзначити, що такі випадки є досить рідкими. Для того, щоб поінформувати органи влади про роботу об'єднань громадян та отримати від них зворотній зв'язок можна використовувати такі засоби: публікації в пресі, видання та розповсюдження річного звіту та запрошення надання коментарів до нього, проведення заходів. Для багатьох об'єднань громадян ЗМІ не завжди є доступними для комунікації оскільки в більшості випадків друковані ЗМІ на місцевому рівні напряму чи опосередковано контролюються місцевими органами влади та використовуються ними для висвітлення подій та формування іміджу самих органів влади. Наприклад, річні звіти готує тільки 37% „активних" об'єднань громадян. Щоправда, „більш ніж половина НУО звітує державним установам, [7, с. 14]" але випадки отримання конструктивного зворотного зв'язку від органів влади залишаються поодинокими. У найкращому випадку, представники органів влади можуть позитивно оцінити діяльність організацій, якщо вони забезпечують певні потреби населення. „Слабким місцем НУО є ...систематичне залучення зворотного зв'язку від членів та громадськості, проведення подальших заходів з метою впливу на суспільно-політичні рішення [7, с. 26]." Отже, можна зробити висновок, що процедури консультування об'єднань громадян із громадськістю чи органами влади є недостатньо розробленими та впровадженими.

Відповідно, визначимо інституційні спроможності органів влади та об'єднань

громадян, що впливають на ефективність проведення консультування: розуміння потреби у проведенні консультування, знання та володіння методиками проведення консультування, наявність чітких процедур для проведення консультування, можливість побудувати та використовувати інформаційні канали для розповсюдження інформації та отримання зворотного зв'язку.

Третя складова взаємодії – *активна участь* – двосторонні відносини, які базуються на партнерстві держави та громадян, в якому обидва суб'єкти залучені до розробки та впровадження і політики. На даний момент тільки деякі з країн ОБСЄ почали впроваджувати такий підхід, тому досвід та методологія є досить обмеженими. [2, с. 2] В Україні активна участь громадян та їх об'єднань в процесі прийняття рішень не спостерігається, оскільки немає навіть мінімальних умов для належного доступу до інформації та напрацьованих механізмів проведення консультування, які є базовими стадіями розвитку й забезпечення взаємодії.

Фактично для залучення громадськості до процесу прийняття рішень необхідно підсилити інституційні спроможності, які дозволяють проводити ефективний інформаційний обмін та організувати продуктивні заходи, спрямовані на отримання зворотного зв'язку. Окрім цього, на нашу думку, варто зосередитися на знаннях, уміннях та досвіді роботи з громадянами, спрямованої на підвищення їх правової обізнаності та громадянської активності, а також на вдосконалюванні механізмів впливу громадськості на прийнятті рішення. Підкреслимо, що це стосується як органів державної влади так і об'єднань громадян.

Високий рівень взаємодії між об'єднаннями громадян та органами державної влади є важливим для забезпечення сталого розвитку демократичного суспільства тому природа, характеристики та фактори впливу потребують нашої уваги.

Характеризуючи відносини між об'єднаннями громадян та органами влади в Україні на сучасному історичному етапі, виділимо такі основні проблеми взаємодії:

- Відсутність чіткої взаємодії та координації;
- Нерівноправність відносин та нерозвинений рівень партнерських відносин [9];
- Недостатня поінформованість обидвох суб'єктів про роботу одне одного;
- Нерозуміння корисності співпраці з об'єднаннями громадян державними структурами [7, с. 13];

- Упереджене ставлення та відсутність бажання співпрацювати з боку органів влади;

- „Непрозорість діяльності органів влади, відсутність інформації" " про прийняті рішення, Відсутність правових механізмів громадського контролю за органами влади." [3, с. 47].

Як ми бачимо усі проблеми прямо чи опосередковано стосуються прозорості та відкритості у взаємодії між двома суб'єктами. Саме тому для нашого аналізу ми обрали три складові взаємодії: інформацію як односторонній зв'язок, а також консультування та активну участь, як двосторонні відносини. Як не дивно, ці три складові спрямовані на забезпечення відкритості та прозорості відносин. Охарактеризувавши кожну з трьох складових взаємодії та з'ясувавши необхідні умови для їх існування, ми проаналізували сучасний стан розвитку кожної складової в Україні та прийшли до таких висновків:

- сучасний стан інформаційного обміну в Україні є недостатнім та несприятливим для побудови ефективної взаємодії між суб'єктами;
- процедури консультування об'єднань громадян із громадськістю чи органами влади та навпаки є недостатньо розробленими та впровадженими в практику;
- активної участі суб'єктів у процесі прийняття рішень не спостерігається. Якщо розділити інституційні спроможності суб'єктів на основні категорії, то можна виділити регуляторні рамки (розроблені та прописані принципи та процедури, працюючі механізми для їх виконання) та людські ресурси (знання методик та процедур, вміння користуватися ними, досвід роботи). Саме на цих двох інституційних спроможностях варто сконцентрувати свою увагу як державним службовцям, так і лідерам громадського руху з метою підвищення рівня взаємодії між їх інститутами.

Список літератури

1. Engaging Citizens in Policy – making: Information, Consultation and Public Participation. OECD Report. / – Paris: OECD Publications. – 2001.
2. Engaging Citizens in Policy – making: Information, Consultation and Public Participation. OECD Public Management Policy Brief #10 July 2001. / – Paris, 2001, OECD Publications.
3. Бачинський Я., Кучерів І., Бекешкіна І., Стегній О., Полуйко В. Аналітичний звіт за результатами загальнонаціонального опитування недержавних організацій України Громадянське суспільство в Україні. – К.: Світовий Банк, 2003. – С.54.
4. Леухіна А. Г. Взаємодія між об'єднаннями громадян та державними інститутами: концепція та можливі моделі // Наукові записки НаУКМА. Політичні науки. / – К: Видавничий Дім КМА (готується до друку).
5. Леухіна А.Г. Взаємодія органів державної влади з громадськістю в процесі обговорення конституційної реформи на папері і на практиці: втрачені можливості // Конституційна реформа: експертний аналіз / ред. Захаров Є.Ю. – Харків: Фоліо. – 2004. – С. 151-163.
6. Рябов С.Г. Політологічна теорія держави. – Тандем, Київ, 1996. – 240 с.
7. Тихомирова Ю. Стан та динаміка розвитку неурядових організацій України 2002-2003 роки. Короткий огляд. – Творчий центр Каунтерпарт, Київ», 2004. – 28 с.
8. Diaz-Albertini, J. (1993). Nonprofit advocacy in weakly institutionalized political systems: the case of NGOs in Lima, Peru. Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly 22, 321.
9. Стегній О. Зведений звіт соціологічного опитування учасників регіональних семінарів. Київ, 2003. – <http://www.alter-ego.org.ua/kyiv2003/pub/stegniy1.htm37>.

Поступило в редакцію 15 юля 2004 г.

УДК 316.334.3 (477)

О. О. Черепченко

**РОЗВИТОК ВЗАЄМОДІЇ МІЖ СУСПІЛЬСТВОМ І ДЕРЖАВОЮ В
СУЧАСНІЙ УКРАЇНІ В КОНТЕКСТІ ДИКТАТОРСЬКОЇ ІСТОРИЧНОЇ
ТРАДИЦІЇ**

Практики взаємодії між державними інститутами і суспільством в сучасній Україні відрізняється від практик, притаманних класичним демократіям. Вже традиційними в масовій свідомості стали пояснення цього явища в контексті двох звинувачень: з боку політичних еліт – “наш народ пасивний”, з боку мас – “політичні лідери забувають про наше існування наступного дня після виборів”. Пояснення, які спираються на наведені принципи, можливо і в змозі задовольнити на побутовому рівні аналізу, але ж ніяк не є науковими та ґрунтовними, не пояснюють причин такої ситуації. Криза порозуміння між державою і власним суспільством вже мала місце в історії української держави (мається на увазі XVII століття і початок XX-го) і завжди призводила до краху державницьких намагань. Тому питання розвитку порозуміння та взаємодії між владою і суспільством в сучасній Україні потребує скорішого вирішення за посередництва наукових методів.

Для наукового аналізу системи взаємодії між державою і суспільством, на мій погляд, доцільно категорію “держава” замінити на іншу – “політична система”. Останню можна розглядати як основу на єдиній нормативно-правовій базі систему взаємодії суб’єктів політики. Держава ж є провідним інститутом політичної системи, на який припадає обов’язок налагоджування діалогу, взаємодії із суспільством. Але схожа система співпраці широких верств населення зберігається і з іншими інститутами політичної системи.

Традиції взаємодії суспільства і політичної системи в Україні мають багатолітню історію, і тому для розгляду сучасної ситуації необхідно використання історичного та аналітичного підходів, які б спирались на структурно-функціональний аналіз.

Такий підхід багато в чому є традиційним для світової політичної науки – ще Д. Істон, пояснюючи неможливість відмови системи від виконання своїх функцій, вказував на те, що для виживання вона змушена реагувати на середовище, яким значною мірою є суспільство. Тобто політичній системі важливо отримувати інформацію з суспільства і реагувати на неї. Так, і у Г. Алмонда однією з функцій “входу” політичної системи є політична комунікація, а на “виході” присутні такі визначальні для взаємодії з суспільством функції як нормотворення, використання правил та норм і контроль за їхнім дотриманням. Класики системного аналізу політичного світу вказують на взаємодію політичної системи і суспільства як на основу існування і функціонування суспільно-політичної сфери.

Сучасна теорія політичної системи, у традиціях структурно-функціонального

підходу, підіймається на ще більш високий щабель абстрактності. При комплексному аналізі політичної системи вона використовує розподіл політики на політику і управління (останнє обмежується прийняттям рішень, а політика надає їм легітимний характер). А з розвитком і ускладненням взаємовідносин в суспільстві розподіл поглибився до політики як такої, а також до суспільності і управління, що збільшує можливості політичної системи в прийнятті рішень. Зв'язок між політикою і суспільством здійснюється через суспільну думку, а між суспільством і управлінням – за посередництвом права. Лукман, один із прибічників такого підходу, підкреслює що “держава не стоїть поза суспільством, але є однією з його функціональних систем” [цит. за 3, с. 249].

Невід’ємним елементом функціонування політичної системи між її “виходом” та “входом” є “зворотній зв’язок” – реакція суспільства на рухи політичної системи. Тобто, ми можемо прийти до висновку, що взаємодія між суспільством і політичною системою, а також державою, як її основним елементом, є одним із надзвичайно важливих складників виживання політичної системи, держави. Оснанні є інститутами, покликаними забезпечувати координацію зусиль суспільства, виражати його інтереси та реалізовувати потреби.

Чому ж тоді вітчизняні дослідники рік у рік відзначають відсутність налагодженого контакту між державою та масами? На мій погляд, доцільно привести працю В.П. Горбатенка “Стратегія модернізації суспільства: Україна і світ на зламі тисячоліть” як поширену точку зору, яка в той же час є науково ґрунтовною роботою. В основі кризи взаємодії лежить прискорена модернізація, що була розпочата ще за часів М.Горбачова і що створила різноплановий конфліктний потенціал, проявами якого, на думку автора, стали “мітингова демократія, етнополітичні конфлікти, конфлікти, пов’язані з соціально-політичним розшаруванням суспільства за майновими ознаками, та конфлікти, пов’язані з внутрішньою суперечливістю швидкої модернізації” [5, с. 112-113]. Остання, в свою чергу, вилилась в цілу лавину помилок, серед яких і недооцінка негативних наслідків у випадках не легітимізованих масовою свідомістю реформаторських проєктів і моделей, неврахування модернізаторами групового егоїзму, пов’язаного з небажанням частини населення поступатися власними груповими чи особистими інтересами, і універсалізація модернізації і завищені очікування наслідків суспільних трансформацій, наївність щодо розуміння розміру затрат (наприклад “500 днів”) та здатності окремо взятого суспільства до перетворень та інші. Вони призвели до виникнення ситуацій, коли “розрив між бажаним і реальним наслідками політичних змін в Україні – це трагічна закономірність, зумовлена як об’єктивними, так і суб’єктивними чинниками. Якщо метою суспільного розвитку є демократія, то її ідея вже значною мірою дискредитована самими реформаторами. Що ж стосується суб’єктів модернізації, то реформи в Україні за 90-і рр. не отримали широкої соціальної бази.” І далі автор приходиться до висновку, що в Україні демократизація за західними зразками не приводить до становлення справжньої демократії. “Замість очікуваної демократизації Україна потрапила в полон її сурогату, яким є примітивно-еклектичне копіювання західного мо-

дернізаційного досвіду замість пошуків власної моделі зі збереженням досягнень в рамках попереднього “соціалістичного вибору” [5, с. 114-116].

Ця цілком слушна ідея, на мій погляд, має одну важливу деталь – сурогатність реалізацій західного модернізаційного досвіду в Україні вилилась в імітування демократії і капіталізму наслідки якого мають велике значення для розвитку порозуміння між державою і суспільством, і повинні бути розглянутими в цій статті.

Однак, російський дослідник Пивоваров Ю.С. в праці “Тоталітаризм і політична культура в Росії”, аналізуючи праці Р. Пайпса “Росія при старому режимі” і Р. Мак-Мастера “Данилевський: руський тоталітарний філософ”, наводить багато спільних рис, навіть просто генезис, розвитку інститутів, практик і цінностей абсолютиського режиму російської монархії в радянській реальності. Звичайно, можна казати, що Україна не Росія, але важко заперечити, що на формування політичних і соціальних інститутів радянської України радянська Росія мала визначний вплив – політична система, масова свідомість і практики їхньої взаємодії є юридично тотожними [8, с. 46 – 83]. Із поправкою на національні особливості, тим більше чим довшим було перебування населення під російсько-радянським правлінням, можна казати про тотожність неформальних практик співпраці населення з державними структурами в межах всієї України. Враховуючи той факт, що зміни правлячої еліти в Україні не відбулося ні під час отримання незалежності, ні пізніше, можна говорити про пряме наслідування українською елітою всіх характерних рис еліти радянської, у тому числі і радянські практики взаємодії з суспільством, які будуються на багатовіковому досвіді монокрації.

І тут важливо відзначити опис, який дає К.С. Гаджиев рисам які притаманні диктаторським політичним системам, тобто антидемократичним, до яких належав і СРСР: “сутність політичної системи диктаторського типу виражає сам термін “диктатура” який походить від латинського слова *dictatur*, що має значення “необмежена влада”. Під нею розуміється форма правління, при якій влада сконцентрована в руках однієї людини, групи осіб, кліки або партії. Є відсутнім всякий контроль з боку тих ким керують. Диктатура – це монокрація, яка у важливіших аспектах політичної самоорганізації суспільства є антиподом демократії. Для них характерна відсутність гарантій політичних свобод, розділу влади, реальних правових основ і т.д.” [4, с. 235].

Важливо, що розвиваючи думку про підсумки демократизації і модернізації в Україні, В. П. Горбатенко говорить про недовіру між масами і державою, що спричинена рядом чинників: кризи легітимності і ідентичності, “ескалація надмірних вимог до влади”, “низький рівень ефективності політичної влади” – передусім в “здатності формувати й підтримувати переконання в оптимальності існуючих політичних інститутів для даного суспільства, утверджувати фактичну результативність політичної системи, тобто ступінь реалізації основних функцій державного управління.” [5, с. 123]. Важко переконувати в ефективності державного управління громадян, які отримують заробітну платню нижче за прожитковий мінімум, при цьому не з телебачення знаючи про корупцію в органах державної влади. На мій погляд, опис К.С. Гаджиевим антидемократичної політичної системи, в тому числі і успадкованої Україною в 1991 від СРСР, безпосередньо є пов’язаним з ситуацією

що описує В. П. Горбатенко через безвідповідальність влади перед суспільством, а значить і не зацікавленість в розвитку діалогу із суспільством. Ця теза потребує окремої аргументації, яка буде наведена нижче.

Цікаву основу для розгляду механізмів наслідування інститутів і практик – від антидемократичного суспільства і еліт до перехідної політичної системи наводить Ю. А. Мельвіль у праці “Демократические транзиты: Теоретико-методологические и прикладные аспекты”. Мова в праці йде і про світовий досвід в цьому питанні, можливість і рамки його використання на пострадянському просторі [7, с. 2-106]. Звичайно, мова безпосередньо в праці йде про Росію, але ми вже обговорили межі екстраполяції аналізу російської та української ситуації.

На мій погляд, у світі розглянутих підходів актуальності набирає проблема визначення причин, які лежать в основі неефективної моделі взаємодії між державою і суспільством у сучасній Україні. Висвітлення хоча б частини цих причин може істотно сприяти налагодженню взаємодії між державою і суспільством, що буде мати наслідком налагодження діалогу, порозуміння між владою і суспільством, підвищення стабільності і ефективності функціонування політичної системи загалом.

Звичайно, таких причин доволі багато, але повинні бути такі, що лежать в основі кризового явища, слугують йому ґрунтом, першочергово обумовлюють саме таку форму взаємодії. Наведений вище вислів К. С. Гаджиева наштовхує на думку про те, що слабкість взаємодії є наслідком нашого тоталітарного минулого, однак сам автор говорить про те, що тоталітарним в чистому значенні терміна був лише сталінський режим, після якого починається так звана “лібералізація” [4, с. 244]. Незмінною лишалася лише масована нескінченна пропагандистська компанія, реакція на яку – підтримка системи, була єдиним очікуваним системою відгуком, “входом”. Переслідування правозахисників, розгін демонстрацій робітників в Новочеркаську навіть в період “лібералізацій”, спокійне ставлення до системи приписок та ігнорування проблеми систематичної закупівлі хлібу за кордоном – ці приклади, на мою думку, виразно демонструють ставлення радянської політичної системи до небажаної, “незапрограмованої” пропагандою інформації на “вході”. В основі такого специфічного менеджменту інформаційних потоків лежить принцип, коротко і емко описаний К. С. Гаджиевим: “...відсутнім є всякий контроль з боку тих ким керують” [4, с. 235]. Тобто політична система не стільки залежить від середовища, скільки намагається зробити залежним його саме. Громадянин виконує накази, а не виказує свою думку з їхнього приводу, те саме відноситься і до того, хто керує громадянином, коли мова заходить про керівника ще більш високого рангу і так далі до вершини. Це і пояснює, чому радянський суд міг бути вкрай принциповим із одними громадянами (особами нижчими за рівень судді в радянській номенклатурній ієрархії) і водночас до безвідповідальності ліберальним, а то і взагалі “сліпим” з іншими (тими, хто є вищим за ранг судді у цій же ієрархії, або має високого протектора). При відсутності жорстких механізмів відповідальності перед нижчими в ієрархії, залежність середовища від монолітної, тоталітарної політичної системи, можливо встановити використовуючи марксистку формулу: “свобода – це усвідомлена необхідність”. Свобода – фактор майже об’єктивний, обмежений лише

уваюю її суб'єкту, але ж ця уява базується на розумінні, усвідомленні необхідностей, які можна нав'язати суб'єкту за допомогою пропаганди і соціалізації. Необхідно їм лише базуватися в цьому процесі на раціональній, простій, зрозумілій, де в чому людяної (патріотизм, співчуття і т.д.) основі, і ви отримаєте радянську пропаганду здатну формувати потрібні рамки свободи, – в тому числі й такі вимоги до системи, які вона сама б бажала отримати і водночас вибракковувати зайві, надмірні, небажані вимоги до системи. У такій ситуації у суб'єктів, що складають суспільство, виникає впевненість в ефективності системи і не виникає потреби в контролі за нею – в її відповідальності.

Саме така модель взаємодії між демократичними інститутами тоталітарної держави (політичної системи) і громадськістю, на мою думку, існувала в СРСР і була успадкована незалежною Україною. Якщо погодитися з попереднім твердженням, то не втекти і від наступного – саме на цій основі сформувалася і розвивається система взаємодії сучасної політичної системи і суспільства в Україні.

Багато тверджень з попереднього твердження потребують важливих коментарів. По-перше, не можна казати про абсолютну новизну демократій, а особливо демократичних інститутів, для сучасної України. І справа не стільки в демократичних традиціях УНР і тим більш козачини, – набагато більший досвід буття в межах демократичних інститутів дав сучасній Україні, (як її суспільству, так і політичним елітам) саме СРСР. Адже ще “сталінська” Конституція СРСР (1936 р.) [1, с. 10 – 14, 26, 28 – 30] та Конституція УРСР (1937 р.) [2, с. 440 – 443, 452 – 457] закріплювали цілу низку політичних інститутів, притаманних демократичним політичним системам, причому деякі, наприклад гендерне рівноправ'я. Уряд соціальних гарантій з'явилися в СРСР раніше, ніж в інших, демократичних державах Західної Європи. Ці документи встановлювали виборчу систему, яка базувалася на принципах загальнонаціонального, прямого, таємного та рівного голосування, необмеженого за соціальними, майновими та статевими ознаками (чого не існувало на той час в таких демократичних країнах, як то Французька Республіка чи Швейцарська Конфедерація). Вибори, таким чином, проводились до загальнонаціонального, республіканських (в тому числі і в УРСР), регіональних та місцевих представницьких органів, ці інститути вже на той час не були для нас новиною. Як не є новиною і специфіка функціонування цих інститутів, яка будувалася на суто антидемократичних моделях поведінки як громадськості, так і політичних еліт (без альтернативності виборів *конкуренція* на яких є не *легітимною* і практично відсутня, *обов'язок* виборця – *підтримати* вибір влади і т.д.). У тій же Конституції ви знайдете статтю, яка проголошує незалежність суддів і правосуддя, але ані букви про практику “телефонного права”, проголошення прав громадян на об'єднання, але ані рядка про контроль за цими об'єднаннями і т.д. Одним словом, вже протягом майже 70-ти років, трьох поколінь, українська політична система живе в стінах демократичних інститутів, взаємодія між якими основана на тих же тоталітарних, “мовчазних”, безвідповідальних практиках, які лежать в основі системи цінностей політичної свідомості громадян і взаємодії суспільства із державою.

По-друге, політична культура і політична свідомість є одними з найстабільніших інститутів світу політичного, являють собою потужний фундамент для реставрації і

розвитку антидемократичних практик. Таким чином, сучасні українські еліти (деякі дослідники використовують стосовно до них термін “номенклатура” [9, с. 22], що демонструє їхню генетичну близькість до радянського правлячого класу) в змозі відтворювати, а можливо, навіть, реанімувати і удосконалювати деякі радянські практики, навіть в умовах істотних інституціональних змін в політичній системі. Водночас, населення, значна частина якого пройшла первинну соціалізацію на засадах радянської “керуючої” ідеології, відверто демонструє невпевненість в цілях, цінностях, оцінках та надіях, також має змогу “відступити” на цей культурний фундамент, а ще важливіше те, що воно ніколи з нього не сходило. Суспільство розчароване демократією, бо вона в нашій країні не ефективна, але не один компетентний візитер із Заходу ніколи не казав, що в Україні вже є реалізованою демократія, а НАТО і ЄС відверто говорять про неготовність України до вступу до цих структур саме з причини недостатності демократичних перетворень. *Тобто, українське суспільство розчарувалося в тому, чого ніколи на собі не відчувало.* Аналогічна ситуація і з сприйняттям капіталізму, адже розчарування, незадоволення від нього в масах є, але компетентні міжнародні структури на момент березня 2004 року не визнали наявності в Україні конкурентної ринкової економіки. *Знову, можемо бачити розчарування суспільства в явищах, з якими воно не стикається.* Причини цього феномену, на мою думку, потребують більш детального наукового розгляду. Але вочевидь, що ці фактори стимулюють у суспільній свідомості рецидиви сприйняття ситуацій себе і світу, а головне – політичної системи скрізь призму тоталітарної політичної культури. Наслідком чого і стає відродження радянської моделі взаємовідносин суспільства з політичною системою.

По-третє, зрозуміло, що суспільство вкладає в бажання бути почутим політичною системою надію на адекватне та своєчасне вирішення актуальних для себе питань, а ось навіщо політичній системі, державі чи політичним елітам вислуховувати вимоги суспільства, та ще й брати на себе відповідальність для їхнього задоволення? Світовий досвід показує, що подібна реакція політичної системи обумовлена багатьма моментами, але в основі їх завжди лежить такий важливий для виникнення, відтворення і гарантування демократій інститут, як розвинене громадянське суспільство. Факт наявності такого явища за часів СРСР не припускається навіть на рівні політичної теорії та радянської ідеології. “Диктатура – це монархія, яка у важливіших аспектах політичної *самоорганізації суспільства* є антиподом демократії” [4, с. 235], тобто в цілях атомізації суспільства не припускає, знищує само організовані за визначенням інститути громадянського суспільства, або підмінює їх керованими, що було мрією ще царських чиновників в 80-тих рр. XIX століття [8, с. 60]. Загальновідоме ставлення К. Маркса до громадянського суспільства як до іншої назви домінуючого класу, яке повинно зникнути ще в ході пролетарської революції [6, с. 516]. В. І. Ленін ще більш радикальний у цьому питанні – на рівні ідеології. Таким чином, успадкувати розвинене громадянське суспільство від СРСР Україна не могла. Основою ж для існування, розвитку і головне для висування вимог, які політична система має буде вислуховувати і виконувати, є автономність громадян, яка базується на розвиненій економіці і адекватній часу системі розподілу національного доходу. У ситуації, коли на законодавчому рівні закріплена система

розподілу національного доходу, за якою мінімальна заробітна платня є меншою за офіційний прожитковий мінімум, (за яким громадянин купує одну пару шкарпеток на рік) вести мову про становлення не те, щоб про гегемонію середнього класу в українському суспільстві неможливо. А це говорить про те, що суспільство в Україні не має ресурсів і механізмів їхнього концентрування задля захисту своїх інтересів, адекватним представництва своїх інтересів, участі в політичному конфлікті з державою, або тією чи іншою політичною елітою і забезпечити практичну реалізацію принципу політичної відповідальності влади, держави.

Таким чином, ми невідворотно приходимо до висновку про те, що, згідно з історично сформованими в межах української політичної системи політичними, економічними і соціальними інститутами і практиками їхнього функціонування, суспільство, яке за важливішими показниками (наявність насамперед традиційних практик і ресурсів) не в змозі зацікавити політичну систему в діалозі. Зі свого боку держава, як провідний інститут політичної системи, спираючись на віковічні антидемократичні (диктаторські) традиції свого функціонування, а останні шістьдесят років навіть на засадах інститутів демократії, не відчуває потреби і не має традиційних технологій взаємодії із суспільством.

Виходом із ситуацій може стати лише розвиток і укріплення міцного громадянського суспільства, яке буде в змозі заставити політичну систему прислухатися до себе. І основним елементом “підкорення” уваги держави повинні стати інститути, практики і об’єднання, здатні встановити і добитися практичного втілення норми політичної відповідальності політичної системи. Політична система і політичні еліти стають зацікавлені в діалозі, взаємодії, як можливо ширшому представництва суспільства в політичних процесах, лише відчуваючи безпосередню залежність своєї політичної долі від взаємодії з громадянським суспільством, його представниками, які самі залежать від задоволення інтересів груп населення, які вони представляють. Отримати таку владу суспільство в змозі лише в умовах реального капіталізму і демократій, задля реалізацій яких вже зараз потрібно реабілітувати ці явища в очах суспільства за посередництвом вирішення дилеми “розчарування населення в тому чого воно не бачило”. І головна мета – це перебудова, злам традиційних неформальних норм функціонування інститутів демократії та суспільне сприйняття подібних практик. Саме ці норми, на мою думку, зробили неефективною роботу української політичної системи навіть за умов глибокої демократичної перебудови її інститутів протягом існування незалежної Української держави.

Багато питань, які розглядаються в статті, і багато в чому грають важливу роль в побудові розвинених демократичних взаємозв’язків між державою та суспільством, потребують більш глибокого наукового дослідження. Це питання реальних цілей модернізаторів 90-тих рр., що визначає справжні завдання української держави, так як їх сприймають суб’єкти політики. Розробка питання розвитку громадянського суспільства і методів, практик відстоювання ним своїх інтересів у діалозі і конфлікті з політичною системою, має окреслити оптимальні і критичні межі протистояння і взаємопроникнення держави і суспільства.

Список літератури

1. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик // Конституция (основной закон) СССР и Конституции союзных и автономных советских социалистических республик / Под наблюдением редактора А. А. Липатова. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. – 939 с.
2. Конституция (основной закон) Украинской Советской Социалистической Республики // Конституция (основной закон) СССР и Конституции союзных и автономных советских социалистических республик. Под наблюдением редактора А. А. Липатова. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. – 939 с.
3. Бутенко А. П., Миронов А. В. Сравнительная политология в терминах и понятиях: Учеб. пособие. – М.: НОУ, 1998. – 411 с.
4. Гаджиев К. С. Введение в политическую науку: Учебник для высших учебных заведений. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. – 544 с.
5. Горбатенка В. П. Стратегія модернізації суспільства: Україна і світ на зламі тисячоліть. Монографія. – К.: Видавничий центр «Академія», 1999. – 240 с.
6. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общей редакцией члена-корреспондента РАН В. С. Нерсисянца. – М.: Инфра М, 1996. – 736 с.
7. Мельвиль Ю. А. Демократические транзиты: Теоретико-методологические и прикладные аспекты / Моск. обществ. науч. фонд. – М.: МОНФ: ИЦНЛУП, 1999. – 106 с.: табл. – (Науч. докл. / Моск. обществ. науч. фонд; № 78).
8. Пивоваров Ю.С. Тоталитаризм и политическая культура России: (Обзор) // Тоталитаризм: Что это такое? (Исследования зарубежных политиков). – М.: ИНИОН РАН, 1993. – Ч. 1. – С. 46-83.
9. Політична система сучасної України: особливості становлення, тенденції розвитку / Редкол.: Ф. М. Рудич (голова) та ін. – К.: Парламентське вид-во, 1998. – 352 с.

Поступило в редакцію 27 люля 2004 г.

УДК 332.2.021

А. С. Филатов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА: УКРАИНСКИЙ ВАРИАНТ

В рамках политологического анализа состояние украинского общества и, соответственно, государства определяется как переходное, или, в ином языке происхождения, – транзитное. В таком состоянии общество стремится осуществить переход от традиционных (сложившихся) стандартов социально-экономического и политического функционирования к новой модели социального развития. Вполне понятно, что подобного рода переход, равно как и любые другие социальные фазы, имеет и свои принципы и нормы, и определенные временные интервалы. Иными словами, сам социальный переход также должен осуществляться на основе строгой модели, адекватной сложившейся социальной реальности. С учетом того, что сущность политических институтов выражается в системе контроля и распределения социальных интересов, для них основная социальная функция определяется организацией управления обществом. Ведущим политическим институтом выступает государство, поэтому именно государство как институт и его органы призваны обеспечить и сам процесс социального перехода, и, что самое главное, переходную модель функционирования социальной системы. Одной из форм всех этих действий становится политическая реформа, призванная утвердить эффективно работающую модель социального движения.

На Украине, начиная с получения ею независимости в 1991 году, особо не утруждали себя созданием модели переходного периода. Все буквально сводилось к примитивному лозунгу «*Будімо будувати незалежність!*» и, что самое негативное, к таким же действиям. Парадокс состоял в том, что Украина уже получила независимость после распада Советского Союза, так что получалось «масло масляное». Все политические процессы сводились фактически к перераспределению власти и собственности и, вследствие этого, к борьбе различных группировок. Нельзя сказать, что в Российской Федерации не происходило подобного перераспределения, но там это не было доминирующим фактором общественного развития. На Украине же именно перераспределение стало определяющим в постсоветский период истории. И это не удивительно: ресурсы, оставшиеся от СССР, становились объектом повышенного интереса.

Впервые сколько-либо заметно политическая реформа попыталась обнаружить себя весной 2000. Тогда даже провели референдум. Чему он был посвящен, сейчас мало кто вспомнит... Референдум провели, команда президента попутала своих политических оппонентов, и на этом все закончилось. Поэтому та «политическая реформа» явно должна быть заключена в кавычки. Но это, как говорится, «дела давно минувших дней», сейчас на повестке дня стоит уже другая политическая реформа. Кстати,

принципиально отличающаяся от той, 2000 года. Тогда президент хотел расширить свои полномочия, сейчас он их формально ограничивает. Уже эта амплитуда подтверждает высказанную здесь мысль о том, что все вращается вокруг перераспределения, и только. Никакой действительной модели не предполагается.

Краеугольным камнем новой политической реформы является переход от смешанной (пропорционально-мажоритарной) системы выборов в Верховный Совет Украины к чисто пропорциональной. На уровне местных представительных органов (за исключением сельских и поселковых Советов) вообще кардинально меняется избирательная система – от мажоритарной к пропорциональной.

Теперь люди в политике и люди от политики выстроились в две шеренги, стоят друг напротив друга и доказывают, прежде всего самим себе, что лучше: пропорциональная или мажоритарная система выборов. Но спор этот очень уж похож на схоластический. Многие, как принято говорить, рядовые избиратели пока слабо представляют себе суть этих двух систем. По этому поводу вспоминается такая философская байка. Когда-то два средневековых философа-схоласта (греч. *scholasticos* – школьный, теоретизированный), гуляя по парку, дискутировали о том, должны ли быть в принципе у крота глаза. Услышав их спор, садовник посоветовал просто поймать крота и убедиться, есть у него глаза или нет. На что услышал в ответ: мы спорим не о действительности, а о принципе! Может быть, и в нашем случае стоило бы начать хотя бы с того, что объяснить все преимущества и недостатки каждой из систем.

Главный аргумент «пропорциональщики» состоит в том, что мажоритарная система позволяет «толстосумам» покупать выборные округа и становиться депутатами. Пропорциональная система вроде бы лишит их такой возможности. Однако что помешает «денежным мешкам» купить проходные места в списках популярных партий? Вопрос остается без ответа.

«Мажоритарщики» говорят, что пропорциональная система растворяет интересы населения конкретных избирательных округов в узкопартийных интересах, и люди уже никогда не дождутся решения их насущных жизненных проблем. Как будто до сего времени, когда на всех уровнях представительной власти (за исключением Верховного Совета Украины, куда депутаты избирались и по мажоритарной и по пропорциональной системам – 50% на 50%) господствовала мажоритарная система, эти жизненные проблемы успешно решались!

Все эти дискуссии, конечно же, не праздные. Но и не реформаторские также. Введение пропорциональной системы выборов – это всего лишь стремление политических «тяжеловесов» монополизировать каналы, обеспечивающие продвижение социальных агентов в поля управления обществом. Разве не похоже то, что происходит сейчас на политическом пространстве Украины, на недавнее постановление о необходимости формирования туристическим фирмам базового капитала в двадцать тысяч евро, чтобы продолжать заниматься своей деятельностью? В последнем случае все мелкие турфирмы должны искать «прикрытие» у богатых фирм. При пропорциональной системе политические деятели местного уровня должны искать партию, чтобы участвовать в избирательной кампании.

Мне видится, что спор «мажоритарщиков» с «пропорциональщиками» действительно очень похож на диспут тех средневековых схоластов, которые дискутировали о зрении крота. Почему? Да потому, что какую бы систему выборов мы ни вводили в обществе и в государстве, где практически отсутствует гражданская инициатива и организационно оформленная гражданская позиция, все будет одинаково неэффективно.

Уже почти тринадцать лет идут разговоры о гражданском обществе, но «воз и ныне там», там, где он был в самом начале 90-х годов, если не «отъехал» в обратном направлении. Да и какое может быть гражданское общество в стране, где на корню «подсекается» любая частная инициатива, когда общественные организации находятся под таким контрольно-ревизионным и налоговым прессом (как и экономические структуры), что им некогда подумать о самоорганизации и общественной инициативе. В то же время государственное лицо «высшего полета» (бывшее в то время главой администрации президента) «стряпает» сугубо компилятивную (краденую) статью об ущербности гражданского общества как такового. Помилуйте, сударь, мы его еще не построили (а уж вы-то тем более не строили), чтобы рассуждать по поводу ущербности!

Следовательно, прежде чем дебатировать и тем более утверждать новую систему выборов, необходимо решить целый ряд острых вопросов, связанных с целостной системой социального управления и функционирования. Среди них наиболее актуальный и значимый имеет непосредственное отношение к устройству и организации взаимодействия всех социальных агентов в обществе – на политическом, гражданском и экономическом полях. Речь идет об утверждении в обществе регламентирующей процедуры в отношении социальной активности граждан и организаций, которая должна вытеснить господствующую сейчас распорядительную процедуру. О том, что последняя господствует, свидетельствует так называемая отмена прописки и якобы замена ее регистрацией места проживания граждан. На деле все свелось к банальной смене терминов, но де-факто при регистрации необходимо осуществлять те же действия, быть так же зависимым от правоохранительных органов, что и прежде, когда действовала система прописки.

Следующая проблема органично связана с предыдущей. Ветвь власти, которую принято называть исполнительной, действует в нашем обществе как распорядительная. К примеру, лишь только очень крупные экономические структуры на региональном уровне чувствуют себя достаточно независимо по отношению к органам местной власти, да и то только потому, что у них есть «подходы» к исполнительной власти общегосударственного уровня. А вот показателем господства распорядительной системы в украинском обществе является стремление предпринимателей поменять место в своей коммерческой структуре (даже если это очень большая структура и даже если это очень доходное и престижное место) на тот или иной государственный пост. Известный украинский банкир А. Тигипко искал и нашел себе место в государственной структуре, оставив формально руководство «Приватбанком».

Поэтому возникает необходимость в условиях переходного общества (если это переход к демократии) осуществить коренную трансформацию **распорядительной власти** (что мы сейчас имеем) по направлению к **исполнительной**.

По-прежнему острой остается проблема качества общественного сознания. Из трех основных типов общественного сознания – аналитического, социального и массового – доминирующим является массовый тип общественного сознания [См.: 1, 2, 3]. Опасность массификации общественного сознания состоит в том, что его носители составляют потенциальную базу маргинального слоя в обществе. Этот социальный слой, который может включать в себя представителей разных профессий и классов, находится в состоянии скрытой, а зачастую и открытой конфронтации со сложившейся (действующей) социальной структурой, отторгает социальные стандарты и предрасположен к социальным (прежде всего – политическим) конфликтам. Данный социальный уклад (который характерен для переходного общества в такой же мере, как и для какого-либо другого) воспринимается маргиналами как не просто чужой, но и чуждый. По моим данным, в нашем обществе скрытая форма маргинализации достигает 68%! Это очень тревожная цифра, она фактически показывает процент людей, которые как не принимают сам социальный уклад переходного общества, так и не видят перспективы социального движения.

Было бы совершенно неправильно перекладывать всю ответственность за такое развитие ситуации на общество в целом и даже на ту его большую часть, которая подвержена маргинализации. При отсутствии как модели переходного периода (а здесь обязательно должна быть определенная модель социальных изменений), так и четкой цели социального перехода вряд ли возможно ожидать социальной поддержки. Единственное, на что можно рассчитывать, – это на политическую индифферентность населения. Однако следует помнить, что политическая индифферентность – прекрасная почва для всевозможных политических авантур!

Ко всему отмеченному следует добавить, что Украина не имеет ясной модели государственного строительства, следовательно, все еще не знает точно, в каком направлении ей необходимо двигаться. О том, что упомянутая модель напрочь отсутствует, говорит такой совершенно очевидный факт (хотя привести их можно более чем достаточно), что Украина провозглашается как унитарное государство, но при этом имеет (в прямом и переносном смысле) Автономную республику Крым (т. е. элемент федеративного устройства). Несмотря на это, ее политические деятели спорят, по какой системе лучше будет избираться! Простите за сравнение, но это то же самое, что спорить о чистоте рубашки, не помыв предварительно тело.

По всему получается, что политическая реформа подразумевает, прежде всего, реорганизацию системы регулирования и регламентации процесса реализации интересов агентов социальной деятельности. Такая трактовка политической реформы берет свои основания еще в политической философии Т. Гоббса. Как известно, Гоббс основную функцию государства, выступающего в качестве основного политического института, видел в регулировании отношений субъектов политической деятельности, которые по природе своей склонны присваивать достоинства другого субъекта (конфликт интересов). В этом и заключен стержень социального управления, управления обществом, иногда жесткими мерами, чтобы воспрепятствовать

«войне всех против всех». Потому государство – это «левиафан», вынужденное социальное зло, к которому прибегают люди, чтобы исключить еще большие неприятности. Следовательно, если традиционная система регулирования и регламентации социальных интересов подвержена энтропии и не в состоянии организовывать социальное пространство, неизбежно возникает ситуация социального хаоса, и необходимо искать новые механизмы и рычаги социального управления. Тогда политическая реформа призвана обеспечить формирование эффективных и операционально приложимых способов социального управления. Эффективность способов управления требует функционирования таких социальных механизмов, которые обеспечиваются продуктивной деятельностью определенных социальных агентов – индивидуальных и коллективных. Основным видом оформления агентов в сфере реализации социальных интересов, т. е. в сфере политики, выступают политические партии.

Как известно, с позиции ценностей демократического общества политическая партия является основным средством выражения социальных интересов крупных общественных образований – социальных слоев и классов. Если партии не выполняют эту миссию, есть все основания говорить о неустойчивости принципов и стандартов демократии в обществе. Таким образом, политическая реформа может стать состоявшейся тогда, когда она либо направлена на формирование условий проявления разноплановых интересов социальных групп (переходное общество, движущееся к демократии), либо обеспечивает цивилизованное функционирование политических партий, выражающих интересы различных социальных групп.

В предыдущих публикациях мной была предложена классификация политических партий на четыре основных типа: патронажные, социальные, прагматические и идейные [см.: 1, 4]. Демократическим стандартам в наибольшей степени соответствуют социальные партии, которые базируются на основе определенных социальных слоев и классов и действуют по модели «обратной связи» с ними. В современном украинском обществе де-факто таких партий не существует, а имеются лишь декларации намерений стать таковыми. Да и то большей частью такие декларации являются не более чем своеобразными рекламными акциями. Наиболее распространенным типом политических партий на Украине являются патронажные партии, создаваемые под определенного лидера с целью продвижения узкогрупповых, клановых интересов.

Хотелось бы отметить, что патронажные партии по природе своей являются антидемократическими и не склонны к каким-то принципиальным изменениям в обществе, направленным на развитие гражданской инициативы, социальной активности и экономической предприимчивости, т. е. ко всему тому, что может характеризовать социальные трансформации в сторону демократии. По сути дела, патронажные партии, равно как и прагматические, создаваемые для продвижения определенных материально-финансовых интересов клановых групп, партиями как таковыми и не являются. Это своеобразные политические группировки, формируемые под патрона или цель, которые чужды социальным интересам общества в целом и стремятся видеть общество однообразным, лишенным качественного структурирования.

Вот в таких условиях нам предлагают еще одну «политическую реформу», кото-

рая призвана обеспечить партиям каналы продвижения своих интересов через законодательные и представительные органы власти. С учетом отмеченного качества «партийной жизни» понятно, какие это будут продвижения и что из этого может получить общество. – В лучшем случае очередную «головную боль», а в худшем – транзит в сторону «бананово-лимонной» республики. Следовательно, и эту, 2004 года, «политическую реформу» мы можем также со всем основанием заключить в кавычки. Не много ли получается кавычек в политической истории Украины?

В заключение хотелось бы отметить следующее. Если уж кому-то на Украине очень хочется говорить о реформе и выглядеть реформатором, то тогда, в данном контексте, возможно вести речь разве что о реформировании избирательной системы, но никак не о политических преобразованиях в обществе. Однако никакое реформирование в «производных величинах» не будет эффективным и продуктивным, если не совершены качественные изменения и трансформации в «первообразных величинах». В нашем случае избирательная реформа – это как раз и есть производная величина от комплексной политической реформы, которая возможна, в своем демократическом наполнении, на основе правовых гарантий самостоятельности первичных (личности) и вторичных (создаваемые ими группы) социальных субъектов в сферах своих компетенций, когда сфера компетенции большего сообщества (в т. ч. государства) начинается там, где кончаются возможности меньшего сообщества и гражданина [более подробно об этом см.: 5]. Иначе все так называемые «реформирования» превращаются в политическую мимикризацию и манипуляции общественным мнением. Без действительной политической реформы мы дальше манипулятивной демократии двинуться не сможем.

Список литературы

1. Филатов А.С. Электоральное поведение и политические технологии: как добиться успеха на выборах. – Симферополь: PARTNER, 2002. – С. 8-18.
2. Филатов А.С., Лукашевич Л.С. Общественное мнение о коррупции. По результатам социологического исследования в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». Том 16 (55). – N 1(2003). – С. 33-45.
3. Филатов А.С. Маргинализация как фактор деструктурирования общества // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Трансформація соціальних інститутів та інституціональної структури суспільства: Наукові доповіді і повідомлення III Всеукраїнської соціологічної конференції / Соціологічна асоціація України, Інститут соціології НАН України. За ред. М.О. Шульги, В.М. Ворони. – К., 2003. – С. 429-432.
4. Филатов А.С. Украинский политический процесс. Выборы // Структура и содержание связей с общественностью в современном мире. Материалы международного семинара. Вып. Социальные науки. / Луган. гос. пед. ун-т им. Т. Шевченко; Отв. ред.: Л.Н. Синельникова, Л.Ф. Компанцева, Г.А. Петровская. – Луганск: Знание, 2002. – С. 212-222.
5. Филатов А.С. Гражданское общество и местное самоуправление: Учебное пособие / Второе издание, переработанное и дополненное. – Симферополь: Издательство «Таврия», 2002. – 148 с.

Поступило в редакцию 17 июля 2004 г.

УДК 321.013

А. М. Сми́й

ВНЕШНИЙ ФАКТОР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В УКРАИНЕ

Существенное значение внешнего фактора в социально-экономическом и политическом развитии Украины сегодня признаётся практически всеми исследователями и политическими силами. Различные аспекты взаимозависимости Украины, России и Запада широко дискутируются как политологами, так и практическими политиками [3-6, 11]. Однако до сих пор в силу ряда причин каждый такой аспект рассматривается изолированно от других. Поэтому полифоничность и динамизм взаимовлияния и взаимообусловленности внешних сношений нашей страны, возникших после 1991 года, сводятся зачастую либо к воспроизводству обвинений в адрес участников «беловежских соглашений», либо к апологии «исторической неизбежности распада империи» и «европейского выбора Украины».

Политический выбор, основанный на эмоциях и стереотипах, не может быть адекватен современным геополитическим, геоэкономическим и геостратегическим реалиям. Неучёт онтологических, бытийных основ политического процесса и отсутствие комплексного подхода ведут к невозможности верно оценить характер требований внешней среды. В результате на самом ответственном, начальном этапе суверенного существования Украина может неверно оценить комплекс внешних и внутренних угроз для стабильности демократической политической системы.

Многими политиками и политологами ещё не до конца осознаётся тот факт, что место мирового товарного рынка (внешнеэкономической основы национальной государственности) сегодня прочно заняла мировая хозяйственная система. Функционирование национальных экономик приводится под контроль интернационализированных воспроизводственных ядер, формируемых транснациональными корпорациями. Сложившееся расслоение потребительских стандартов в наиболее развитых странах мира и на их периферии, а также ограниченность мировых ресурсов определяют закономерности перемещения элементов каждой национальной экономики от мировой экономической периферии к воспроизводственным ядрам, где только и формируется мировой доход [20]. Следовательно, содержание политического процесса в формирующейся демократической политической системе (в том числе Украины) будет зависеть от того, удастся или нет конкретной национальной экономике стать конкурентоспособной в борьбе за приемлемую долю мирового дохода. Насколько в этом смысле может быть конкурентоспособной украинская экономика?

В политическом смысле нация – общность самоответственных индивидов. Это – особого рода договор между элитой и обществом, в котором элита обязуется тратить поддержку общества на то, чтобы конкурировать с другими национальными

элитами и использовать результаты этой конкуренции для развития и обогащения общества. Существует и работает этот договор лишь до тех пор, пока общество убеждено в обеспечении своих преимуществ именно политическим форматом нации. Модернизационная модель М. Фридмана, реализуемая в Украине и России, с неизбежностью требует предельного выведения из-под государственного контроля максимального количества ресурсов. В результате ни российская, ни украинская проатлантические элиты не контролируют ресурс, достаточный для успешной конкуренции с другими нациями и государствами, в смысле переноса эксплуатации во-вне.

По данным ЦРУ США, среди смежных государств наша страна по внутреннему валовому продукту на душу населения превосходит только Молдавию, уступая всем остальным двукратно и троекратно [19]. Такие критерии, как открытость страны, демократичность её правительства, финансовая структура, инфраструктура государства и др. – характеризует ситуацию в стране в целом как негативную [9, 10]. Вывод неизбежен: Украине, находящейся на периферии геоэкономики, сформировать самостоятельные конкурентоспособные воспроизводственные ядра, а значит иметь приемлемую долю в мировом доходе – вряд ли возможно.

Из модели политической системы Д. Истона следует, что эффективность модернизационного процесса может быть увеличена путём формирования устойчивого внутриполитического центра в сочетании с оптимизацией внешнеполитического фактора. Требования к политическому содержанию такого центра общеизвестны: перемещение субъекта концептуальной власти в национальные границы; адекватное представительство и удовлетворение базовых интересов основных социальных групп; восстановление ведущей роли государства в политической системе (необходимость этого следует из того, что, как и в России, в Украине имеет место острый кризис эффективности государственного управления). Причины и следствия этого те же, что и в РФ, ввиду аналогичной стартовой ситуации и использования одной и той же модернизационной модели.

Модернизационная политика государства должна иметь целостный характер, однако для её выработки нужен специальный методологический инструментарий, которого до недавнего времени не было. Однако сегодня имеется набор приёмов, позволяющий учесть совместное влияние на политическую систему как внешнего, так и внутреннего факторов. Если политическую систему общества толковать как систему взаимодействий всех политических агентов, посредством которых в обществе распределяются национальные ресурсы, то теорема Е. Седова и её следствия дают возможность проследить динамику политической системы как целостности. В рамках модели социальной системы Е. Седова положение национальной политической системы задается координатой H_t / I_s , то есть соотношением уровней демократических свобод и государственного авторитаризма, подкрепленных ресурсно и организационно, относительно начала, конца и оптимума цикла развития (20% / 80%) [16].

По данным ООН, украинской политической системой точка оптимума пройдена в сторону начала модернизационного цикла, что резко сузило возможность государства подкреплять свои решения материальными ресурсами. Судя по тому, что неконтролируемый вывоз капитала за пределы страны сопоставим с доходной частью

государственного бюджета, под контролем правительства уже не более 50% национального достояния. Решительные шаги по формированию авторитарного режима в стране начали предприниматься уже весной 2000 г.: проведение референдума в апреле, акция по сдвигу парламентского большинства резко вправо, постановление правительства от 25 марта об увеличении предельной численности персонала министерств, центральных и территориальных органов исполнительной власти и т.п. Однако никаких действий по усилению контроля над национальными ресурсами украинская политическая элита пока не предприняла.

Самое ценное, что есть сегодня у Украины – это её балансовые запасы, находящиеся на низком уровне капитализации, а также земля и геополитический ресурс. Крупные инвесторы, действующие в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), заинтересованы в контроле над украинскими балансовыми и сырьевыми потоками. С этой целью они требуют:

а) денежной приватизации ещё оставшихся высоколиквидных объектов – телесетей и телекоммуникаций, авиатранспорта, энергетики, предприятий по заготовке зерна;

б) предельного упрощения процедуры банкротства;

в) ускорения капитализации земли.

Именно на этих условиях МВФ соглашается финансировать доходную часть государственного бюджета страны. Однако вложения денег в машиностроение, лёгкую промышленность и во всё то, что может обеспечить преодоление кризиса распределения и экономическую независимость Украины, не предусматривается. Более того, ещё в декабре 1997 года был подписан прототип соглашения между МВФ и ОЭСР, по которому частный инвестор (а МВФ именно такой) получает права политического субъекта. В случае подписания окончательной версии соглашения, к государству-банкроту могут быть предприняты такие же санкции, как к любой частной фирме или гражданину. Как минимум, такой санкцией может быть запрет национальному правительству проводить самостоятельную политику на внутреннем рынке, что означает утрату суверенитета даже в правовом смысле слова. В настоящее время государственный долг Украины внешним кредиторам составляет \$12,8 млрд., а государственный бюджет обслуживает не столько нужды страны и её населения, сколько этот внешний долг.

Правительство оказалось в чрезвычайно сложном положении. С одной стороны, для него несомненен кризис управления и распределения. Его преодоление требует как укрепления политического режима (создания авторитарной системы господства), так и одновременно укрепления ресурсной базы государства. Однако на второй компонент наложен жёсткий внешний запрет, что делает невозможным оптимальное функционирование политической системы в рамках правого политического курса и правой экономической линии. Но одного этого явно недостаточно как для поддержания прожиточного минимума населения, так и для формирования национальной буржуазии, что предельно затрудняет выполнение задач политического управления модернизационным процессом, среди которых:

- оппозиционирование элиты и контрэлиты должно идти в рамках политической системы, а не против неё;
- сохранение достаточного уровня конкурентоспособности для обеспечения политического развития.

Правым флангом центра, удовлетворяющего данным требованиям, будет весь спектр тех политических партий, доминанта политического поведения которых лежит на правой политической линии. «Но там, где правых заносит в апологию рынка, должен стоять жёсткий барьер. Радикальный либерализм, апология «свободного рынка» в евразийском ансамбле есть не что иное, как форма экономического экстремизма. И квалифицироваться это должно соответствующим образом» [7]. Это даст возможность всем политическим течениям правого толка – от ведущих до маргинальных – принимать участие в политическом процессе и, належаь получить максимум голосов, каждое из них будет вынуждено удерживаться от правого экстремизма.

Однако ведущими мотивами удержания правых в рамках центра должны быть внутренние. И такие мотивы имеются. Ведущим среди них является страх перед утратой нынешнего материального статуса. Именно этот страх заставляет держать и прилагать капиталы вне национальных границ. Имеется два объекта такой психологической установки – «экспроприация экспроприаторов» и «новый мировой порядок».

Итоги приватизации не обрели легитимности и не смогут обрести до тех пор, пока богатые явно и недвусмысленно не продемонстрируют осознания своей ответственности за то, за что ранее несло ответственность государство. Часть современной украинской элиты уже это понимает. Велики ли масштабы переоценки ценностей у «новых украинцев», сказать трудно, но что такие процессы в их среде уже намечаются – несомненно. Исследователи отмечают увеличение числа форумов по проблемам преодоления кризиса и числа их участников, не только в масштабах Украины, но и за её пределами – в Москве, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге и т.д. Финансово-экономической элите следует рассматривать капиталовложения в украинское государство и общество как инвестиции в собственное благополучие, ибо только тогда, когда они будут создавать реальные рабочие места, вкладывать деньги в образование и здравоохранение и т.д., то есть, в конечном итоге, способствовать созданию и укреплению среднего класса, возвышению человеческого достоинства населения, перераспределению собственности, произошедшее в 90-е годы, станет легитимным.

Второй мотив появился сравнительно недавно. Класс капиталистов, как мы уже видели, получил государственную власть. И вот здесь возникла коллизия, существование которой на примере Англии показал Ф. Лист, а на примере России – А. Паршев [13]. «Либеральная открытость экономических систем двух обществ неизменно приводит к тому, что ею в полной мере может воспользоваться только одна из сторон – та, которая имеет более развитую и укоренённую, отлаженную и давнюю рыночную структуру» [12].

Дело здесь в той особенности капитализма, в соответствии с которой производственный капитал стремится в те области, где он получит больше прибыли. Прило-

жение капитала за пределами государства, особенно на этапе первоначального накопления, в отечественных условиях всегда было выгодно капиталистам, но не стране. В результате капитал уходил за границу, а отечественная экономика впадала в кризис. Исходом такого кризиса было укрепление экономических границ и даже полная ликвидация буржуазии как класса. А. Паршев проследил эти процессы в России на отрезке последних 200 лет и пришёл к выводу, что процесс «первоначального накопления капитала» каждый раз обрывался на взлёте [12]. Есть ли выход?

Пример Югославии и Беларуси показывает, что стремление жёстко защитить внутренний рынок вступает в противоречие с интересами политических систем Запада. Изоляционизм вреден и по другой причине. Динамическое развитие экономики, а следовательно, и наиболее полное соблюдение условий стабильности политической системы в современных условиях не может происходить в рамках отдельно взятого государства при помощи блокирования внешних экономических контактов. Тогда неизбежна прямая колонизация со стороны либерально-демократических систем. Ещё Ф. Лист пришёл к выводу, что спасение государства, вынужденного конкурировать с развитыми атлантистскими странами и ставшего на путь демократизации гораздо позже них, находится в области «автаркии больших пространств».

Открытость хозяйственной структуры, дозируемая и контролируемая сильным государством, является одним из основных компонентов положительной социально-экономической динамики. Но такая открытость непременно должна быть избирательной – концептуальная власть санкционирует её тогда, когда признаёт безопасной или полезной. «Обмен, способствующий экономическому росту державы, приветствуется и в случае более развитых стран; то, что может препятствовать этому росту, становится вне закона» [8].

Но такая избирательная открытость будет эффективной лишь в том случае, если удастся создать «достаточно большой экономический континент». И такой континент создать возможно, по крайней мере, в виде «восточнославянского таможенного союза», куда впоследствии могли бы войти другие страны Содружества, а также Индия, Иран, Ирак, Ливия, Сербия и т.п. Предлагаемый путь не является ни новым, ни проторенным. В настоящий момент формируются три экономических автаркии больших пространств – вокруг США, Западной Европы, Японии и Китая. В интересах отечественной буржуазии – создать параллельно им четвёртую.

Но ведь тот же самый интерес имеется и у левых. Подлинно левым центром в данной системе станет социал-демократический фланг, который сегодня представлен коммунистами, социалистами и «селянами» и стремится максимально дистанцироваться от правой, национально-консервативной политики. Левизна может быть общественно терпима, до точки социал-демократии. Экономическим экстремизмом в этом случае будут крайние формы экономической левизны – коммунизм и большевизм.

Переход к таким экономическим качелям представляется оптимальным способом стабилизации политической системы не только Украины, но и других стран Содружества. Первым шагом такого перехода необходимо считать поиск путей национального согласия, осознание всеми общественными группами интересов друг друга

и страны в целом, исключение из сферы влияния на массы тех экстремистских политических и экономических сил, которые настаивают на выборе жёсткого либерально-демократического или национально-изоляционистского пути.

Положительной экономической и политической динамике Украины будет способствовать рационально выстроенная внешняя политика. Как известно, главной детерминирующей силой внешнеполитической деятельности является национальный или государственный интерес. К главным национальным интересам относятся обеспечение суверенитета и территориальной целостности государства, его безопасности, стабильности и процветания. Концепция национального интереса пронизана ценностными нормами и идеологическим содержанием [2]. В соответствии с ними осуществляется сближение Украины с Западным сообществом и ведущими европейскими институтами: Украина принята в состав Международного валютного фонда, Мирового банка реконструкции и развития, стала полноправным участником Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписала документы о сотрудничестве и партнёрстве с Европейским союзом, НАТО, стремится стать полноправным членом Совета Европы.

Теоретически интеграция в мировое сообщество означает фактическое включение экономики Украины в крупнейшие мировые и европейские экономические цепи и, следовательно, обеспечивает доступ к мировому доходу. В действительности сотрудничество с более развитыми партнёрами не так однозначно, поскольку членство в западноевропейских структурах прежде всего накладывает на новых членов подчас неподъёмные обязательства и выгодно экономически сильным [1], а Украина в мировом экономическом пространстве может ориентироваться всего лишь на сырьевые и низкотехнологичные товарные потоки [14]. Здесь следует обратить внимание на так называемый «индекс политического риска». Ведущий мировой институт в области расчёта политического риска «БЕРИ» (Швейцария) полагает, что обстановка в стране считается приемлемой, если имеет место одна из следующих альтернатив: а) созидательный труд стимулируется и хорошо оплачивается, но при этом не обращается внимание на увеличение разрыва в доходах между различными слоями населения; б) большая степень эксплуатации компенсируется снижением неравенства в распределении доходов [18]. В современной Украине имеет место наиболее неблагоприятный случай, когда сверхвысокая эксплуатация сочетается с высоким уровнем социального неравенства. И всё это происходит на фоне дальнейшего снижения государственной распределительной деятельности в структуре ВВП, что является, с одной стороны, сущностью экономической линии правительства внутри страны, с другой – показателем, по которому Запад определяет степень демократичности Украины. Если оставить неизменным складывающуюся с 1991 года тенденцию перераспределения собственности, то для стабилизации обстановки и, в конечном итоге, достижения стратегической внешнеполитической цели нашей страны требуется массовое создание рабочих мест, то есть капиталовложения в реальную экономику.

Есть ли такой источник ресурсов вне Украины, который бы не угрожал её политическому суверенитету (т.е. не обуславливал капиталовложения жёсткими ориентирами экономической линии)? По всей вероятности, это – Россия. Вот как оцени-

ваются украинскими аналитиками инвестиционные перспективы нашей страны. Ю. Пахомов пишет, что Украина может рассчитывать на инвестиции низкого качества, то есть те, для которых решающий параметр – дешёвая рабочая сила [14], в то время как «официальный капитал Запада обходит именно те высокотехнологичные и наукоемкие отрасли, которые наиболее перспективны для прорыва страны в постиндустриальное состояние... Видимо, дело в нежелании Запада выращивать на нашей почве конкурентов» [15]. Более того, не исключается приобретение зарубежными предпринимателями некоторых предприятий с целью сократить или вообще прекратить их производственную деятельность. Таким образом, в этой сфере наиболее рациональной стратегией украинского правительства является опора на интенсификацию внутренних инвестиционных процессов, так как мировая практика свидетельствует, что «иностранные инвестиции идут туда, где национальные правительства уже доказали свою способность осуществлять реформы, в первую очередь, за счёт собственных источников» [17].

Есть основания полагать, что, подобно уже имеющимся в истории Украины примерам, Россия с её «генетически заданной жертвенностью и традициями возрождения периферии» [14], а также ввиду наличия в РФ политических сил, стремящихся к интеграции, именно Россия может быть эффективным источником ресурсов для модернизации украинской экономики. Реализовать эту схему поможет соответствующим образом выстроенная стратегия внешней политики Украины в отношении РФ. В её основе может лежать асимметричное использование так называемого «энергетического потенциала».

Вновь обратимся к теореме К. Шеннона – Е. Седова для социальных систем. Эта теорема имеет важное следствие. В целях самосохранения система, находящаяся между началом информационно-энтропийного цикла и оптимумом, должна «...перейти на следующий иерархический уровень развития, т.е. начать формировать между элементами прежнего уровня новые информационные связи... Однако тут возникает проблема, обусловленная необходимостью энергетической платы за каждую вновь устанавливаемую межэлементную связь» [16]. Это значит, что при использовании внешних ресурсов заимствуется не только энергия внутренних связей, но и структурная информация, бывшая в этих связях до разрушения. Таким образом, накопление информации (энергии, упорядоченности – А.С.) внутри данной системы приводит к возрастанию энтропии (беспорядка – А.С.) внешней среды [16]. Поэтому установление стабилизирующих связей за счёт внешних систем перспективно лишь тогда, когда система-акцептор находится на более высоком системно-иерархическом уровне, чем система-донор. То обстоятельство, что Россия оказалась несколько ближе к начальной точке цикла Е. Седова, чем Украина, имеет принципиальное значение. Назовём способность социальной системы быть для внешних систем источником энергии создания стабилизирующих связей – её донорским энергетическим потенциалом (ДЭП). Тогда политической системе с большим значением соотношения авторитаризм / демократизм соответствует меньшее значение энергетического потенциала, и наоборот. На рисунке изображено соотношение H/L_2 и ДЭП для Украины и её основных внешнеполитических партнёров.

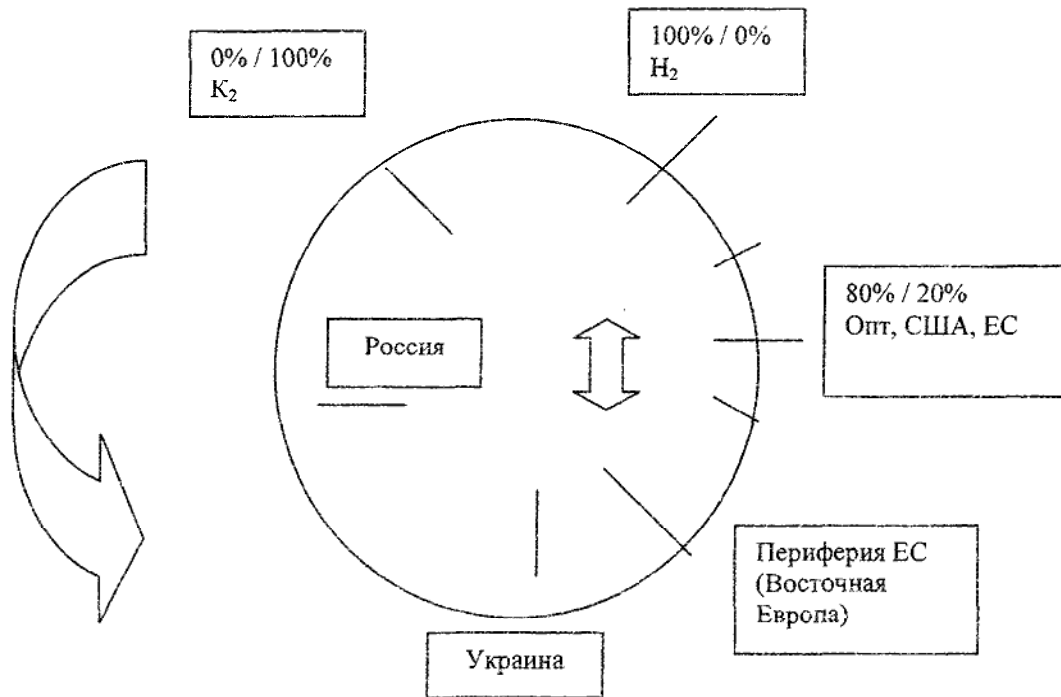

Рисунок – Соотношение H_r / I_s и ДЭП для Украины и её основных внешне-политических партнёров

(Примечание: по направлению фигурной стрелки ДЭП убывает, в обратном направлении возрастает; изменению H_r / I_s соответствует обратное соотношение).

Очевидно, что укрепление внешнеполитических связей Украины с ЕС, США, периферийными блоками (например, Черноморско-Азовское экономическое сотрудничество) может служить лишь сиюминутным целям самоутверждения молодого государства. Но в сочетании с национал-консервативной политикой, для целей национальной интеграции этого недостаточно. Если не изменить ориентацию вектора политического развития на социал-консервативный, что в настоящее время абсолютно невозможно, то единственный источник безопасного заимствования внешних ресурсов для Украины – Российская Федерация.

Россия, в результате реализации либерально-демократической политики, обладает высоким энергетическим потенциалом. Кроме того, РФ – государство с довольно существенным конфедеративным компонентом и отличается высоким уровнем самостоятельности многих регионов. Для Украины, как представляется, эти особенности российской государственности должны быть исходным пунктом для формирования системы отношений с Россией. Таким образом, целесообразно, чтобы внешняя политика Украины в отношении РФ была асимметричной и включала два основных компонента:

- 1) Противодействие изменению ориентации политического режима в России в

сторону социал-консерватизма и напротив, стимулирование либерально-демократической ориентации с целью поддержания высокого уровня энергетического потенциала;

2) Налаживание украинскими политико-экономическими субъектами прямых связей с частными и региональными экономическими и политическими акторами в России, особенно в сырьевом секторе, и включение через них в геоэкономические воспроизводственные цепочки.

Не подлежит сомнению право любого народа самостоятельно формировать своё настоящее и будущее. Истинный гуманизм и подлинная демократия в украинско-российских отношениях требуют безусловного отказа от империалистических подходов. Для Украины целесообразно избегать участия в проектах, делящих участников международного политического процесса на субъекты и объекты. Субъект и объект не могут быть партнёрами: между ними возможны только отношения как между патроном и клиентом. Есть основания полагать, что реализация предложенных принципов асимметричной политики Украины в отношении РФ закрепит за нашим государством достойное место среди других стран и народов.

Список литературы

1. Власов С. От России к России? Украина в поисках стратегического партнёрства / С. Власов // Политическая мысль. – 1994. – № 2. – С. 71 – 73.
2. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1997. – 544 с. (С. 263 – 265).
3. Геополітичні виміри України в загальноєвропейському політичному процесі: Автореф. дис... д-ра політ. наук: 23.00.02 [Электронный ресурс] / С.Д. Василенко / НАН України. Ін-т політ. і етнонац. дослідж. – К., 2002. – 35 с.
4. Геостратегія США в процесі становлення глобальної держави: Автореф. дис... д-ра політ. наук: 23.00.04 [Электронный ресурс] / С.В. Юрченко / НАН України. Ін-т світ. економіки і міжнар. відносин. – К., 2001. – 36 с.
5. Глобалізація і проблема відсталості у постбіполярному світі: Автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.04 [Электронный ресурс] / Абдульдін Бассам Саїд / НАН України. Ін-т світ. економіки і міжнар. відносин. – К., 2001. – 16 с.
6. Деркач А. Европейский выбор Украины. Синхронизированная с Россией интеграция в евроструктуры усилит позиции Украины в Европе / А. Деркач // Зеркало недели. – № 16 (391) суббота, 27 апреля – 10 мая 2002.
7. Дугин А. Мировоззренческий код / А. Дугин // Евразийское вторжение. – 1998. – № 13. – С. 6.
8. Дугин А. Четвёртая зона / А. Дугин // Завтра. – 1998. – № 27. – С. 6.
9. Facts about Ukraine [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (31506 bytes). – Режим доступа: <http://www.worldfacts.us/Ukraine.htm> Tuesday, 23 March 2004 17:53:00.
10. Human development reports [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (33548 bytes). – Режим доступа: http://www.undp.org/hdv/2003/other_languages.html Tuesday, 23 March 2004 17:56:00.
11. Окара Н. Украина движется в НАТО / Н. Окара // Русский журнал. – 30 мая 2002 [Электронный ресурс]. – Электронные текстовые данные (14287 bytes). – К.: Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского, 2004. – Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua/polit/02rzudn.htm> Saturday, 06 March 2004 08: 11: 00.
12. Паршев А. Вот пришёл гегемон / А. Паршев // Дуэль. – 1999. - № 28. – С. 5.
13. Паршев А. Почему Россия не Америка / А. Паршев. – М.: Форум, 2001. – 416 с.
14. Пахомов Ю. Украина и Россия на волнах глобализации / Ю. Пахомов // Политические исследования. – 1998. – № 3. – С. 112 – 121.
15. Пахомов Ю. Украина на пути в мир / Ю. Пахомов // Политическая мысль. – 1994. – № 3. – С. 56.
16. Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. Седов // Ответственные науки и современность. – 1993. - № 5. – С. 92 – 100.
17. Сиденко В. Иностранные инвестиции в стратегиях структурных реформ / В. Сиденко, О. Гаврилюк, П. Богачевич, Б. Аргау // Политическая мысль. – 1997. - № 1. – С. 64 – 65.
18. Тихомирова И.В. Пути стабилизации обстановки с позиций политического риска / И.В. Тихомирова // Социально-политические науки. – 1991. - № 12. – С. 95 – 103. (С. 97).
19. Україна та сусідні держави. Основні статистичні показники (за даними ЦРУ США, 2003 р.) [Электронный ресурс]. – Электронные текстовые данные (3533 bytes). – К.: Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского, 2004. – Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua/polit/04ukr.htm> Saturday, 06 March 2004 07: 57: 00.
20. Чемшит А.А. Государственная власть и политическое участие / А.А. Чемшит. – К.: УЦДК, 2004. – С. 356 – 357.

Поступило в редакцию 28 июня 2004 г.

УДК 329 (477)

С. М. Наумкіна

ТЕНДЕНЦІЇ ТА ПЕРСПЕКТИВИ РОЗВИТКУ ПАРТІЙНО-ПОЛІТИЧНОЇ СФЕРИ В УКРАЇНІ

Метою даної статті є аналіз партійної системи України на сучасному етапі розвитку, суперечності, особливості та властивості даного процесу. Тому основними дослідницькими завданнями автором визначаються наступні:

- з'ясувати природу партійної системи і тенденції її розвитку в сучасних суспільствах, виходячи з досвіду розвинених демократичних країн;
- дослідити умови і фактори формування партійної системи в контексті динамічних змін у структурі й характері розвитку суспільства, яке трансформується;
- визначити особливості і проблеми становлення багатопартійності в українському суспільстві, виявити тенденції та перспективи утвердження партійної системи в Україні.

Проблема становлення і розвитку партійних систем у тих чи інших аспектах досліджувалися як зарубіжними, так і вітчизняними вченими. Крім дослідників Заходу (Г. Адамс, Р. Арон, П. Бурдье, М. Дюверже, Р. Михельс тощо), слід зазначити українських вчених С. Бабія, А. Білоуса, К. Богомаза, О. Корнієвського, М. Томенка, Ф. Рудича, Г. Шморгуна та інші. Але, незважаючи на це, неоднозначність застосування поняття “партійна система” викликає необхідність подальшої розробки цієї проблеми. Саме це і створює сутність даної статті.

Становлення партійної системи України визначається сукупністю умов і факторів, що обумовлюють процес формування організаційно-партійних форм вираження групових і суспільних інтересів у сфері влади і політики, характер і зміст цілеспрямованої діяльності партій та їхні взаємини в процесі присвоєння, розподілу і здійснення державної влади, впливу на державну політику.

Серед умов і факторів, що впливають на становлення партійної системи України, виражають конкретно-історичний контекст і визначальні особливості виникнення і розвитку багатопартійності, з якої формується ця система, варто виділити:

- посткомуністичний, посттоталітарний характер українського суспільства, відсутність демократичних партійно-політичних і державних традицій, досвіду і навичок політичної самоорганізації громадян у колективних формах захисту і реалізації групових та суспільних інтересів; тиск минулого досвіду політичної участі, посткомуністичні складові в політичній культурі й масовій суспільній свідомості країни;
- перехідний характер економіки, якісна зміна основ, принципів і цінностей її існування, функціонування і розвитку, здійснювана в кризових умовах падіння жит-

тського рівня більшості населення, соціальної і політичної поляризації суспільства, криміналізації економіки і політики, маргіналізації і люмпенізації значної частини громадян країни;

– формування і функціонування впливової системи лобювання корпоративних економічних інтересів у структурах законодавчої і виконавчої влади, зрощування економічної і політичної еліти, посилення впливу різноманітних (в тому числі й тіньових) економічних структур на процес виникнення і діяльність політичних партій;

– незавершеність процесу правової інституалізації системи державної влади і національного поля політики, формування правил політичної гри, істотна політико-правова невизначеність статусу, ролі й умов діяльності політичних партій, їхніх взаємин із Президентом і урядом України, більшістю парламенту і виконавчою владою;

– орієнтація масової політичної свідомості на персоніфіковані форми політики на шкоду інституціональним, недовіра до політичних партій як до суб'єктів політики;

– неповноцінність, непрофесіоналізм, реальна малочисельність і аморфність політичних партій, невідповідність їх критеріям, що пред'являються до цих суб'єктів політики, їх нездатність прийняти на себе відповідальність за долю країни, за здійснення влади, відсутність інтелектуальних, кадрових та інших ресурсів, достатнього впливу і суспільної підтримки;

– недостатня виразність у суспільній свідомості базових цінностей, сформульованих у Конституції України як основи нової суспільно-політичної системи, що викликає потребу в компенсуючих цю недостатність функціях державно-правової системи;

– несумісність базових цінностей партій лівої та правої орієнтацій, що в умовах значного і стабільного лівого електорату обумовлює поляризований, конфліктний характер міжпартійних відносин і процесу становлення партійної системи українського суспільства;

– надмірно прагматичний характер центристських партій, розмитість їхніх ідеологічних платформ, що знаходяться під сильним впливом, а деякі і контролем груп корпоративних економічних інтересів, які конкурують між собою за вплив на Президента і Кабінет Міністрів України через представництво в парламенті та в структурах виконавчої влади різних рівнів.

Вказуючи на вкрай поляризовану партійну систему України, слід зазначити, що в українській партійній системі компенсуючим фактором, може стати державно-правовий, інституціональний у вигляді сильної напівпрезидентської форми правління. Поряд із політичним режимом на партійну систему справляє вплив і форма державного устрою. Зазначений фактор створює можливість для реалізації суб'єктивного фактора, що залежить від особистісних якостей Президента України і структур, які реалізують його владні повноваження. Президентська і напівпрезидентська форми правління істотно звужують роль партійних систем у функціонуванні політичної системи суспільства, порядку організації і діяльності державної влади, здійсненні урядової політики. Вища виконавча влада в державі за цих форм правління одержує персоніфікований характер, особистісну форму вираження, тоді як за парламентської форми – партійно-групове вираження. Перехід до напівпрезидентської форми

правління обрала свого часу Франція як засіб забезпечення ефективності влади, коли поляризована партійна система із сильною комуністичною партією в системі парламентської форми правління показала свою непродуктивність, нездатність адекватно реагувати на потреби соціально-економічного розвитку країни.

Надмірне зростання політичних партій в Україні є віддзеркаленням умов розвитку післямонополітичного суспільства. Справді плюралістичне громадянське суспільство все ще не з'явилося з руїн старої системи, в якій істотним розподілом була лише протилежність між номенклатурою і керованого нею аморальною масою решти суспільства. Наразі розподіл прослідкується між аморфною партійною системою і партією влади.

Українські реалії дають підстави думати, що формування партійної системи і далі буде здійснюватися в рамках парадигми сильної напівпрезидентської форми правління, у якій роль партійної системи в здійсненні вищої виконавчої влади буде обмежена парламентською діяльністю. Участь представників партій у виконавчій владі різних рівнів не змінює цієї загальної логіки формування партійної системи, що може змінитися в результаті імплементації результатів квітневого референдуму 2000 року та проведення грамотної конституційної реформи. Проблема полягає в тому, що дотепер не ясно, як будуть визначені нововаження парламентської більшості відносно до формування уряду і структур виконавчої влади.

Життєздатність політичних партій визначається якісними і кількісними характеристиками зв'язку електорату з партійною тріадою, складовими якої є партійне лідерство, партійна структура, партійна програма. Елементи цієї партійної тріади складають цілісність, за якої партії повинні бути гармонійними як у рамках партійної цілісності, так і в зв'язках з електоратом та владою. У партійній практиці дуже часто явище, коли окремих елементів цієї тріади є провідним і навіть визначальним у забезпеченні зв'язку партії з електоратом і владою. Найчастіше таким елементом виступає партійне лідерство, здатне компенсувати низьку ефективність організаційних, кадрових і програмно-цілевих ресурсів партії.

Партійна система України сьогодні трансформується від атомізованої системи до так званої системи "поляризованого плюралізму". Ця оцінка поділяється більшістю вітчизняних політологів і соціологів. Але вона є лише найбільш імовірним прогнозом розвитку цього процесу. Важливо пам'ятати, що сам ступінь поляризованості може мати як наслідок не тільки зниження ефективності партійної системи, а й визначати ефективність державної влади, взаємодію держави і громадянського суспільства. Слід пам'ятати й те, що надмірна поляризація може привести до паралічу системи влади з усіма наслідками, що звідси випливають.

Надзвичайно актуальне значення для українського суспільства існує потреба в могутньому і відповідальному ліберальному суспільному і політичному русі. У випадках коли незабаром політична боротьба поступово вироджується в економічну, а переслідувана нею мета досягнення влади перетворюється з тріумфу політики, що проводиться в інтересах держави в цілому і має значення для всіх членів суспільства, у тріумф однієї групи за рахунок інших, підпорядковуючих інтереси однієї фракції інтересам іншої, а в кінцевому рахунку – інтереси цілого. Привнесення на український ґрунт дійсних ідей і цінностей лібералізму, очищених від

політико-ідеологічних деформацій і перекручень, формування широкого ліберального суспільного і політичного руху є для українського суспільства одним із ключових завдань у процесі вирішення якої тільки й можливе формування партії ліберальної орієнтації, здатної стати суб'єктом партійної системи, без якого ця система неминуче буде страждати неадекватністю у своїй функціональності стосовно здійснюваних перехідних процесів. Посилання деяких наших вітчизняних і російських політиків та дослідників на те, що в західних країнах ліберальні партії прийшли в занепад і що вони істотно не впливають на політичний розвиток цих країн, а, отже, і в посткомуністичних країнах при формуванні партійних систем не личить перебільшувати роль ліберальних партій. Така позиція, на нашу думку, є глибоко помилковою і не відображає потреб цих країн. Такі помилкові оцінки походять від суб'єктивістсько-волонтаристських спроб перенести сучасний досвід західних країн на посткомуністичний соціальний ґрунт. Вони демонструють у черговий раз спробу перестрибнути низку необхідних стадій історичного розвитку.

Проблема полягає в тому, що сучасні західні партійні системи засновані на реалізованих ліберальних цінностях і ліберальній по суті культурі суспільства, тоді як українській суспільній свідомості ще належить їх освоїти й реалізувати у соціальній та політичній практиці, що безсумнівно привносить істотну специфіку в процес формування української партійної системи. Цю стадію історичного розвитку обійти практично неможливо без істотної втрати для проголошених цілей перехідного періоду, безвідносно до того, чи буде цей перехід здійснюватися в авторитарній, чи ліберально-демократичній політичній і правовій формі. Останні істотно впливають лише на темп і спосіб цього переходу й у значно меншій мірі на зміст реалізованих цілей. Сьогодні, як відзначають історики, лібералізму більше не існує як організованої сили він більше не потрібний, тому що на політичному рівні його мета, принаймні на Заході, досягнута. Але він існує як несвідома установка, прихована під шаром різних соціальних, політичних чи економічних формулювань. Ми всі, не усвідомлюючи того, дихаємо повітрям лібералізму ось уже чотири сторіччя. У цьому полягає головна причина того, що ліберальні партії в європейських країнах втратили свій вплив. Загальні ліберальні цінності стали інтегруючим фактором, сприятливою базовою основою політичної конкуренції, визначення і реалізації адекватної соціальної, економічної і суспільної політики, гармонізації інтересів усіх суспільних груп. Коли цінності стають надбанням усього суспільства, тоді вони втрачають свою політичну функціональність між складовими певного співтовариства у внутрішній політиці і стають тим загальним базисом, на якому виростає політична функціональність цінностей, які розділяються всім співтовариством.

Механізм пошуку адекватної політики і гармонізації групових інтересів формується на основі ліберальних цінностей. В Україні ці процеси здійснюються між об'єднаними силами партій соціал-демократичної, ліберальної і консервативної орієнтацій і партіями комуністичної спрямованості, що засновують свою діяльність на якісно різних цінностях і єдність яких забезпечується головним чином правовою й інституціональною системами, що випробовують у цьому зв'язку надмірні перевантаження, з якими здатна, справитися лише високопрофесійна пануюча еліта.

Поєднання цих цінностей є життєво важливим як для ліберальних, так і для консервативних політичних сил, воно здатне лібералізувати їх до рівня європейських стандартів, наповнити новим змістом прогресивного характеру, що відповідає потребам трансформації українського суспільства в сучасних умовах. Без участі ліберального і консервативного руху в суспільній трансформації, остання може здійснюватися виключно в авторитарних історичних формах. Мета і завдання цих політичних рухів об'єктивно збігаються в сучасних історичних і політичних умовах модернізації українського суспільства.

У процесі нинішньої суспільної трансформації названі політичні рухи з необхідністю повинні один одного доповнювати, конструктивно співробітничати і взаємодіяти. Глибоко помилковим є розповсюджений у літературі підхід до моделі суспільно-політичного розвитку українського суспільства, в якому головною буде суперечність, яку умовно можна було б позначити антиномією "лібералізм-консерватизм", а всі інші ідеології, такі як комунізм, антикомунізм та націоналізм, за умови успішності економічних реформ, відійдуть в історію.

Таке розуміння моделі найближчого майбутнього українського суспільства не відбиває характер і особливості розвитку посткомуністичного суспільства, неадекватно політично орієнтує ліберальну і консервативну партії в Україні, несе в собі деструктивно-руйнівний потенціал для сучасної суспільної трансформації. Не тільки сьогодні, але і найближче майбутнє, а ймовірно і віддалене майбутнє будуть визначатися в моделі конфлікту ліберально-консервативного і комуністичного політичних рухів, а також партійно-політичних форм що їм відповідають, за умови збереження демократичного режиму влади. Саме структура цього конфлікту складає основу сучасного партійно-політичного розвитку, становлення партійної системи в Україні. Сучасна проблема ліберально-консервативного напрямку полягає в його надто слабкій консолідованості, що носить ситуативний характер, не має інституціональної форми, відзначається високою атомізованістю як у ліберальному, так і в консервативному русі вкрай ускладнює їхню взаємодію.

Характерною рисою і вихідною позицією процесу формування партійної системи в Україні є участь соціал-демократичного руху в реалізації ліберальних цінностей, здійсненні ліберальної трансформації суспільства. Лише спільні дії соціал-демократичних сил з ліберально-консервативними силами в парламенті в даний час істотно змінили розташування сил у законодавчому органі влади, створили можливість об'єднання зусиль виконавчої і законодавчої влади в забезпеченні продуктивності перехідних процесів у країні. У рамках цього процесу формуються стійкі зв'язки і відносини між соціал-демократами і партіями ліберально-консервативної орієнтації.

Очевидно, що партійна структуризація в рамках цих протопартійних систем є однією з тенденцій становлення партійної системи в Україні. Зміна чисельного складу партійних фракцій у парламенті виступає лише одним з показників цієї тенденції.

Загалом процес становлення партійної системи України має свої специфічні риси й особливості, обумовлені історичними і національно-культурними, соціально-економічними, політичними й іншими геополітичними умовами і факторами, що

впливають на цей процес і визначають багато в чому характер і зміст проблем, від розв'язання яких залежить процес її становлення. Формування і функціонування партій і партійної системи об'єктивно не може не нести в собі спадщину минулого досвіду, що передається з покоління в покоління, цінностей та ідей, навичок політичної участі, форм і способів взаємин громадян соціальних груп із владою і політичною елітою. Усе це знаходить висвітлення в політичній свідомості і культурі суспільства, його політичних традиціях, специфічним чином пануючої еліти, що виявляється в діяльності, суспільних груп, політичних партій, державної влади і громадянського суспільства.

В українських партіях на сьогодні відсутні внутріпартійні механізми розв'язання конфліктів, а якщо вони і передбачені, то найчастіше носять формальний характер, спрацьовують під визначеним партійно-політичним тиском. Проблема полягає не стільки в механізмах розв'язання конфліктів, скільки в культурі їхнього вирішення, поза якою механізми марні. Партії ще не стали дійсними носіями демократичних цінностей, а їхній демократизм є похідним від інтересів, що представляються ними, і цінностей, виражених насамперед через лідерів. Потреба демократії в партіях визначається її функціональністю до елітарних партійно-аристократичних і лідерських прагнень. Внутріпартійна демократія спрацьовує там і тоді, де і коли вона не суперечить партійній політиці, оцінкам партійного лідера. У цих умовах зміни партійної політики здійснюються з ініціативи партійного лідера, але не партійних мас. Останні скоріше можуть перемінити партію, але не лідера. Це зумовлюється ще й тим, що під час кризи довіри виборців політичним діячам має більше значення, аніж аналіз партійних програм. Та й сам процес формування партій, наразі відбувається довкола виразної групи лідерів.

Нездатність партій досягати компромісів, вирішувати внутріпартійні конфлікти виявляється неминуче у сфері міжпартійних відносин. Характер внутріпартійних відносин не може не мати виходу в сфері міжпартійних відносин, у якій взаємодіють значно більш неоднорідні інтереси і цінності. Саме у сфері внутріпартійних відносин здобувається новий досвід, формується демократична практика пошуків і вироблення взаємоприйнятних рішень, досягаються компроміси інтересів, гармонізуються цінності, визначаються оптимальні і конструктивні шляхи і засоби, реалізації рішень, що є передумовою й умовою відповідних взаємин між партіями в їхньому спільному прагненні до вирішення проблем на рівні національної політики.

Партії не можуть бути різними у сфері внутріпартійних і міжпартійних відносин. Справжня сутність партії виражається у внутріпартійних відносинах, що у відкритій чи прихованій формі виявляються в міжпартійних відносинах і виступають у вигляді своєрідної моделі, багатьма рисами якої, буде наділене все суспільство при правлінні носія цієї моделі. У цьому зв'язку вкрай важливу актуальність здобувають питання партійного будівництва в посттоталітарних, посткомуністичних країнах, у яких за допомогою розширення і поглиблення правового регулювання діяльності політичних партій необхідно заповнити дефіцит демократичних традицій, досвіду і навичок, колективних форм прояву політичної активності, вираження і захисту політичних інтересів. У цьому зв'язку важливим є процес правової інституціоналізації політичних партій, який означає перетворення їх у правовий інститут шляхом все

більш широкого регулювання правом комплексу відносин з утворенням, організацією й діяльністю партій. Право, поза яким політика самознищується, повинне виконати в цих умовах компенсуючу роль у регулюванні як внутріпартійних, так і міжпартійних відносин. У цьому сенсі воно є найважливішим інструментом і фактором формування цивілізованої й ефективної партійної системи українського суспільства в перехідних умовах.

Перехідний характер економіки, якісна зміна основ, принципів і механізмів її функціонування і розвитку, здійснювана державою в умовах глибокої соціально-економічної кризи, падіння життєвого рівня більшості населення, соціальної поляризації, криміналізації економіки і політики складають значну сукупність проблем, вирішення яких значною мірою визначає зміст процесу становлення партійної системи України.

Особливого значення набуває проблема співвідношення і взаємодії партійних і непартійних форм політичної активності в політичних процесах у структурах законодавчої і виконавчої влади. В українській політиці суб'єкти економічного життя не обмежилися формами непартійної політичної активності, впливом на партійні структури, відносинами політичного бартеру з владою і партіями, але й активно вторглись у сферу партійно-політичного життя, увійшли в партійну еліту країни, поставили під контроль чи безпосередньо очолили значну частину партій і фракцій у парламенті. Жодна з політичних партій, представлених у парламенті, не уникла впливу груп економічних інтересів, фінансово-промислових, кланово-олігархічних угруповань. Відсутність державного фінансування політичних партій, їхня реальна нечисленність і мізерні засоби, одержувані від сплати членських внесків, змушують партії звертатися до спонсорів, що не тільки впливають на партійну політику, але й кінцево кінцем підкоряють своїй волі партійні механізми, займають лідерські позиції. Як правило, фінансові засоби даються під конкретного лідера і його становище як лідера залежить від цих засобів. Лідерами партій стають ті, хто здатний забезпечити фінансування партій. Здебільшого ця тенденція виявляється в прагматичних, центристських партіях. У меншій мірі це явище характерне для ідеологічних партій, у яких цінності домінують над інтересами. Усе це веде до посилення олігархізації партій і особистої влади партійних лідерів, до реального вираження партіями корпоративних економічних інтересів, природа яких егоїстична, конфліктна, часто несумісна з іншими корпоративними і суспільними інтересами в одній партійній структурі, що викликає їхні розколи, підсилює роздробленість, атомізацію і поляризацію партійно-політичного життя та є деструктивним фактором у формуванні партійної системи українського суспільства.

За цих умов економічна еліта стає основним каналом формування правлячої еліти, яка є провідним суб'єктом партійної системи і залежність якої від суб'єкта опозиції визначається політичним статусом і роллю останнього, реальним представництвом у парламенті, соціальною базою, правилами гри.

Аналізуючи вплив інституціональних факторів на формування і функціонування партійних систем, слід відзначити, що потреби й інтереси, суперечності і конфлікти як на стадії прояву, так і на стадії врегулювання здійснюються у визначених партійно-політичних, державно-правових, інституціональних формах, що впливають на

них і модифікують їх, значною мірою обумовлюючи характер, зміст і міру їхньої реалізації. Зміст партійно-політичного процесу виявляється у визначеній інституціональній формі, що впливає на зміст, але форма визначається саме змістом. Між ними повинна бути відповідність, порушення якої тягне за собою зниження продуктивності політичних процесів і суспільно-політичного розвитку.

Але, якщо зміст визначається насамперед об'єктивними чинниками, то форма значною мірою залежить від суб'єктивних факторів, свідомості суб'єктів політики, що визначають інституціональний, нормативний, правовий і політичний порядок у суспільстві, організацію і структуру держави і політичної системи в цілому. Форма додає упорядкованості політичним процесам, виступаючи як каталізатор одних з них і стримуючий фактор – інших. Вона здатна виконувати як конструктивну, так і деструктивну роль.

Таким чином, партійна система, що виражає інтереси і потреби соціальних груп і суспільства загалом знаходиться в залежності і значною мірою визначається державно-правовими, інституціональними формами, з якими вона взаємодіє і за допомогою яких розв'язуються конфлікти і суперечності, узгоджуються і реалізуються інтереси й цінності суб'єктів політики. Невідповідність між партійною системою й інституціональною системою (форма правління, державного устрою, політико-правовий режим) веде до втрати ефективності державної влади, загострення суперечностей і конфліктів, соціально-економічної і політичної дестабілізації суспільства, що зрештою обумовлює необхідність реформування державно-правової інституціональної системи чи веде до розпаду партійної системи, радикального партійного перегрупування, її трансформації в інший стан.

На сучасному етапі партійно-політичного розвитку України найбільш оптимальним варіантом, на думку автора статті, є формування ліберально-консервативного руху, заснованого на об'єднанні цінностей двох ідеологічних систем. Лібералізація консервативного руху наблизить українське суспільство до європейських соціокультурних, економічних і політичних стандартів, додасть йому прогресивного характеру, що відповідає потребам його сучасної трансформації. Разом із тим, можливо, оптимальною моделлю, на мій погляд, може бути і антиномія ліберально-консервативного і комуністичного руху, що відповідає їх партійно-політичним орієнтаціям на подолання конфлікту, збереження демократичного режиму влади і стабілізації партійної системи України.

Поступило в редакцію 22 лютого 2004 г.

УДК 342.525

А. М. Дегтеренко, М. В. Булик

**ПОЛІТИЧНІ ПРОГРАМИ ЯК ФАКТОР ВПЛИВУ НА СУСПІЛЬСТВО НА
ПРИКЛАДІ ВИБОРІВ ДО ВЕРХОВНОЇ РАДИ УКРАЇНИ
в 2002 р. в м. МАРІУПОЛІ**

У даний час стає очевидним посилення ролі інформаційної сфери діяльності людства у загальному розвитку сучасного суспільства. У розвинених країнах сфера високих інформаційних технологій поступово стає основним джерелом економічного зростання, визначає структурні зрушення в економіці, забезпечує взаємодію між людьми, різними соціальними стратами і громадськими структурами, між громадянським суспільством і владою. Невипадково питання про використання інформаційних технологій у виборчих кампаніях є предметом постійного дослідження політологів, соціологів, економістів.

Питанням політичної комунікації в умовах розвитку сучасних інформаційних технологій присвячені роботи зарубіжних дослідників Д. Батлера, Б. Бірельсона, Дж. Бредфорда Делонга, Х. Года, Л. Гроссмана, К. Дойча, Д. Істона, Д. Куа, П. Лазарсфельда, У. Липпмана, Н. Негропonte, Л. Пая, А. Етціоні, українського вченого Н. Костенка, В. Бадріака [1, с. 19-41], В. Бобика [3], Т. Джига [7], О. Мелешенко [9], Г. Почепцова [12, 13, 14], Д. Яковлева [21, с. 116 – 123], В. Шкляра [20], російських дослідників Т. Андреевої, Е. Блажнова, С. Блека.

Фактичну основу дослідження склали матеріали проведеного автором аналізу публікацій видань під час виборчої кампанії, аналізу політичних програм, соціологічних опитувань та прогнозів політико-аналітичних установ, а також конкретних подій виборчого процесу, що відбувалися і були прямо пов'язані з пресою Маріуполя, Донецької області, України загалом, а саме – з визначенням ступеню впливу видань на громадську думку.

Мета дослідження полягає у комплексному вивченні та визначенні факторів ефективності впливу інформаційно-комунікативних технологій під час передвиборчих кампаній в Маріуполі, аналізі передвиборчих програм, як одного з основних інструментів інформаційно – комунікативних технологій.

Об'єкт дослідження – передвиборчі програми, як основні системи інформаційно-комунікативних технологій виборчої кампанії 2002 року в Маріуполі.

Предмет дослідження – взаємозв'язки і взаємовпливи комунікаційних систем і електоральних процесів.

При дослідженні теми автор виходив із вимог загальнонаукових, філософських та політологічних принципів пізнання, а саме: принципів детермінізму, системності, синергетичного визначення історії політичної думки у сфері інформаційно-комунікативних технологій та історизму.

Недостатня розробленість передвиборчих програм політичних партій та блоків, окремих кандидатів залишається однією з найгостріших проблем в процесі проведення виборчих кампаній у сучасній Україні. Світовий досвід довів, що передвиборча програма є одним із важливих факторів у процесі досягнення загальної перемоги на виборах, одночасно, вона є одним з вагомих чинників впливу на політичні уподобання виборців. У країнах розвинутої демократії політична програма виконує функції ідентифікації певної політичної сили або окремого кандидата, вважаючись їхнім головним інтелектуальним надбанням та, відповідно, проектом розвитку певного суспільства та держави на кілька наступних років. Одночасно слід зазначити, що, пропонуючи певну політичну програму, кандидати на отримання влади несуть повну відповідальність за виконання програмних настанов не лише перед населенням країни, а, насамперед, перед власною партією чи тими силами, що висували кандидата.

Загалом передвиборча програма спрямована на досягнення наступних цілей:

- отримання та закріплення за політичною силою або кандидатом підтримки та схвалення власних стабільних прихильників: активістів-волонтерів; фінансових донорів, які забезпечують тим самим захист своїх економічних та фінансових інтересів; частину номенклатури, яка пов'язує свої очікування з приходом до влади даної політичної сили чи окремого кандидата;
- рекламування та пропагування політичної сили чи окремого кандидата в очах тієї частини електорату, що досі не визначилася з власними уподобаннями, насамперед молоддю. Відсутність чітко окреслених політичних інтересів серед значної частини цієї категорії населення дозволяє впливати на їхній політичний вибір шляхом створення привабливих гасел та популярних вимог. При цьому слід брати до уваги нестабільність цих уподобань та необхідність проведення постійного інформування з метою підтримання інтересу до кандидатів серед тих, хто ще не визначається з вибором. Оскільки таких переважна частина суспільства – політична програма спрямована насамперед на них;
- дестабілізація, спроба розколу серед безсумнівних політичних суперників, які будуть змушені шукати адекватні відповіді на вимоги “ворожої” передвиборчої програми. Тим самим будуть змінені головні напрями діяльності суперників, передусім, на захист власних позицій у тих чи інших питаннях політики, економіки, соціального забезпечення, одночасно, зменшиться рівень критики власної політичної програми кандидата. При цьому можлива поява нових прибічників шляхом висунення чітких програмних пунктів, які пропонують нові шляхи виходу з існуючої ситуації.

При цьому передвиборча програма виконує наступні функції:

- Інформативна – доступне викладення основних пунктів програми перетворень, що збирається проводити кандидат.
- Створення сприятливого іміджу, який відповідає певній ситуації в суспільстві, формування індексу “свій” в системі ідентифікації “свій – чужий”.
- Стабілізаційна – створення в очах місцевої номенклатури та бізнес-еліти феномену передбачуваності наступних дій кандидата. Це дозволяє зробити висновок про

безпеку приходу до влади певної політичної сили чи кандидата для корпоративно-номенклатурних та бізнес-інтересів місцевої еліти.

Передвиборча програма передбачає наявність документально закріплених поглядів кандидата чи політичних сил на ситуацію, що склалася, а також шляхи її реформування. Світовий досвід доводить, що передвиборча програма повинна включати до себе не більш, ніж 2 – 3 основних компоненти, що залежать від ситуації, що склалася в суспільстві. Так, наприклад, під час Великої депресії 1929 – 1933 рр. Ф. Д. Рузвельт запропонував у своїй програмі створити для американського суспільства систему соціального захисту, що стало в умовах жорстокої економічної кризи та відсутності соціальних гарантій бажаною панацеєю від всіх соціальних хвороб. Однак, менш ніж за 50 років по тому, кандидат у президенти США Р. Рейган ризикнув запропонувати обмежити соціальні виплати заради розвитку і модернізації американської економіки, що знову ж таки спрацювало. Схожі зміни в свідомості електорату спостерігались і в інших країнах. Це доводить необхідність наявності в передвиборчій програмі як вимог економічного, так і соціального характеру. Вони повинні залежати від існуючої ситуації в економіці і соціальній сфері діяльності суспільства.

Сучасний стан розвитку суспільства передбачає особливу привабливість вимог екологічного характеру. Це дозволяє, передусім, дистанціювати кандидата від “брудних політичних ігор”, а також “нечесних політиків”. Крім того, в умовах екологічної ситуації, що постійно погіршується, це дозволяє без особливих зусиль знаходити об’єкти критики (великі заводи, фабрики, АЕС та т.і.), які навряд чи зможуть швидко організувати відповідний інформаційний контрудар, який зміг би належним чином вплинути на погляди електорату. При цьому, є доволі ефективним, якщо ці підприємства належать до конкуруючої фінансово-промислової групи або галузі виробництва.

Сучасне становище ННД (нових незалежних держав), зокрема України, передбачає наявність в передвиборчих програмах вимог політичного характеру. Інтерес до внутрішньої та зовнішньої політики на даний момент продовжує вважатися одним із домінуючих факторів впливу на сучасне пострадянське суспільство. Це, в свою чергу, передбачає висунення або вимог, орієнтованих на розвиток національно-державного будівництва, або вимог відверто реваншистсько-ностальгічного характеру. При цьому слід враховувати регіон проживання, вік, рівень освіти електорату. Одночасно слід пам’ятати, що, безсумнівно, актуальні внутрішньо – та зовнішньополітичні орієнтири кандидатів втрачають свою привабливість на виборах в місцеві органи влади, де виборців насамперед хвилюють проблеми соціально-економічного характеру. В умовах економічної і соціальної нестабільності особливе значення отримують вимоги національного відродження, пошуку та ідентифікації зовнішніх та внутрішніх ворогів, винуватців національного приниження.

Таким чином, основними компонентами передвиборчої програми є пункти, що торкаються вимог соціального, економічного, політичного, екологічного характеру. Крім цього, можна виокремити фактори регіонально-сепаратистського характеру (Північна Ірландія, Країна Басків, Фландрія, Крим), релігійного характеру (Боснія і

Герцеговина, Північний Кавказ, Північна Ірландія); а також різноманітні вимоги, що відповідають особливостям існування певного регіону.

Структура передвиборчої програми передбачає кілька компонентів:

- вступ – короткий огляд ситуації, що склалася; включаючи локалізацію основних проблем, що стоять перед суспільством;
- пункти програми, які викладають погляди кандидатів на шляхи вирішення проблем;
- заклик, гасло, яке повинно закріпитися в свідомості виборця та чітко ідентифікуватися з кандидатом. Під час безпосередньої передвиборчої кампанії це гасло повинно безперервно нагадувати електорату про кандидата, створювати в нього ефект упізнавання “старого знайомого” [3, с. 31].

Вступ до передвиборчої програми для опозиційного кандидата передбачає наявність кількох проблем, які не знайшли вирішення до цих пір, або ще краще, створених існуючою владою. Серед них особлива увага приділяється соціальним питанням: неефективності пенсійної системи; виплат по безробіттю, материнству; відсутності роботи, високому рівню безробіття; злиденності старих; невлаштованості молоді; неефективності медичного обслуговування та соціального страхування; нестаткам викладачів та лікарів [19, с. 78]. Крім того, значна увага приділяється важкому становищу промисловості; складній екологічній ситуації.

Вступ для кандидата від влади передбачає короткий перелік результатів, досягнутих за попередній строк правління. При цьому увага, головним чином, звертається на пріоритетні для виборців питання. На думку авторів, не слід уникати актуалізації існуючих соціально – економічних та політичних проблем, однак вони повинні виходити з об’єктивних причин, що не залежать від волі кандидата. У наступній частині програми повинні бути накреслені шляхи вирішення поставлених проблем, стратегія подальшого розвитку суспільства, регіону, країни.

Локалізувавши проблеми, кандидат пропонує шляхи вирішення останніх. Важливо дати відповідь на всі поставлені у вступі питання, запропонувавши свої ексклюзивні варіанти. На перше місце звичайно ставляться соціальні проблеми, пропозиції економічного характеру. Залежно від існуючої ситуації значну роль можуть зіграти і вимоги внутріполітичної єдності, або активізації зусиль у сфері зовнішньої політики.

Не зважаючи на обмежені можливості передвиборчої програми слід, максимально більш чітко та детально визначити алгоритм рішення тієї чи іншої проблеми, уникаючи при цьому складних абстрактних фраз або “заїжджених” словесних штампів. Передвиборчі програми провідних політичних партій в країнах розвинутої демократії тяжіють до локалізації своїх програмних настанов, відходу від великих універсальних “програм-панацей”. Такі програми розраховані на вирішення конкретно поставлених актуальних завдань протягом певного строку (4-5 років). При цьому, існуюча проблема повинна бути вирішена у відредений місцевим законодавством термін. Необхідно зазначити, що подібні тактичні розробки завжди знаходяться в руслі стратегічної програми політичної сили, що, зазвичай, розрахована на наступні 10-30 років.

Передвиборче гасло представляє собою вислів, який повинен легко запам'ятовуватися та чітко ідентифікувати кандидата. Наприклад: “В. Іванов – наш Президент!”; “Злодій повинен сидіти в тюрмі” – В. Іванов”; “За вашу і нашу свободу!” і т.і. Краще уникати двозначних тлумачень, що можуть розумітися по-різному, а також таких формулювань, що легко трансформуються в зворотні значення [14, с. 47].

Аналіз політичних програм на виборах 2002 року в Маріуполі дозволяє говорити про кілька характерних особливостей, властивих як українським реаліям взагалі, так і тих, що відображають безпосередньо місцеву специфіку. Ці фактори заключаються у наступному:

- Пріоритетне значення проблем соціального розвитку, передусім, реформи медичного обслуговування, освіти, соціального страхування; вирішення проблем безробіття та створення нових робочих місць; підвищення заробітної платні вчителям та лікарям.
- Вплив великих металургійних та машинобудівних підприємств на ситуацію в місті, в тому числі – на виборчу кампанію. У зв'язку з цим, важливим для благополуччя городян є подальший інтенсивний розвиток промислових підприємств міста.
- Надзвичайна складна екологічна ситуація, що склалася на сьогоднішній день в Маріуполі.
- Розвиток курортної бази Маріуполя, перетворення його на сучасний центр відпочинку мешканців та гостей міста [15, с. 3; 16, с. 3-4].

Вивчення програм кандидатів у народні депутати по 55-56 одномандатних виборчих округах показало, що, в більшості випадків, кандидати зробили ставку не на програму конкретних пропозицій подальшого розвитку міста, регіону та країни загалом, а на критику існуючого становища в Україні та проголошення популістських гасел, не підкріплених реальними практичними кроками. Передвиборчі програми виконували допоміжну функцію у проголошення особистих поглядів кандидатів, не несучи при цьому необхідного інформативного та стабілізаційного навантаження. Більш того, в багатьох випадках кандидати не намагалися навіть досягнути в очах виборців створення привабливого іміджу, навмисно радикалізуючи свої програмні настанови, або значно ускладнюючи інформаційне навантаження програм складними реченнями та специфічними термінами. У значній мірі в програмах кандидатів відсутнє розбиття матеріалу на логічні блоки програмних вимог.

Аналіз вступу в передвиборчих програмах доводить, що кандидати від опозиції зробили наголос на критику існуючої влади та “пропаганду” складного становища сучасної України. Найбільш популярними для них проблемами були:

- масове зубожіння населення, корупція в органах влади, економічна криза, злочинні махінації при проведенні процесу приватизації;
- відчуженість владної еліти України від основної маси населення;
- складна екологічна ситуація.

Одночасно деякі кандидати обрали за об'єкт критики більш конкретні явища. Так, наприклад, П. Л. Шмачков наголошував на негативному впливі на місто великих промислових підприємств та необхідності підпорядкування інтересів власників металургійних комбінатів інтересам всіх маріупольців [6, с. 2]. На думку авторів,

такий тактичний хід лише зашкодив кандидату, оскільки: по-перше, значна частина городян прагне на цих підприємствах і такі вимоги вступають в пряме протиріччя з корпоративними почуттями городян (працівниками металургійного комбінату імені Ілліча, “Азовмаш”, “Азовсталь”); а по-друге, вкупі з тим, що даний кандидат належав до блоку “Наша Україна”, це доводило намагання центру підпорядкувати собі промисловий потенціал регіону та його підприємств. Кандидат в народні депутати Р. М. Мойсідіс, виходячи з програмних настанов “Блоку Наталії Вітренко”, зауважував на руйнівній ролі Міжнародного валютного фонду та різноманітних міжнародних фінансових організацій, основною метою яких є “колонізація нашої держави через політику ліберальної економіки, масової приватизації, усунення народу від впливу на владу” [16, с. 4]. Це повинно було привернути увагу та прихильність антизахідно налаштованих, соціально незабезпечених верств суспільства.

Кандидати від влади, в свою чергу, не заперечуючи тяжкий стан українського суспільства, критикували системні недоліки, одночасно наголошуючи на досягнутих ними результатах, необхідності продовження економічних реформ, недопущенні соціально-економічних потрясінь у суспільстві [15, с. 3; 16, с. 4]. При цьому слід зазначити, що на відміну від минулих виборів практично всі провідні політичні сили висунули на вибори до Верховної Ради та на посаду міського Голови єдині чітко узгоджені кандидатури, спрямувавши всі підконтрольні інформаційні ресурси на їхню підтримку [11, с. 4; 10, с. 5].

Програмні настанови в основному торкалися економічної, соціальної сфери, вимог викорінення злочинності, корупції, боротьби з тіньовою економікою, зменшення чисельності адміністративного апарату. Одночасно більшість кандидатів не змогла чітко окреслити свої пропозиції, обмежившись декларуванням свого негативного ставлення до проблем та готовності вирішувати їх після обрання на заявлені посади. Фактично, кандидати лише завізували про власний хист “пророків у своїй Вітчизні”. Разом із тим, деякі депутати запропонували відносно чітку програму своїх кроків на посаді народного депутата. Так, С. А. Матвієнков основний наголос зробив на розвитку національної економіки, реформі житлово-комунального господарства, адміністративній реформі, необхідності зняття з депутатів недоторканості, прийнятті нового пенсійного законодавства, забороні участі українських Збройних сил у зовнішніх військових конфліктах [15, с. 3]. Одночасно він практично не торкнувся екологічних проблем, зупинившись лише на охороні Азовського моря. Той факт, що С. А. Матвієнков є представником комбінату імені Ілліча, привів до появи в ЗМІ звинувачень у небажанні вирішувати екологічні питання, пов’язані з негативним впливом великих підприємств на довкілля Маріуполя [18, с. 2].

Кандидати від КПУ запропонували єдину програму, прийняту на з’їзді партії, звичайно, із врахуванням маріупольської специфіки. Їхні програмні настанови характеризувалися наявністю традиційних вимог партії, одночасно з’явилися пункти, що були спрямовані на певні електоральні групи (“Програма відселення жителів зі зсувної зони і зони затоплення в місті Маріуполі” та “проти соціального паразитизму”) [15, с. 3; 16, с. 4].

Кандидати від “Нашої України” обмежилися в більшості своїй декларативними гаслами та сподіваннями на авторитет лідера блоку. Однак в Маріуполі після дов-

готривалої інформаційної блокади та негативного ставлення в місцевих ЗМІ це, на думку авторів, привело лише до негативних результатів. Цей момент намагався взяти до уваги А. М. Мороз, який, спираючись на підтримку “Нашої України”, намагався уникати ототожнення з нею, декларуючи себе як незалежного кандидата [16, с. 3]. Він запропонував в основу поставити принцип гуманізації – спрямування всіх зусиль влади на благо людини та ставку на власні можливості України. Крім того, у своїх програмних вимогах, він наголошував на необхідності вибіркової націоналізації промислових підприємств, вже раніше приватизованих, впровадженні єдиного державного податку, ліквідації системи контрактів у ВНЗ, обов’язковому працевлаштуванні випускників після закінчення шкіл, ПТУ, технікумів, ВНЗ [6, с. 12]. А. М. Мороз запропонував впровадження кількох соціальних програм, спрямованих на молодь, повернення вкладів Ощадбанку, однак при цьому не деталізував механізми вирішення цих проблем. Значна увага була приділена екологічній ситуації в Маріуполі: запропонований жорсткий контроль над повітрям, очищення місцевих річок [15, с. 3; 16, с. 3-4].

Традиційно актуальним у програмах кандидатів залишалося питання статусу російської мови. Вважаючись переважно російськомовним містом, населення Маріуполя досить чутливе до вимог надання російській мові державного статусу. Однак, цей пункт у програмах кандидатів в 2002 р. перестав бути серед основних [15, с. 3; 16, с. 3-4].

У сфері зовнішньополітичних орієнтирів більша частина кандидатів виступала за більш тісні зв’язки з сусідніми країнами, особливо виділяючи Російську Федерацію. Причини цього полягають у тісних зв’язках місцевого населення з російським та вигідності економічного партнерства з сусідами [16, с. 3-4; 11, с. 5; 17, с. 1].

Нарівні з традиційними вимогами, в програмах кандидатів фіксувалися достатньо несподівані пропозиції. Так, у програмі кандидата в народні депутати по 56 одномандатному виборчому округу В. В. Черевко було запропоновано тимчасово перенести столицю з Києва до Харкова з метою “зруйнування зв’язків чиновників корумпованих кланових угруповань” [16, с. 4]. Кандидат в народні депутати ВР України по 55 виборчому округу А. М. Сопільник запропонував “проект двоетапного руху до справжньої демократії”. Перший етап – етап конституційної диктатури, розрахований на два роки. Він включає політику духовної революції, антитерору та реформ у сфері моралі та духовності, економіки, права, соціального забезпечення. Тим самим кандидат на першому етапі своєї діяльності свідомо обмежує демократичні права та свободи громадян заради досягнення загального “щастя та прогресу” [15, с. 3]. Другий етап – “період справжнього демократичного розвитку та створення атмосфери стабільності та оптимізму” [15, с. 3]. Слід зазначити, що наряду з відверто нереальними вимогами, ця програма пропонує достатньо чіткі шляхи подальшого розвитку суспільства.

Сучасний досвід використання передвиборчих програм в Україні доводить існування кількох визначальних факторів.

По-перше, програми в основному представляють собою не реальні пропозиції нових шляхів розвитку суспільства, а перелік громіздких, і, в більшості своїй, популістських гасел, що виражали передбачувані сподівання населення.

По-друге, програми різних за ідеологією політичних сил часто не відрізнялися між собою програмними настановами, що свідчить про нерозвиненість ідеологічної бази більшості українських політичних гравців.

По-третє, програмні настанови часто не відповідають змінам, що відбуваються в суспільстві. Прийняті 5-8 років назад, вони до цього часу складають основу передвиборчих програм. При цьому, основні сподівання на перемогу покладаються або на традиційні політичні уподобання тих чи інших верств населення, або на виборчі технології чи прихований адмінресурс.

Логічним наслідком цих явищ є недовіра значної частини електорату до політичних програм, які вважаються лише передвиборчими "приманками" для населення. У свою чергу, невиконання програмних настанов політичними партіями та окремими кандидатами приводить до посилення недовіри суспільства до передвиборчих програм. Таким чином, визначаючись зі своїми політичними уподобаннями виборці вимушені керуватися особистими симпатіями до того чи іншого кандидата, їхньою політичною "легендою", та поведінкою, яка імпонує населенню.

Таким чином, на сьогоднішній день в українському суспільстві передвиборчі програми не виконують всього обсягу завдань, які звичайно покладаються на них. Для політичних партій та окремих кандидатів доволі актуальним є проблема розробки реальних чітких програм, здатних дійсно зацікавити виборців та змінити існуюче критичне ставлення до них на більш сприятливе. Автори вважають, що необхідно відкинути принцип створення універсальних "програм-панацей", запропонувавши замість цього чіткі, детально викладені, хронологічно локалізовані шляхи вирішення соціальних, економічних, політичних проблем.

Одночасно суспільство повинно зайняти більш активну позицію під час розробки передвиборчих програм, зайнявши не пасивно-спостережну, а активно-партнерську позицію стосовно політичних сил та кандидатів. Формування громадянського суспільства в Україні передбачає створення відповідальних політичних структур, які стануть вважати для себе більш вигідним розробку дійсно актуальних передвиборчих програм, і що найголовніше, після виборів будуть виконувати свої обіцянки. У свою чергу, це стане запорукою їхньої перемоги на наступних виборах. Таким чином, повинен створитися механізм взаємної відповідальності громадян та владних структур.

Аналіз передвиборчих програм на виборах 2002 року в Маріуполі показав, що вони до цього часу не перетворилися на детермінанту діяльності політичних сил та окремих кандидатів. Програмні настанови продовжують грати другорядну роль у процесі передвиборчої кампанії. Більшість кандидатів у своїх програмах обмежуються висуненням декларативних гасел, які могли б допомогти їм досягнути популярності серед населення. У висуненні вимог кандидати орієнтуються, переважним чином, на соціальну, економічну, правову сфери та критику діючої влади.

Список літератури

1. Бадрак В. Імідж кандидатів на посаду президента України // Українська журналістика в контексті світової. Зб. наук. праць. Вип.3 За заг. редакцією проф. Шкляра В.І. – К.: Центр вільної преси, 1999. – С. 19-41.
2. Бадрак В. Роль ЗМІ в період передвиборчої кампанії // Роль преси в процесах державотворення: Зб. наук. праць Інституту журналістики Київського університету ім. Т.Шевченка. – К., 1998. – С. 120-122.
3. Бебик В.М. Маркетинг та менеджмент виборчої кампанії (методичні рекомендації). – К., 1997.
4. Блажнов Е.А. Паблик рилейшинз. – М., 1996.
5. Блэк С. Введение в паблик рилейшинз. – Р-на-Д., 1998.
6. Верьте им, люди / Программы кандидатов в народные депутаты // Азовские новости. – 2002. – 21-27 марта. – С. 1-3.
7. Джига Т.В. Застосування елементів відеориторики в політичній рекламі // Наукові записки Інституту журналістики. – К.: Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Інститут журналістики, 2001. – Том 5. – С. 84-87.
8. Дмитриев А.В. Неформальная политическая психология. – М., 1996.
9. Мелешенко О.К. Комп'ютерні і телекомунікаційні технології як гарант інтеграції журналістики України в світовий інформаційний простір. – К.: Центр вільної преси, 1998.
10. Михайлов М. А. Колониари: я несу политическую и моральную ответственность за свои обязательства // Приазовский рабочий. – 2002. – 15 марта. – С. 5.
11. Народный депутат Сергей Матвиенков // Приазовский рабочий. – 2002. – 19 января. – С. 4.
12. Почепцов Г. Вступ до інформаційних війн. – К.: Центр вільної преси, 1999.
13. Почепцов Г. Паблик рилейшенз, или как успешно управлять общественным мнением. – М.: Центр, 1998.
14. Почепцов Г. Как становятся президентами: избирательные технологии XX века. – К., 1999.
15. Програми кандидатів у народні депутати України по одномандатному виборчому округу № 55 // Приазовский рабочий. – 2002. – 19 февраля. – С. 3.
16. Програми кандидатів у народні депутати України по одномандатному виборчому округу № 56 // Приазовский рабочий. – 2002. – 19 февраля. – С. 3-4.
17. Семусев И. Мы сделаем Мариуполь одним из лучших городов Европы // Приазовский рабочий. – 2002. – 18 января. – С. 1.
18. Три судьбы мариупольца / А. Ковалева // Азовские новости. – 2001. – 6-12 декабря. – С. 1-2.
19. Фаер С. Приёмы стратегии и тактики предвыборной борьбы. – СПб., 1998.
20. Шкляр В.І., Бадрак В.В. Преса та електорат / Журналістика. Вісник Київського університету ім. Т. Шевченка. Вип. 7. – К.: Видавничий центр "Київський університет", 1999. – С. 46-49.
21. Яковлев Д.В. Политический процесс в правовом государстве: роль СМИ // Правова держава: Зб. наук. пр. – Одеса: Астропринт, 2000. – № 2. – С. 116-123.
22. Яковлев Д.В. Социологические интерпретации политической реальности // Правова держава: Зб. наук. пр. – Одеса: Астропринт, 2001. – № 3 – С. 199-203.

Поступило в редакцію 14 юнія 2004 г.

УДК 316.64, 316.32

А. Г. Стариш

**ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ГЕНЕЗИС, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Формат проблемы

Войдя в третье тысячелетие, человечество должно признать свершившийся факт: формирование ойкумены – социальной составляющей ноосферы – практически завершено. Базой-фундаментом такого утверждения стала тотальная глобализация информационных систем управления государств, позволившая сконцентрировать технологии управления всеми видами материальных и нематериальных ресурсов в информационных центрах, созданных цивилизацией. Соответственно завершено и распределение секторов влияния-управления биосферой [1 – 3].

На данном этапе существования цивилизации наиболее остро обозначился процесс перераспределения существующих геополитических разломов. Процесс перераспределения уже распределенного: достоянием истории стали ялтинско-хельсинкские договоренности XX века, резко ослабла значимость ООН. Встал вопрос о разработке принципиально новых парадигм и технологий управления, сохранения и стабилизации мирового порядка в постхолодновоевропейский период: ощущение неуклонной потери властных полномочий могут констатировать управляющие системы практически всех государств.

Главным вызовом современности стал процесс глобализации.

Семантическая полифония понятия «глобализации» очевидна. Появившись в начале 80-х годов XX века в недрах мировой экономической системы, слово «глобализация» посредством upgrade телекоммуникационных систем быстро диффундировало в иные сферы.

Мировые лидеры в большей или меньшей степени приходят к пониманию ойкумены как единого межсредового информационного пространства (МИП) – общей для цивилизации среды проявления, выявления и сопряжения интересов [2]. Именно борьба за степень владения и, как следствие, степень влияния на социумы, проживающие в постоянно дрейфующих в пространстве и времени границах стратегических интересов того или иного государства, определяет-выкристаллизовывает технологии поведения формальных лидеров политических систем на международной арене.

Любые действия по изменению скорости дрейфа существующих границ подразумевают наличие как минимум двух сторон – участниц процесса: когда интересы одной из них превалируют над интересами другой, когда закрепленные в двусторонних (многосторонних) международных договорах границы государств пересматриваются и нарушается баланс сил (интересов) государств. Всегда найдется как ми-

нимум еще одна сторона, интересы которой прямо или косвенно будут влиять на процессы такой трансформации. И если вплоть до Карибского кризиса активные военные действия начинались с артиллерийской подготовки, то сегодня эту функцию выполняет *информационная интервенция*.

В таком контексте очевидно, что страна, являющаяся инициатором изменения скорости дрейфа границ, с целью минимизации издержек должна владеть максимально возможной информацией о ситуации в стане оппонента. Очевидно также и то, что существующие международные пакты не позволяют в одностороннем порядке изменять физические границы существующих государств. Ситуация, на первый взгляд, патовая. Но выход из нее достаточно прост.

Трансформировать сознание зачастую проще, нежели материю. То есть управлять чужой страной можно через воздействие на ее политическую систему. Очевидно, для этого необходимо реально представлять положение дел в интересующей стране. На практике оказалось, что для такого управления не обязательно управлять социумом этой страны, основной мишенью внешнего агрессора (страны-инициатора) является непосредственно политическая система.

Подобные вызовы современности в сфере информационной безопасности [3 – 5] нуждаются в адекватном ответе. Признание проблемы информационной уязвимости влечет за собой задачи разработки и реализации новейших технологий информационной защиты – как личности, страны, так и цивилизации.

Негативным для конкретного социума следствием тотальной информатизации является давление на национально-культурную идентичность. И если для устоявшихся наций (например, французов или немцев) последствия такого давления не столь очевидны (хотя возможно, что в глобальном смысле именно эти нации первыми примут на себя негативные последствия тотальной информатизации), то для наций, государственность которых соответствует недемократическому или переходному (по шкале теории открытых систем – [2]) типам – это проблема первостепенна. Здесь тотальная информатизация может привести, что можно наблюдать уже сегодня, к размыванию и потере национально-культурной идентичности.

Следовательно, проблема формирования информационного общества, как социума отдельно взятой страны, так и цивилизации в целом, на рубеже тысячелетий достигла своего ситуативно-исторического пика. Неуправляемый процесс появления принципиально новых информационных пространств и сред циркуляции информации обострил вопрос об управляемости информационными процессами: фактически как проблему *информационной безопасности* государства, от которой ныне прямо зависят как внутренняя, так и внешняя политики мировых лидеров.

Межсредовое информационное пространство оказывает мощное влияние на функционирование нормативно-правовой: конституционной сферы государства, делает проницаемой пространственно-временную оболочку правового пространства государства как такового. Это, в свою очередь, приводит к нарушению управляемости как на государственном, так и межгосударственном уровнях.

Тотальная взаимозависимость государств от информационной взаимодиффузии требует концептуального решения проблемы управления-существования всей цивилизации. Ситуативное лидерство США в сфере информационных технологий в кон-

тексте реального политического цугцванга не только не дает основания полагаться на мирового лидера, но фактически заставляет остальных участников мирового политического процесса задуматься над собственными местом и ролью в процессе глобализации. Задуматься над перспективами и над вероятными последствиями, которые вызваны тотальной информатизацией.

Рассмотрим эту актуальную проблему сквозь призму политического, экономического и социального срезов.

Политический срез

Существующие системы контроля информации, включая систему Echelon [6 – 7], не позволяют объективно и адекватно воспринимать циркулирующие информационные потоки. Технологии сопряжения интересов, правила и формы международного сотрудничества и международных отношений, которые предложили миру США («Морской ангел» – 1991, «Гром в пустыне» – 1993, «Совместные усилия» – 1996, «Лиса пустыне» – 1998, «Союзная сила» – 1999, «Расплата» – 2001, «Шок и трепет» – 2003) на фоне транснациональных информационных операций, дают следующие основания для размышлений.

– время и место проведения кампаний 1991 и 1999 годов совпали с попытками Евросоюза ввести в денежный оборот эю и евро;

– мировой энергетический кризис сентября 2000 года вынудил США нарушить конституцию страны и вскрыть неприкосновенные запасы нефти;

– основания и обоснования последних двух кампаний США перед мировым сообществом так до сих пор и не выявлены;

– все эти действия были проведены без санкций ООН.

Стали даже высказываться мнения о том, что *обоснования* для проведения не только перечисленных кампаний, но и событий 11 сентября 2001 года не только разрабатывались, но и непосредственно «террористические акты» были *реализованы* соответствующими службами самих США [8].

Вывод становится очевидным:

мировой – данного исторического периода – лидер может справиться с возложенными самим на себя обязанностями, только постоянно нарушая существующие цивилизационные правила и договоры международных отношений.

Таким образом, перечисленные выше факторы позволяют утверждать, что:

– существующие представления о системе-инфраструктуре информационной безопасности государства требуют радикального переосмысления;

– на основании имеющихся методов и технологий государства не способны превентивно реагировать на потенциальные угрозы;

– информация, как самостоятельная субстанция, по мере развития и совершенствования информационных технологий все в большей и в большей степени выходит из-под контроля систем управления цивилизации. Причем такое положение вещей в значительно большей степени связано с наиболее развитыми государствами-системами, пытающимися взять на себя миссию вершителей судеб.

Вероятно, пришло время моделирования и разработки элементов принципиально новой парадигмы аналитических информационных матриц, определяющих методы

и технологии решения проблем безопасности как отдельного государства, так и цивилизации в целом.

Таким образом: *в политической сфере* информационные технологии, ускоряя процессы прозрачности, одновременно катализируют процессы формирования монополий и транснациональных корпораций – надгосударственных образований. Транснациональные корпорации концентрируют материальные и нематериальные ресурсы цивилизации, программируют и перепрограммируют политические системы государств. При этом средства массовых коммуникаций становятся действенным и пластичным инструментом манипуляции общественным сознанием, позволяющим дестабилизировать политическую ситуацию и провоцировать экономический и социальный взрывы.

В заключение этого раздела отметим следующее. Прогнозы, сделанные в 1999 году о коллапсе в ближайшие 15 – 20 лет США как мирового гегемона, едва ли не исчерпывающе совпадают с прогнозами американского исследователя И. Валлерстайна [9].

Экономический срез

Сегодня перечень реформ, которым подвергаются по установке МВФ и Всемирного банка различные страны-акцепторы, известен под названием «Вашингтонский консенсус». Впервые словосочетание «Вашингтонский консенсус» было употреблено в 1989 году американским экономистом Дж. Уильямсоном для обозначения шести базовых рекомендаций, предназначенных для применения-реализации государствами, пожелавшими реформировать свою экономику под соответствующим международным патронатом. Окончательно же сделало обязательным эту установку решение МВФ и Всемирного банка подчинить выделение своих займов принятию государством-заемщиком политики этого консенсуса. Сегодня установки Вашингтонского консенсуса трансформировались в условия предоставления займов МВФ:

- *государственная* политика привлечения инвесторов (предложения самого себя на продажу);
- сокращение до минимума *государственных* программ социального развития;
- превращение систем здравоохранения и образования в набор услуг, предоставляемых на коммерческой основе, отмена субсидий-дотаций на продукты питания и товары первой необходимости;
- создание валютных (*несобственной денежной единицы*) резервов;
- отсутствие государственного контроля нередвижения капиталов;

В результате реализации данных установок происходит *ненасильственное* перераспределение ресурсов – от бедных к богатым, осуществляется процесс концентрации и монополизации ресурсов.

В контексте глобализации проблема распределения и перераспределения ресурсов оказалась поднятой с государственного на межгосударственный уровень. Одним из механизмов распределения и перераспределения ресурсов является технология дефолта.

Известно, что дефолты могут быть двух типов: целенаправленный (управляемый сознательно, организованно) и нецеленаправленный – неуправляемый, возникший в

результате несогласованных действий системы управления, вызванных неадекватной оценкой системой управления складывающейся экономической ситуации.

В *нецеленаправленном* дефолте очевидно несопряжение законов природы и законов права.

В случае же *целенаправленного* дефолта – возникает проблема. Управляемый человеком дефолт, как и нецеленаправленный, приводит в итоге к негативным последствиям для стабильности общества. Но не для всех он имеет отрицательные последствия. Выигрывают те государства, в которых дефолт не разрушает гармонии законов природы и законов права.

Процесс глобализации мировой экономики привел к существенному росту количества дефолтов. В ретроспективной оценке причин известных дефолтов вырисовывается достаточно очевидная закономерность:

– *целенаправленные дефолты реализовывались в государствах, обладающих небольшим экономическим весом;*

– *нецеленаправленные дефолты происходили исключительно в экономически мощных державах.*

История невозврата долгов независимыми государствами, в том числе иностранным кредиторам, уходит своими корнями глубоко в античность, но именно на современном этапе развития цивилизации участились случаи дефолтов по долгам дебиторов, вызванные именно тем обстоятельством, что их бюджеты физически не в состоянии обслуживать накопившиеся задолженности.

Таким образом, в *экономической сфере* информационные технологии спровоцировали колоссальный разрыв между традиционным производством и капиталом, его обслуживающим. Торговые операции на рынке вторичных ценных бумаг, когда предметом купли-продажи является не *материальный*, но *нематериальный продукт* – то есть *ожидание* высокой ликвидности конкретного производства, привели к появлению колоссальной денежной массы, не обеспеченной эквивалентной товарной массой. Мировая экономическая система стала заложницей едва ли просчитываемого спекулятивного капитала, превышающего по своему объему бюджеты подавляющего большинства стран мира. Привязка же национальных валют к мировому монопольному эквиваленту – доллару поставила национальные экономики в жесткие рамки зависимости.

Такая ситуация привела к трансформации внутреннего содержания экономики: традиционные смысловые конструкции оказались «тесными» для нее. И экономика начинает проявлять себя не только как способ хозяйствования, но и как *доминирующая система управления*. В результате традиционные геополитические императивы начинают уступать первенство реалиям геоэкономическим. Смысловые акценты в международных отношениях смещаются от стремления территориального порабощения к порабощению воли и навязыванию постановки целей и задач – видения будущего и достижения стратегических горизонтов, определяемому геоэкономической конкуренцией и масштабным (цивилизационно-централизованным) управлением рисками. Фактически речь идет об информационном воздействии по заданной программе, направленном на трансформацию с целью подчинения или уничтожения произвольной экономической системы. Однако любая система, в со-

ответствии с принципом Ле Шателье–Брауна, катализирует процессы ответной реакции. И, таким образом, в мире разворачиваются виртуальные – не всегда понятные и заметные даже самим участникам мирового экономического процесса – геоэкономические противостояния, которые и закладывают фундамент нового мироустройства.

Социальный срез

Постановка проблем информационно-психологической безопасности социальных систем предъявляет к инструментарию исследований новые требования, принципиально отличные от требований решения проблем информационной безопасности. В основу такого рода инструментария должны быть положены методы, исходно базирующиеся на выделении специфики субъект-субъектных отношений, позволяющие в системе единых представлений исследовать проблемы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание.

Невозможно, например, переоценить значимость веры для человека. Вера постоянно требует поддержки и обновления потока информационных образов подсознания.

Более того, если для системы в целом критическим является человеческий ресурс, то для самого человека критическим процессом является именно процесс производства общественного сознания и подсознания индивидуумов. Собственно, главная опасность как раз и состоит в нарушении естественной технологии этого процесса. Производство виртуальной реальности, называемой «общественное мнение» или «массовое сознание», отнюдь не является прерогативой системы управления. Темпы этого процесса по мере приближения к нашему времени увеличиваются, а давление на элементную базу социума – возрастает.

В эволюции цивилизации необходимо признать наличие процесса «ментагенеза», (названного так по предложению российских исследователей В. Лачинова и А. Полякова) – рождения общественного сознания как отдельной самостоятельной сущности [10]. Он явился реальным этапом естественного развития вселенной и цивилизации. Процесс филогенеза начался около 100 тысяч лет назад, перешел в завершающую фазу этногенеза около 15 тысяч и 8-6 тысяч лет назад – в высшую фазу глобального формата процесса этногенеза.

Параллельно этому процессу с соответствующим временным интервалом шел процесс формирования прототипов общественных институтов – социумов. В последние 400 – 200 лет формируются наблюдаемые сегодня их основные типы.

Первые ростки современного ментагенеза целесообразно искать около 400 – 200 лет назад – у истоков первой научно-технической революции. На рубеже XIX и XX веков происходят его массивированные вспышки, набирают силу религиозные движения, посредством революций воплощаются социальные утопии. Венцом идеологических утопий становится алгоритм тоталитарной системы управления, реализованный на евразийском пространстве. Наступает завершающий этап – 30 – 25 лет назад: появляется Internet, средства массовых коммуникаций глобализируются, количество информационных каналов с тех пор ежегодно удваивается. Коммуникации приводят к колоссальному росту этнических и конфессиональных миграций, потоки

обмена людьми возросли примерно в 100 раз. Как следствие – этнодиффузии социумов, трансформации общественного сознания, неподвластные системе управления.

Симбиоз человека как естественной информационной системы с искусственными информационными системами становится новым этапом эволюции цивилизации. Глобальная инфраструктура телекоммуникационных систем пронизывает биосферу (точнее – топологическую сетку биосферы) горизонтальными и вертикальными нитями взаимосвязи сквозь все уровни иерархии организации, включая каждого человека. Сможет ли цивилизация хотя бы на уровне инстинкта самосохранения сопрячь законы природы и законы права – покажет Время. Время информации как глобального структурообразующего феномена.

Таким образом:

В социальной сфере информационное воздействие приводит к негативному влиянию на духовный мир индивидов, трансформируя индусемиосферы и, как следствие, минисемиосферы [11] по заданной мировым информационным лидером программе. Фактически речь идет об информационной колонизации, которая разрушает традиционные ценности локально-региональных подсистем цивилизации, подменяя их ценностями, присущими обществам технологически развитых стран, оправдывая насилие на геополитической арене, формируя условия для создания социальных информационных резерваций. Мотивация мировых информационных лидеров практически не допускает цивилизационной правовой защиты от «направленных» информационных воздействий. Существует реальная угроза зомбирования не только отдельного человека и социума, но и всего человечества. Какие же из этого следуют выводы?

1. **Глобальная информатизация – массовое внедрение в системы управления и в быт компьютерных технологий – привела к смещению полей сопряжения интересов отдельных индивидов, их групп в виртуальное пространство.**

2. **Виртуальное пространство существенно нивелирует влияние нормативно-правовой базы – Конституции государства на собственный социум, делает пронцаемой пространственно-временную оболочку правового пространства государства как такового. Это приводит к нарушению управляемости процессами трансформации политических, экономических и социальных интересов.**

3. **Лидерство США в области высоких технологий не только не дает основания полагаться на мирового лидера, но фактически заставляет остальных членов ойкумены, участников мирового политического процесса задуматься над собственными местом и ролью в процессе глобализации и над последствиями тотальной информатизации.**

Список литературы

1. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). – СПб., 2000.
2. Стариш О. Г. Теорія відкритих систем як парадигма процесів глобального розвитку. – Сімферополь: Універсум, 2003.
3. Макаренко С. А. Політичні доктрини глобальної інформаційної безпеки. – http://www.its.org.ua/biblioteka/makarenko_18.htm.
4. Стариш А. Г. Глобальное информационное пространство и его воздействие на формирование общественного сознания // Глобальные процессы и региональное развитие. Матер. науч.-практ. конф. «Глобализация: человек, народы, мир». – Севастополь: Мир, 2003.
5. Стариш О. Г. Информационная безопасность государства: Монографія // Регіональні проєкції державної політики. В 2-х т., т. 2. Цикуренко С. Г., Стариш О. Г. та ін. – Сімферополь: Таврія, 2003.
6. Стариш О. Г. Інформаційні чорні діри. Монографія: Інформаційна безпека: контр-маніпулятивні стратегії // Макаренко С. А., Рижков М. М., Ожеван М. А., Стариш О. Г. та ін. – К.: Наша культура і наука, 2004.
7. Smith J. W. WHY? A Deeper History Behind the September 11th Terrorist Attack on America, Bloomington, Indiana, 2002.
8. Мейссан Т. 11 сентября 2001 года. Чудовищная махинация / Пер. с франц. – М., 2002.
9. Wallerstein I. The Essential Wallerstein. – New-York: The New Press, 2000.
10. Лачинов В. М., Поляков А. О. Информодинамика, или Путь к Миру открытых систем. – 2-е изд. – СПб., 1999.
11. Стариш А. Г. Информационные матрицы как элементная база ноосферы: Монографія // Регіональні проєкції державної політики. В 2-х т., т. 2. Цикуренко С. Г., Стариш О. Г. та ін. – Сімферополь: Таврія, 2003.

Поступило в редакцию 12 июня 2004 г.

УДК 327.39, 316.32 (477)

С. Г. Цыкуренко

**ИНТЕГРАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР В УКРАИНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ
В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ**

Одной из приоритетных задач этнонациональной политики Украины является репатриация и интеграция армян, болгар, греков, крымских татар и немцев, депортированных из Крыма сталинским режимом по национальному признаку в период Великой Отечественной войны.

В силу масштабности, сложности, противоречивости и политической значимости внимание профессиональных политиков и политологов, а также широких слоев населения особенно привлекает процесс интеграции крымских татар.

Попытаемся проанализировать основные тенденции процесса интеграции крымских татар в украинское общество и крымский социум, достижения и проблемы на этом направлении становления украинского общества и государства.

I. Интеграция репатриантов – общенациональная задача

Хозяйственно-бытовое обустройство и интеграция крымских татар во все сферы жизнедеятельности украинского общества являются стратегическими задачами для каждой крымскотатарской семьи, для украинского общества и государства.

Это общенациональная задача, которая характеризуется масштабностью (по данным переписи 2002 года, в Крыму проживают 258,5 тыс. крымских татар), объективными (политико-правовыми, социально-экономическими) и субъективными сложностями, с которыми сталкиваются субъекты этого процесса в ходе реализации комплекса задач интеграции репатриантов.

Под субъектами процесса интеграции крымских татар понимаются украинское государство и общество – политические партии, общественные и иные организации, в том числе организации крымскотатарского национального движения (КТНД), представляющие интересы репатриантов и оказывающие существенное влияние как на государственную политику в этой сфере, так и на общественное мнение.

Процесс интеграции крымских татар является также предметом заинтересованности многих иностранных государств, высоких международных институций (ООН, ПАСЕ, ОБСЕ и др.) и частных организаций (Фонд Сороса и др.), которые стремятся способствовать интеграции, демонстрируя при этом различные, порой противоречивые подходы. Украина активно сотрудничает с мировым сообществом в этом вопросе. Иначе и быть не может, хотя бы потому, что, декларируя свой европейский выбор, Украина обязана следовать европейским стандартам, в том числе и в отношении состояния национальных меньшинств.

Важно отметить, что подходы государства и организаций КТНД по многим аспектам процесса интеграции совпали, что позволило существенно продвинуться в реализации политико-правовых и социально-экономических задач интеграции. Так, в результате энергичных мер украинского государства практически все репатрианты получили возможность приобрести украинское гражданство в упрощенном порядке. В рамках общеполитического процесса (без предоставления квот) крымские татары добились представительства в органах власти всех уровней. В Верховной Раде Украины крымские татары представлены тремя народными депутатами, в Верховной Раде Автономной Республики Крым (АРК) – восемью депутатами, трое крымских татар являются членами Совета Министров АРК, в органах местного самоуправления крымские татары составляют примерно 12%. За годы независимости Украины из государственного и республиканского бюджетов на решение комплекса социально-экономических задач интеграции выделено более 776 млн грн. Высокими темпами возрождается национальная культура и традиционная религия крымских татар – ислам.

Отметим, что эти позитивные достижения стали возможны потому, что **украинское общество позитивно относится к государственной политике помощи репатриантам и поддерживает её в интересах их скорейшей интеграции в украинское общество.** В Украине нет ни политических партий, ни общественных организаций, которые выражали бы несогласие с возвращением, адаптацией и интеграцией репатриантов, реализацией масштабных государственных и республиканских программ интеграции, финансируемых за счет всех налогоплательщиков Украины.

II. Основные политико-правовые проблемы интеграции

Однако весомые позитивные результаты, достигнутые за годы независимости Украины, не должны заслонять объективно существующие серьезные проблемы интеграции. Закрывать глаза на эти проблемы было бы недальновидно и безответственно, как для государства, так и для общества, частью которого являются и наши соотечественники – крымские татары.

Если социально-экономические проблемы интеграции определяются в основном дефицитом материальных ресурсов и неэффективностью управления, то политико-правовые проблемы – главным образом политическими притязаниями КТНД.

Какова природа основных политико-правовых проблем?

Во-первых, прошедший еще в 1992 году II Курултай крымскотатарского народа принял Декларацию “О национальном суверенитете крымскотатарского народа”, которая провозгласила суверенитет крымскотатарского народа над всей территорией Крыма и поставила цель – создать национальную крымскотатарскую государственность в Крыму. Примечательно, что термин “интеграция” в Декларации не используется, Декларация же остается основным программным документом Курултая-Меджлиса и по сей день. Схожую позицию занимает большинство других организаций КТНД.

В отличие от КТНД, государство до сих пор, по крайней мере формально, не определило политико-правовые и социально-экономические параметры и стандарты интеграции – т.е. рамочные и качественные характеристики этого процесса, конечные и этапные цели.

Это обстоятельство порождает неопределенность и, как следствие, непонимание значительной частью украинского общества сути государственной политики интеграции. Отсюда – необоснованные ожидания и требования со стороны репатриантов, обвинения в неоправданно завышенном внимании к репатриантам со стороны других категорий граждан. Отсюда – произвольные, зачастую необъективные оценки ситуации ангажированных политологов, тиражируемые СМИ политические спекуляции вокруг так называемой крымскотатарской проблемы (“Крым a la Kosovo” и т.п.) с негативным для Украины и Крыма международным резонансом.

Во-вторых, если КТНД обосновывает свои стратегические цели естественным историческим правом на суверенитет на своей национальной территории в Крыму, то украинское государство до сих пор не сформулировало концептуальных оснований осуществляемой им политики интеграции.

Между тем представляется, что **единственным основанием осуществляемой Украиной политики интеграции репатриантов из числа депортированных лиц является добрая воля государства Украина и Украинского народа – граждан всех национальностей**, которые руководствуются при этом стремлением восстановить справедливость по отношению к жертвам депортации. Стремлением, базирующимся на демократических и гуманистических ценностях.

Это вытекает из того очевидного факта, что **государство Украина не несет правовой (юридической) ответственности за акты депортации граждан бывшего СССР**. Кроме того, следует учитывать, что депортация лиц по этническому признаку из Крыма осуществлялась не с территории Украины, а с территории бывшей РСФСР, в состав которой Крымская область входила в период осуществления депортации.

Этническая политика Украины в отношении восстановления прав депортированных лиц фактически является уникальным и беспрецедентным в мировой практике явлением, по крайней мере на пространстве СНГ. К примеру, Грузия вообще не рассматривала возможность возвращения депортированных турок-месхетинцев на их историческую родину – в Грузию. Не нашли новой родины турки-месхетинцы и в России. Украинское же государство, осуществляющее масштабную политику интеграции крымских татар, постоянно обвиняется многими представителями КТНД не только в недостаточности усилий в этом направлении, но и в геноциде (?), и в этноциде (?) крымскотатарского народа.

В-третьих: до сих пор остается неясным вопрос, понимается ли организациями КТНД процесс интеграции крымских татар в украинское общество как их органическое вовлечение и активное участие в созидании украинского государства и украинской политической нации. Или же это должен быть процесс этнической самоизоляции или добровольной сегрегации крымских татар, на что было обращено внимание европейских парламентариев на слушаниях ПАСЕ “Репатриация и интеграция крымских татар” (Страсбург, 5 апреля 2000 г.).

В-четвертых: в крымском обществе существует определенный потенциал конфликтности, сосредоточенный главным образом в этнополитической плоскости. Возрастание этого потенциала по тем или иным причинам (отметим, что число эксцессов в последнее время резко возросло) влечет возрастание уровня конфликтно-

сти в собственно межэтнических (межнациональных) отношениях в быту, на производстве и т.п.

В-пятых: в Украине нет дискриминации или ущемления гражданских прав по этническому признаку (противоположного мнения придерживаются некоторые функционеры КТНД, не представляя при этом убедительных для украинского общества и мирового сообщества доказательств). По результатам социологических исследований, в Крыму стабильно самый низкий уровень ксенофобии в стране, в целом процесс интеграции носит позитивный характер.

С учетом этого есть основания полагать, что критическое возрастание конфликтности в сфере межэтнических (межнациональных) отношений в Крыму гораздо более вероятно вследствие целенаправленной организованной деятельности, нежели вследствие стихийных массовых проявлений протеста против этнической политики государства.

Из сказанного следует, что **ответственность за возрастание потенциала межэтнической (межнациональной) конфликтности несут субъекты этнополитических отношений – государство и организации КТНД.**

Скорее всего, по нашему мнению, в сложившейся ситуации эскалация может стать следствием возрастания политизации межэтнических отношений. Другими словами, эскалация конфликтности между самими этническими общностями или между этническими общностями и государством наиболее вероятна в случае осуществления элитами этнических сообществ радикальной политической деятельности, направленной на эскалацию отношений либо с другими этническими сообществами, либо с государством в интересах достижения собственных политических целей. Такими целями как раз и могут быть сепаратизм и автономизация того или иного региона по национальному признаку.

Отметим, что и само государство может спровоцировать и стихийные, и организованные этнические конфликты в том случае, если им – государством – осуществляется дискриминация определенных этнических общностей. В отношении украинского государства такая перспектива маловероятна, но лишь при том условии, если сохранится преемственность основного принципа этнонациональной политики действующего Правительства Украины – принципа обеспечения гарантий равноправия индивидуальных и коллективных прав граждан, независимо от их этнической принадлежности.

III. Интеграция и этнополитические аспекты безопасности Украины в Крыму

Актуальность проблем безопасности в контексте процесса интеграции, по нашему мнению, определяется следующими основными факторами:

1. Борьбой за суверенитет крымскотатарского народа путем создания национальной крымскотатарской государственности в Крыму, которую ведут организации КТНД.

2. Проявлениями сепаратизма и попытками автономизации по этническому признаку отдельных регионов Украины, квалифицируемыми Законом Украины “Об ос-

новах национальной безопасности Украины” как потенциальные угрозы национальным интересам и национальной безопасности страны¹.

3. Наличием в Крыму определенного потенциала конфликтности в этнополитической сфере и в межэтнических (межнациональных) отношениях, возрастание которого несет угрозы для государства и общества.

Проанализируем эти факторы.

Рассмотрим фактор борьбы организаций КТНД за создание национальной крымскотатарской государственности в Крыму.

Вполне очевидно, что такая государственность означает автономизацию Крыма по национальному (этническому) признаку, что противоречит Закону Украины “Об основах национальной безопасности Украины”.

Однако все годы, прошедшие со времени принятия Декларации о национальном суверенитете в 1992 году, функционеры Меджлиса крымскотатарского народа и его многочисленных структур на местах, других политических организаций КТНД не устают подтверждать свою решимость реализовать цель построения национальной государственности и соответствующим образом агитируют крымскотатарское население. И это не просто декларации.

Фактически усилиями организаций КТНД, прежде всего Курултая-Меджлиса, в Крыму уже заложены основы крымскотатарской национальной государственности.

Приведем ее основные признаки. Упомянутая Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа представляет собой прообраз будущей конституции.

Активно действует вертикаль органов национального самоуправления, включающая в себя центральный представительный орган – Курултай (съезд) и центральный исполнительный орган Меджлис, в структуре которого действуют несколько функциональных управлений, а также региональные и сотни местных меджлисов в местах компактного проживания крымских татар. Функционирование такой структуры управления невозможно без финансирования, что предполагает наличие источников финансирования, которые находятся “в тени”, так как эта структура не имеет юридического статуса. Функционерами Меджлиса ставится вопрос о введении специального налога (?) для крымских татар с целью формирования “национального бюджета” (?). Другими словами, речь идет о создании фискально-финансовой системы для крымских татар, параллельной государственной.

Меджлис осуществляет независимую внешнеполитическую деятельность.

Судя по высказываниям в СМИ лидера Меджлиса М. Джемилева, эта структура имеет собственную службу безопасности, которая осуществляет незаконную оперативно-розыскную деятельность.

Под патронатом Курултая-Меджлиса действуют Духовное управление мусульман Крыма, десятки моноэтнических крымскотатарских общественных организаций, крымскотатарские печатные и вещательные СМИ.

Однако на практике реализация цели создания крымскотатарской национальной государственности сталкивается с весьма серьезными трудностями, которые, даже

¹ Статья 7 Закона Украины “Об основах национальной безопасности Украины”, № 964-IV от 19/06/2003.

по оценкам Меджлиса, вряд ли могут быть преодолены в сколько-нибудь близкой перспективе¹. И вот почему.

Во-первых, создание крымскотатарской государственности в Крыму неприемлемо для абсолютного большинства негатарского населения Крыма, которое составляет примерно 87%. Это означает, что, например, референдум по этому вопросу однозначно отвергнет проект создания крымскотатарской национальной государственности в полиэтничном Крыму.

Примеры решения вопроса национальной государственности по образцу Карельской, Башкирской и многих других автономных республик бывшего СССР, где титульные этносы составляли порядка 9-40% от общего населения, на которые ссылается М. Джемилев, несостоятельны хотя бы потому, что, собственно, это не прецеденты, не результат свободного волеизъявления граждан, но результат волюнтаристской ленинско-сталинской национальной политики, столь отвергаемой самим М. Джемилевым.

Во-вторых, достаточно трудно представить, чем гипотетическая крымскотатарская национальная автономия будет принципиально отличаться от существующей Автономной Республики Крым. Будут ли успешней решаться сложные социальные проблемы? Возрастет ли экономический потенциал или плодородие почв? С большой вероятностью можно предположить, что абсолютное большинство крымчан – и русских, и украинцев, и крымских татар – ответят на эти и подобные вопросы однозначно: в лучшую сторону ничего не изменится. Только структуры власти будут формироваться на преимущественно этнических основаниях – на принципах этнократии, что несовместимо с европейским выбором Украины.

И третье. Отсутствует правовая база и, соответственно, правовые механизмы реализации этой цели. Действительно, достаточно трудно представить, каким образом в современных условиях можно конституировать крымскотатарскую национальную государственность, т.к. для этого потребуются внесение принципиальных изменений в Конституцию и законодательство Украины, в том числе в отношении изменения статуса Автономной Республики Крым, легитимность которой основывается на результатах референдума.

Указанное дает основания для вывода о том, что в современных условиях декларируемая крымскотатарской политической элитой цель – создание в Крыму крымскотатарской национальной государственности – легитимным путем не достижима.

Однако современность изобилует примерами борьбы за суверенитет и свержения законных правительств вне правовых рамок. Методы такой борьбы достаточно хорошо известны:

1. Вооруженный захват власти внутренними силами (например, Косово, Приднестровье, Абхазия и другие самопровозглашенные государства).

2. Вмешательство извне в форме вооруженной агрессии (Кипр) или путем осуществления специальных операций с целью формирования политической оппози-

¹ Заведующий политико-правовым управлением Меджлиса крымскотатарского народа Н. Бекиров считает, что построение крымскотатарской государственности может произойти примерно через 200 лет.

ции, способной свергнуть законные правительства – т.н. “бархатные” революции (Югославия, Грузия).

3. Террористическая деятельность (Баскония, Северная Ирландия, Корсика, Филиппины и т.д.).

Представляется оправданным рассмотрение предпосылок и возможности возникновения терроризма в Крыму под лозунгами создания крымскотатарской государственности.

Все известные организации КТНД осуществляют свою деятельность с использованием исключительно ненасильственных методов. Объективная невозможность построения национальной государственности легитимным путем требует внесения соответствующих корректив в их программные установки. Если такие коррективы не будут внесены, то будет продолжаться соответствующая агитация крымскотатарского населения в отношении необходимости создания национальной государственности.

Примером воздействия такой агитации может служить намерение ветерана КТНД поэта Р. Чайлака начать голодовку под лозунгом “Национальная государственность или смерть!” – когда пятеро его единомышленников немедленно откликнулись на призыв присоединиться к голодовке. Функционер одной из организаций КТНД Н. Ибадуллаев недавно заявил: “Государство подталкивает нас решать наши проблемы в рамках мусульманской государственности и не оставляет ничего другого, как принять идеологию ислама”.

Нельзя также недооценивать наличие в КТНД радикальных и экстремистских кругов, деятельность которых приводит к таким эксцессам, как, например, массовые самозахваты земельных участков на Южном Берегу Крыма, штурм здания горотдела милиции в Судаке, столкновения с органами правопорядка в пос. Симеиз. Формальное отмежевание Меджлиса от этих акций может быть подтверждением того, что Меджлис утрачивает контроль над развитием ситуации.

Представляется, что принятие КТНД исламской концепции построения национальной государственности может стимулировать проявления терроризма, что соответствует общемировым тенденциям.

Отмечая незыблемость позиции КТНД в отношении ненасильственных методов политической борьбы, следует все же иметь в виду расширение присутствия в Крыму форм ислама, не традиционных для крымских татар. Речь идет о прогрессирующей динамике распространения в Крыму мусульманских общин, функционирующих вне рамок Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК), что был вынужден признать Муфтий ДУМК Аджн Эмиралли эфенди на курултае мусульман Крыма в апреле 2004 года. Такие мусульманские общины, которых в Крыму несколько десятков, сами крымские татары называют ваххабитскими, а их членов – ваххабитами. Распространением ваххабизма среди крымскотатарского населения озабочен и Меджлис, который, тем не менее, использует помощь международных исламских организаций.

Ситуация достаточно тревожна в свете следующих примеров. В канун годовщины депортации в 2003 году в Симферополе и во всех регионах Крыма неизвестными лицами были распространены листовки ваххабитского содержания за подписью из-

вестной экстремистской организации “Хизб-ут-тахрир”. Литература ваххабитского толка на протяжении последних лет систематически распространяется, по крайней мере, в симферопольских ВУЗах (данных по другим регионам АРК нет).

Лидер Меджлиса М. Джемилев неоднократно указывал представителям международных исламских организаций и Ближневосточных государств, инвестирующих процесс возрождения ислама в Крыму, на недопустимость искажения зарубежными миссионерами (в 2003 г. в Крыму проповедовали ислам 68 зарубежных миссионеров) традиционного для крымских татар ислама.

С проявлениями ваххабизма многие крымчане все чаще сталкиваются в повседневной жизни, что вызывает у них обоснованную обеспокоенность и тревогу.

Тем не менее М. Джемилев отрицает опасность распространения ваххабизма в Крыму на основании незначительности масштабов этого явления.

Признавая его право на личное мнение, приведем и альтернативную точку зрения о расширении масштабов распространения ваххабизма в Крыму. На эту тенденцию указывает Муфтий ДУМУ Тамим. О том же свидетельствуют данные Госкомрелигий Украины. Турецкий исследователь М. К. Чифтчигозель обоснованно указывает на эту тенденцию в статье “Столкновение Турции и Саудовской Аравии в Крыму” (www.yenisafuk.com/disi; 22.05.2002 г.). Отметим также, что на траурном митинге 18 мая 2004 г. в ознаменование шестидесятилетия депортации впервые за все предшествующие годы исламская составляющая была сведена к минимуму.

Констатируя реальность распространения в Крыму ислама ваххабитского толка, зададимся вопросом – кто составляет ваххабитское ядро в Крыму?

Некоторые сотрудники правоохранительных органов из числа крымских татар обоснованно указывают: ядро ваххабитского ислама в Крыму составляют бывшие лидеры распавшейся крымскотатарской организованной преступной группировки “Имдат”. Фактические данные свидетельствуют о том, что никто из лидеров ОПГ “Имдат” не был осужден и лишь немногие погибли в криминальных “разборках”.

Отметим также попытки некоторых организаций КТНД сделать крымским татарам “чеченскую прививку” – знамена и портреты бывшего лидера Ичкерии, соответствующие лозунги, атрибуты и акции – этому мы все были свидетелями.

Если данные о криминальном прошлом лидеров крымских ваххабитов соответствуют действительности, то угроза возникновения терроризма представляется весьма серьезной по следующим причинам. Коль скоро ОПГ “Имдат” прекратила свое существование лишь номинально, то есть основания полагать, что это группировка, свернув организованную преступную деятельность, сохранила свой потенциал: кадры – опытных лидеров и боевиков, обладающих опытом конспиративной и боевой деятельности, финансовые (т.н. “общак”) и материальные ресурсы (коммерческие структуры и т.п.). Важно отметить, что в 1995 году именно ОПГ “Имдат” организовала массовые беспорядки в районе г. Судака, в ходе пресечения которых правоохранительные органы впервые применили огонь на поражение.

В заключение сформулируем наиболее важные, на наш взгляд, выводы приведенного анализа ситуации:

1. Объективные предпосылки для создания крымскотатарской национальной государственности легитимным путем отсутствуют.

2. Наиболее влиятельные организации КТНД осуществляют политику, направленную не на созидание единой украинской политической нации – политического единства граждан всех национальностей Украины, а на этническую самоизоляцию крымских татар – добровольную сегрегацию.

3. С учетом набирающих силу тенденций представляется вероятным, что некоторые организации КТНД могут использовать экстремистские методы для достижения цели построения национальной государственности.

4. Именно организованный характер ваххабизма в Крыму является реальной угрозой возникновения терроризма, что диктует необходимость адекватной реакции со стороны государства.

С учетом этих выводов представляется важным, чтобы органы государственной власти определили основания и перспективы политики интеграции крымских татар в украинское общество и довели бы их до сведения всех граждан Украины, а соответствующие правоохранительные органы внесли ясность в проблему возникновения терроризма в Крыму.

Поступило в редакцию 14 июля 2004 г.

УДК 316:752

Тезисы к докладу

Ю. І. Кулагін

ІДЕОЛОГІЯ ГРОМАДЯНСЬКОЇ ЗЛАГОДИ ДЛЯ УКРАЇНИ: ТЕОРЕТИЧНА МОЖЛИВІСТЬ ТА КОНЦЕПТУАЛЬНІ ОЗНАКИ

Загострення економіко-політичної кризи в Україні посилюється кризою ідеологічною. Стара марксистська моноідеологія як державна думка фактично перестала існувати і підтримується в основному минулими поколіннями. Завдяки погіршенню умов життя. Але ідеологічного вакууму в суспільстві взагалі існувати не може. Мова йде про ідеологію саме на рівні держави як відрефлексований і систематизований комплекс ідей, який здатний об'єднати та згуртувати суспільство, активізувати його інтелект, волю і сили народу для виходу України із довготривалої кризи.

До того ж поширюються думки про об'єктивну нездатність соціально-економічно і політично неструктурованого перехідного суспільства, яке роздирається протиріччями, створити та висунути якусь універсальну ідеологічну концепцію. З моєї точки зору, вони є безпідставними, бо не можуть відмінити об'єктивно існуючу необхідність пошуку суспільного консенсусу, узгодження інтересів різних верств населення. Без цього взагалі неможливо організувати та мобілізувати суспільство, створити необхідні передумови для його виходу з кризи.

Активна частина суспільства все більше усвідомлює необхідність пошуку нової ідеології. При цьому створення такої ідеології обумовлюється трьома важливими орієнтирами:

- аналізом сучасного стану суспільства, яке неодмінно вступає в протиріччя попередньою ідеологією;
- врахуванням культурно-історичних традицій суспільства, які утворюють історичну пам'ять народу і складають генетичний фонд ідей (серед них багато тих, які залишались довгий час непотрібними);
- визначенням нових цілей, які відзначають перспективи розвитку суспільства, а отже і самої ідеології (її життєздатність насамперед залежить від реальності цих орієнтирів).

Визначена таким чином ідеологія – це довготривала програма життєдіяльності суспільства, яка надає сенс його існуванню і робить це на основі синтезу всіх накопичених знань, досвіду, цінностей, яка дає фундамент для внутрішньої мотивації суспільства, мобілізації його внутрішніх властивостей і підкріплює це все певними принципами та структурами організаційного порядку.

Всі відомі ідеології створювались як теоретико-практичні програми на основі їх свідомого конструювання. Здебільшого таке конструювання спиралось на попередній довготривалий стихійний процес накопичення духовно-ідеологічних цінностей в процесі еволюції суспільної свідомості, які існують завжди і є основними регуляторами і основною мотивацією життєвої поведінки людей. Артикульовані ідеології, які з'являлись на їх основі, спирались якраз на інтереси певних соціальних груп суспільства, їх духовний досвід та духовні цінності, які трансформувались в офіційно визнані та були задіяні державою, підкріплювались всією її організованою економічною та політичною силою.

Сьогодні вже ясно, що в більшості країн використовують ті ідеології, які опираються на існуючі у суспільстві традиції, тому що ефективність та цілеспрямованість дії залежить від ступеню їх відповідності особливостям даного суспільства, його національно-історичного досвіду.

Наявність існування "своєї" ідеології – важлива частина національно-суспільної самосвідомості народу. Втрата її (а особливо духовних орієнтирів, які ідеологічно обслуговували процес розвитку сучасного українського суспільства) негативно вплинула на перспективи його реформ. Відносно до суспільства така ідеологія багато в чому збігається з свідомою цілеспрямованістю дій в житті окремої людини, відсутність яких в масштабах суспільства може привести до серйозних соціально-політичних наслідків.

Зрозуміло, що можна існувати, діяти (працювати) і без загальносуспільної та загальнонаціональної мети, але тоді рівень самоповаги з боку інших, як і рівень досягнень буде значно нижчим ніж це обумовлено потенціальними можливостями країни. Неможливо також організувати, мобілізувати певним чином суспільство для досягнення відповідних цілей, або поставити завдання, які нереальні та не відповідають наявним можливостям суспільства.

З початку треба визначити інтереси якої соціальної групи (або яких соціальних груп) повинні стати визначальними для такої ідеології (сьогодні або в перспективі).

Другим важливим моментом є визначення політичного рівня ідеологічного забезпечення суспільного розвитку: йдеться або про державу, ідеологія якої активно домінує на всіх щаблях державного управління, або про суспільну ідеологію, яка стихійно відтворюється в середині самого суспільства та спонукає соціальні сили до певних дій в суспільстві.

Ясно тільки те, що така ідеологія повинна бути раціонально прагматичною, неупічною, є орієнтованою на – людину, її реальні потреби та інтереси. Така ідеологія повинна бути відкрита до всього історичного досвіду, здорового глузду, релігії, науки, конструктивним ідеологіям минулого і сучасного (в тому числі і в світі). Вона має бути активно-діяльною, але терпимою до інших ідеологій, цінностей, ідеалів. Максимально віддаленою від політико-ідеологічного догматизму та фанатизму.

Я маю на увазі концепцію національно-державних інтересів України, яка може стати цементуючою для суспільства, додати нові імпульси процесу відновлення країни, закласти основи для утвердження дієвої інтегративної ідеології.

Якими ж бачаться реальні складові такої ідеології?

Концепція національних інтересів та пріоритетів України розглядається багатьма

вченими в ролі своєрідної «ідеї-рамки», здатної забезпечити консенсусний зв'язок між прихильниками різних ідеологічних переконань, світоглядних орієнтацій. Але невід'ємною рисою розвиненої політичної культури, що демонструється сьогодні цілим рядом країн, стала ідея безперервного відновлення й удосконалення суспільних структур на основі адаптації їх до власної моделі. У результаті консерватизм тут став соціальним і ліберальним, лібералізм – соціал-демократичним, а соціал-демократія – ліберальною, і усі вони сприйняли парадигму таких цінностей, як свобода, законність, гуманізм, тощо.

Чи має сьогодні в Україні будь-яка з класичних ідеологій шанси на одиначну перемогу? Чи може таким бути соціалізм (навіть, якщо він відмовиться від своїх фундаментально-ортодоксальних форм) у силу потужного виклику з боку лібералізму з його піететом до розкріпачення особи? Лібералізм – у країні зі стійким етно-соціальним архетипом, традиційно орієнтованим на цінності колективізму? Консерватизм, який у масовій свідомості взагалі асоціюється з чимось реакційно застійним?

Тим часом хіба консерватизм своїми ідеями про фундаментальні цінності людського співіснування, про органічний характер суспільного розвитку, про значення спадкоємності в оновленні соціальних зв'язків, що передаються від предків до нащадків, не збагатив колективний розум світу? Кому іншому, як не лібералізму, належить велика історична заслуга в усвідомленні пріоритетності особистісного начала, свободи і відповідальності людини, самих основ громадянського суспільства? Чи можна сьогодні представити світ без ідеї соціальної справедливості, що має багатовікову історію, вирощену на соціокультурних основах соціалістичної традиції? Але найголовніше головне полягає в тому, що на рівні сучасного розвитку всі ці ідеології стали працювати в режимі взаємодії, доповнюючи і корегуючи один одного, забезпечуючи тим самим природний рух суспільства до свободи і рівності, які обумовлюють оптимальне поєднання динамізму і стабільності в соціальній і політичній сферах.

Історія, на жаль, навчила нас надзвичайно мало. Менше усього – розумінню екології громадського життя. І найзловіщий жарт грає з нами наш звичний революціонізм (відмова від шляху повільного формування культури) оманний міраж правомірності “революційної доцільності”.

Політика в Україні не буде серйозною і відповідальною, якщо вона не засвоїть найпростішої механіки політичної та ідеологічної взаємодії, подолання конфронтаційності на базі загальносистемних історичних потреб українського народу.

Імператив інтегративності має не тільки українські виміри. Основні політичні ідеології: лібералізм, консерватизм, соціалізм дають свій варіант стратегії рішення проблем сучасного світузагалом. Однак у “Еру ризику”, в яку вступило людство, із загостренням глобальних проблем, усі перспективи, передбачені прихильниками тих або інших шкіл і напрямків, представляються релевантними, оскільки йде боротьба двох складових всесвітнього процесу: наростання глобальних погроз, яке чревате катастрофою і зигзагоподібний процес адаптації, спрямований якщо не на усунення, то на пом'якшення цих погроз. Міра між тим та іншим (або катастрофа, або покращання), нині не піддається виміру.

У сучасному світі усвідомлення цих глобальних проблем відбувається у процесі становлення планетарного політичного мислення. Формування його різних варіантів здійснюється у рамках існуючих ідейно-політичних течій, які відбивають своєрідність духовного та культурного досвіду різних суб'єктів політики. Стратегічні довгострокові інтереси людства вимагають врахування планетарної парадигми розвитку та включення положень, що виходять з неї, до основних політичних ідеологій сучасного світу. Це особливо важливо, оскільки сформовані подібною парадигмою ідеї реалістичного планетарного гуманізму можуть сприяти розширенню світових політичних інтегративних процесів.

Суспільство, оскільки воно завжди ставить перед собою кожен раз все нові і складніші цілі, тобто виступає як система з негативним зворотнім зв'язком, неодмінно повинно містити в собі три імперативи розвитку: консервативний (стабілізуючий, зберігаючий), оперативний (рушійний, оновлюючий) та демпферний (врівноважуючий, пом'якшуючий). Найоптимальніше сполучення цих механізмів і може дати гарантії для запобігання сутичок полярних сил в Україні (й світі), не допустити прийняття екстремістських рішень, здійснення авантюристичних дій. Перспективною в історичному плані політичною силою може стати лише та, яка вчасно проявить готовність до широкої взаємодії зі своїми політичними опонентами, затвердить активну лінію у проведенні політики громадського миру і національної злагоди в країні. У цьому – запорука дійсно міцної основи під новим суспільним ладом, тієї міри суспільної єдності, того ступеня суспільної підтримки, без яких й думати нічого про успіх реформ в Україні.

Поступило в редакцію 28 люля 2004 г.

УДК 328.1 (470+571)

Н. О. Новоженина, Л. Т. Станкевич

РОССИЯ НА ПУТИ К ЭЛЕКТРОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

«Электронное правительство» как понятие существует и функционирует в рамках виртуальной реальности, отражая объективные процессы политического управления современным обществом. Модели управленческой деятельности, которые сложились традиционно, действовали на протяжении веков, под это понятие уже не попадают. В современной политологической литературе термин «электронное правительство» означает «такую систему государственного управления, при которой деятельность официальных ведомств и служб, включая функцию управления, фиксируется на электронных носителях, а вся организационно-распорядительная документация публикуется в сети Интернет и становится тем самым доступной каждому гражданину» [8, с. 10].

Вопрос о разработке и практическом воплощении концепции «электронного правительства» был поставлен первоначально в США, а затем в Западной Европе в 90-е гг. XX века. В настоящее время можно говорить о существовании нескольких моделей «электронного правительства»: континентально-европейской, англо-американской, азиатской и российской. В рамках нашей статьи мы остановимся на российской модели становления «электронного правительства». Но сначала – об инвариантных характеристиках моделей.

Современные модели электронного правительства обусловлены развитием информационной цивилизации и ориентированы на будущее. Условиями реализации данных моделей выступают сетевая организация общества, эффективно работающая обратная связь и высокий уровень технологической оснащенности деятельности государственного аппарата.

Создание электронного правительства подразумевает решение общих задач:

- организацию электронного документооборота внутри правительства;
- максимальное использование электронных форматов во взаимоотношении государства и гражданского общества;
- использование сети Интернет для организации интерактивной связи и установления эффективной обратной связи власти с населением;
- формирование диалогической по форме политической коммуникации, обеспечивающей контроль за управленческой деятельностью правительства как в процессе принятия решений, так и в их реализации.

Практическое воплощение этих задач позволит электронному правительству не только получать своевременную информацию о реакции народа на важнейшие ре-

шения, но и эффективно осуществлять идею сознательного участия и активного включения граждан в разрешение наиболее значимых проблем современного развития.

В России речь о создании проекта по реформированию взаимоотношений государства и граждан впервые прозвучала в начале XXI века. Президент В. В. Путин в одном из своих выступлений поставил вопрос о прозрачности и открытости государственной системы и о создании «электронного правительства». В связи с этим была разработана федеральная целевая программа «Электронная Россия на 2002 – 2010 годы».

Эта программа ориентирована на преодоление технологической отсталости и превращение страны из сырьевого поставщика в экспортера программных информационных продуктов [4, с. 58]. Основные цели программы направлены на повышение эффективности функционирования экономики, государственного управления и местного самоуправления, создание условий для реализации права граждан на свободный доступ к информации и получение необходимых услуг, касающихся регулирования жизни и деятельности в информационном обществе. Поэтапная реализация программы позволит обеспечить эффективное взаимодействие органов власти с гражданами в таких сферах, как налогообложение, выдача лицензий и сертификатов, оформление таможенных деклараций, предоставление необходимых отчетных документов. Всего в программе предусматривается реализация различных мероприятий по 9 направлениям. Главными из них можно назвать 2 направления:

- обеспечение открытости в деятельности органов государственной власти и общедоступности общегосударственных информационных ресурсов;
- совершенствование деятельности органов государственной власти и местного самоуправления на основе применения информационно-коммуникативных технологий.

Целью реализации первого направления является «обеспечение информационной прозрачности и открытости государства для гражданского общества, создание предпосылок для эффективного взаимодействия между государством и гражданами на основе широкого использования информационно-коммуникативных технологий». Совершенствование деятельности органов государственной власти связывается с развитием межведомственного электронного документооборота и улучшением системы взаимодействия между основными ветвями власти на федеральном и региональном уровнях.

Таким образом, в соответствии с этой программой планируется, что все властные структуры России (Президент, Парламент, Правительство, министерства, ведомства и т.д.) будут иметь свои интернет-сайты, которые должны быть доступны через единый государственный портал – www.gov.ru.

В настоящее время открыты официальные сайты Президента РФ, Федерального собрания РФ, Государственной Думы РФ, Правительства РФ, Совета Безопасности РФ, различных министерств и региональных органов федеральной власти.

При исследовании сайтов государственных органов и министерств открывается следующая картина. Хотя большинство федеральных органов (за исключением лишь некоторых) так или иначе открыли свои новые интернет-страницы, многие

официальные веб-страницы слишком тяжеловесны для пользователей, вынужденных считать свой трафик (количество времени, проведенного в Интернете). Некоторые сайты государственных органов по уровню исполнения сравнимы с домашними любительскими страничками. Проблемой многих официальных сайтов является несвоевременность, бессистемность и эпизодичность обновления информации, что делает их «мертвыми». «Сейчас между ведомствами нет практически никакой координации... Возникают несостыковки между ведомствами и уровнями – региональным и федеральным» [5, с. 112], – объясняет Церен Церенов, ответственный за разработку программы «Электронная Россия» в Минэкономразвития.

Вместе с тем есть и полноценные сайты, являющиеся для заинтересованных лиц важным источником информации. «Наиболее развитыми сайтами обладают Центральный банк РФ, Федеральная комиссия по ценным бумагам (<http://www.fedcom.ru/>), Министерство по налогам и сборам (<http://www.nalog.ru/>), Министерство юстиции (<http://www.scli.ru/>), Государственный комитет по статистике (<http://www.gks.ru/>), что объясняется востребованностью финансовой, юридической и статистической информации» [7, с. 21]. Информационно насыщенные сайты есть также у Министерства иностранных дел (<http://www.mid.ru/>) и Министерства образования (<http://www.ed.gov.ru/>), что созвучно их роли и функциям. Например, сайт Минсвязи вполне оправдывает свой имидж и профильную ориентацию, он создан с применением современных технологий, имеет достойный дизайн, внятную и логично организованную структуру. Кроме того, ведется ежедневный мониторинг прессы по тематике министерства, результаты доступны с главной страницы – с активными ссылками на текст публикации.

В целом можно отметить, что виртуальный облик большинства государственных органов действительно изменился в сторону открытости, и можно сказать, что первый этап создания сети сайтов, реализующих информационно-справочную функцию, и их объединение в рамках портала «Электронное правительство» близится к успешному завершению.

Второй этап создания электронного правительства предполагает предоставление некоторых услуг населению, например, уплату налогов и ответы на запросы населения (преимущественно информационные).

Третий этап создания единого интернет-портала дает возможность развития интерактивных форм общения с населением – создание специальных конференций, экспертных советов. А население, в свою очередь, может сообщать новую информацию о себе, например, о смене адреса (вместо того, чтобы звонить или писать по этому поводу).

Последний этап предполагает наличие портала, который «интегрирует весь комплекс услуг правительства и обеспечивает к ним доступ исходя из потребностей и функциональных аспектов, а не из существующей структуры департаментов и ведомств» [10, с. 4].

Необходимо отметить некоторые «пробелы» в программе «Электронная Россия». «К сожалению, в тексте программы не прописан механизм целенаправленного создания локальных сетевых сообществ потребителей правительственной/муниципальной информации и предоставляемых государственными организа-

циями через сеть Интернет услуг. Соответственно из проводимых мероприятий выпадает «главное действующее лицо» - потребитель информации» [3, с. 113].

Также выделяется проблема, связанная с преодолением последствий идеологии технологического детерминизма, лежащей в основе большинства проектов, реализуемых в разных странах. В связи с этим высока вероятность поддержки социального мифа, что установка в школах, вузах и государственных учреждениях компьютеров – это и есть процесс информатизации и компьютеризации страны.

Таким образом, переход к полноценному электронному правительству (учитывая и зарубежный опыт) в Российской Федерации не будет ни быстрым, ни легким. В этом отношении правила для электронного правительства отличаются от правил для электронной коммерции, где иногда лучше действовать быстро, нежели правильно. Правительство РФ должно быть осторожным и тщательно подходить к людям, которых оно в этот процесс вовлекает, т.к. правительство несет большую ответственность за расходуемые им деньги. Нельзя забывать и о том, что электронное правительство не только сделает работу органов исполнительной и законодательной власти действительно прозрачной, но и наверняка изменит те или иные функции государственного управления, а также и жизнь населения страны. Намного более эффективное правительство будет вместе с тем намного больше знать о каждом из своих граждан. Резко возросшая способность электронного правительства собирать, хранить и добывать сведения о своих гражданах неизбежно породит вполне обоснованную тревогу по поводу неприкосновенности частной жизни и откроет широкие возможности для тоталитаризации общества. Показательно, что Сингапур (азиатская модель), «впервые в мире реализовавший в самом общем виде проект электронного правительства, считается тоталитарной страной с «демократическим интерфейсом» [9, с. 35].

Однако, несмотря на все опасения, портал «электронное правительство», бесспорно, является коммуникативным органом государственного управления. Применение новых коммуникативных технологий в России позволит создать диалогическое коммуникативное пространство «правительство-население» [6, с. 43], благодаря чему можно будет в кратчайшие сроки получать информацию об ответных реакциях пользователей портала на важнейшие правительственные решения, а также эффективно реализовывать идею сознательного участия населения в решении социально значимых проблем.

Список литературы

1. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002-2010 гг.)» // СЗ, 2002, №5, ст. 531.
2. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: Учебник. – СПб., 2001.
3. Бондаренко С.В. Виртуальные сетевые сообщества сайтов «электронного правительства» // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: труды VI Всероссийской объединенной конференции, Санкт-Петербург, 3-6 ноября 2003 г. – СПб.: Изд-во филологического ф-та СПбГУ. – 2003. – С.113.
4. Горнов С., Купинский Н. E-Russia // Деловые люди. – 2001. – №129.
5. Государство и Интернет. // Эксперт. – 2001. – № 18. – С. 112.
6. Иванов В.Е. Правительство – население: диалог в виртуальном пространстве. // Информационное общество. – 2000. – № 6. – С. 43.
7. Кристальный Б.В. Интернет и законодательство России. // Проблемы информатизации. – 2000. – №3. – С. 21.
8. Пересветова Н. Правительство становится прозрачным. // Рос. газ. 01.03.02., №38.
9. Песков Д.Н. Интернет в российской политике: утопия и реальность. // Политические исследования. – 2002. – № 1. – С. 35.
10. Правительство и Интернет. (Приложение). // Эксперт. – 2000. – № 25. – С. 4.
11. <http://www.ed.gov.ru>
12. <http://www.fedcom.ru>
13. <http://www.gks.ru>
14. <http://www.mid.ru>
15. <http://www.nalog.ru>
16. <http://www.scli.ru>
17. <http://www.gov.ru>

Поступило в редакцию 25 июня 2004 г.

УДК 323

К дискуссии

М. А. Шульга

ГЕОПОЛІТИЧНІ ПОЛОЖЕННЯ КОНЦЕПЦІЇ ЄВРАЗІЙСТВА

Концепція євразійства лишається на сьогодні не лише актуальною, але й базовою як для суспільно-політичної думки Росії загалом, так і для геополітичного її напрямку зокрема. В останньому випадку базовість цієї концепції, її, так би мовити, початковість, засвідчується тим, що в геополітичних побудовах сучасних російських вчених так чи інакше присутні мотиви євразійства: чи то в своєму первозданному, точніше, радикально забарвленому, звучанні (О. Дугін), чи то в деякому „лом’якшеному”, адаптованому до геополітичних реалій посткомуністичної Росії формулюванні (О. Панарін), чи то як предмет критики та заперечення (В. Цимбурський).

В будь-якому разі аналіз геополітичних розвідок в сучасній Росії неможливий без попереднього аналізу євразійства. Причому останнє має бути представлено саме як геополітична концепція, тобто з-поміж положень суто географічного (теза про середнє стосовно „справжніх” Європи та Азії, проміжне розташування Росії) та культурно-цивілізаційного (тези про синтетичність як головну рису російської культури та про Росію як особливий історичний світ) плану мають бути виокремлені положення власне геополітичні, ті, що містять не просто опис та констатацію просторово-територіальних чи фізично-географічних характеристик російської держави як таких, а стосуються вміння останньої використовувати ці характеристики для реалізації своїх інтересів. (П. Савицький в цьому сенсі зовсім не випадково розрізняє географічні й геополітичні підстави євразійства. Перші є об’єктивним фактом, другі – мають стати результатом певної державної політики). В цих положеннях, певною мірою, й міститься специфіка саме євразійського підходу до осмислення проблем та шляхів розвитку Росії. Адже, визначаючи останню як Євразію, – особливий географічний світ, відмінний як від Європи, так й від Азії, що є лише окраїнами Старого Світу, - євразійці мають своїми попередниками російських географів. „Необхідність розрізняти в основному масиві земель Старого Світу не два, як це робилося до цього часу, а три материки – не є якимось „відкриттям” євразійців; воно слідує із поглядів, що їх раніше висловлювали географи, особливо російські (наприклад, проф. В. І. Ламанський в роботі 1892 року)”, – констатує Савицький П. [7, с. 82]. Надаючи ж терміну „Євразія” значення стислої культурно-історичної характеристики, євразійці продовжують „могутню традицію російського філософського й історіософського мислення” й в цьому відношенні, визнає П. Савицький, мають ще

більше попередників, аніж у своїх суто географічних визначеннях, зокрема, слов'янофілів.

Якщо ім'я євразійців – „географічного” походження (П. Савицький), а їх ідеї обстоюють культурну своєрідність Росії, хай навіть у спосіб полемічного, – стосовно слов'янофілів, – підкреслення значення туранського елементу для її історії, виникає питання, що саме в концепції євразійства належить власне євразійцям й на якій підставі ця концепція класифікується як геополітична, така, що здійснила спробу протиставити, „... на просторі всесвітньої історії західноєвропейському відчуттю моря, як рівноправне, хоч і полярне, ... відчуття континенту” [7, с. 334]? В цьому сенсі О. Кізіветгер в статті „Євразійство” свого часу зазначав, що й географи, й історики, й економісти, й історики літератури і мистецтва завжди враховували той факт, що Росія сформувалася на рубежі Європи та Азії, а тому багато чого не можна зрозуміти в російському житті і російській історії без врахування ролі в них азіатського елементу. „Сказавши, що російське життя в своєму історичному русі уявляє собою деякий синтез європейських та азіатських елементів, євразійці не сказали б нічого особливого, а все їх нововведення полягало б лише в заміні слова Росія книжно-лабораторним терміном Євразія” [4, с. 125]. Такий висновок наштовхує на думку, що специфіка євразійства міститься саме в геополітичних висновках цієї концепції, які у творах її представників своєрідно „розчинені” в їх політико-географічних, етнографічних чи культурологічних міркуваннях. Першим кроком у з'ясуванні таких висновків є їх відокремлення від суто географічних положень, встановлення різниці між географічними та геополітичними підставами євразійства. Методологічною засадою таких з'ясування та встановлення може бути прийняте розрізнення політичної географії та геополітики, а саме: якщо політична географія досліджує державу з точки зору простору й вивчає вплив географічного середовища на її політику, то геополітика розглядає простір з точки зору держави, роблячи акцент на розкритті та з'ясуванні можливостей активного використання нею факторів географічного середовища і впливу на нього в інтересах своєї безпеки. Так, на думку Р. Арона, з політичною географією як географічним розглядом міжнародних відносин, ми маємо справу, якщо основні детермінанти зовнішньої політики держави, – простір, населення і ресурси, – тлумачаться як суто географічні поняття, тобто незалежно від здатності держав використати їх для забезпечення ефективності власної зовнішньополітичної діяльності. „Статус геополітичної держави передбачає не лише наявність геополітичних інтересів, а й уміння та можливість проводити їх в життя” [1, с. 5]. Такі вміння і спроможність, що позначені Р. Ароном терміном „могутність”, визначають геополітичне положення держави, яке не є тотожним її географічному розташуванню.

З огляду на вказану відмінність між політичною географією та геополітикою, висновок євразійства про те, що географічний світ Євразії є мінімально сприятливим для різного роду „сепаратизмів” і призначений для створення єдиної держави, не долає меж географічного детермінізму, оскільки посилення на аргументи останнього, – сувора зима, великі відстані, – для обґрунтування необхідності „сильної і жорстокої влади, що примусово організовує країну в цілях соціальних, господарських та економічних” [3, с. 167], – є скоріше констатацією певних фактів, а не їх

аналізом. В той же час М. Трубецької стверджує, що будь-яка держава є життєздатною лише тоді, коли вона спроможна вирішувати ті завдання, які перед нею ставить географічна природа її території. (Говорячи мовою сучасної геополітики – тоді, коли вона здатна перетворити своє географічне положення на геополітичне). Геополітика євразійців починається тому з міркувань про те, на яких засадах має будуватися (чи будувалася історично) держава та які завдання вона повинна виконувати (чи виконувала історично), щоб простір Євразії не лише постав як єдиний, а й був утриманий в якості такого. (Російський вчений О. Снесіреєв зазначав свого часу, що в геополітиці історія перевершує географію, а тому має бути вислухана). „Встановлюючи зв'язок історичних фактів з географічними (який, однак, ні в якому разі не зводиться до односторонньої залежності перших від других), євразійці обґрунтовують геополітичний підхід до російської історії”. [7, с. 126].

Як географічний світ, Євразія, пише П. Савицький немов би „створена” для утворення єдиної держави, однак ця єдність реалізується лише в конкретному історичному процесі. Самого по собі географічного призначення для такої єдності недостатньо, оскільки, згідно з М. Трубецьким та П. Савицьким, воно лише вказує на спосіб її досягнення. Шляхами сполучення, пише М. Трубецької, в Євразії історично слугували річки та степи. При цьому системи великих річки йдуть тут переважно у меридіональному напрямку, а система степу проходить через всю Євразію із заходу на схід. „Звідси слідує, що шлях сполучення між сходом і заходом – один, а шляхів сполучення між півднем і північчю – декілька, причому всі ці (річкові) дороги між півднем і північчю пересікають й (степову) дорогу між сходом і заходом” [8, с. 211]. У світлі завдання державного об'єднання Євразії, зазначає М. Трубецької, цей суто географічний факт означає, що народ, який володіє тією чи іншою річковою системою, панує лише над частиною Євразії, володіння ж системою степу забезпечує панування над усією Євразією загалом. „Об'єднувачем Євразії не могла бути держава, яка виникла і лишилася на тому чи іншому річковому її басейні ... Напроти, той, хто володів степом, легко ставав політичним об'єднувачем всієї Євразії”, – резюмує П. Савицький [7, с. 42].

Історично першою спробою об'єднання степу, а через нього і всієї Євразії, стала, за визнанням євразійців імперія Чингізхана, якому, за словами М. Трубецького, належить велика й невідворотна за своєю привабливістю ідея єдності Євразії. Саме ця ідея, на думку М. Трубецького, з часом була пов'язана з православ'ям й, отримавши християнсько-візантійське обґрунтування, успадкована Російською державою. Остання, тому є спадкоємницею монгольської держави не лише у відношенні території та деяких особливостей державного устрою, – наприклад, організація поштових сполучень, що базувалася на загальнодержавній ямській повинності (від монгольського „ям” – поштова станція”), – а й за самими своїми ідейним замислом та державним ідеалом. Навіть у часи, пише М. Трубецької, коли Росія прагнула ствердити себе в якості європейської держави й усіляко соромилася визнати свій природний зв'язок з Азією, вона силою речей змушена була продовжувати справу державного об'єднання Євразії, – справу Чингізхана, – свідченням чого є приєднання Криму, Кавказу, Закаспійського краю, Туркестану та закріплення Росії у Сибіру. „Імперія майже закінчила державне об'єднання євразійського материка й, відстоявши його

від замірян Європи, створила сильні політичні традиції” [2, с. 136]. Окрім цього, підмічає П. Савицький, діячі Золотої Орди стикалися з багатьма геополітичними комбінаціями, які потім стали актуальними для Росії-Євразії, а саме: і Золота Орда, і Росія вели війни на Кавказі і на Балканах, в Угорщині і в Польщі. Для кожної з цих держав, пише П. Савицький, перераховані області утворювали деяку „смугу бойових дій”, що обрамляла їх основні володіння. І навіть похід Суворова (в 1799 р.) та походи 1813-1815 років, яким, на перший погляд не можна віднайти аналогів в історії монгольських походів, відмічає П. Савицький, при певному поглибленні в історію кочових імперій, все ж таки мають бути визнані геополітичним аналогом походів Аттіли, - в сенсі руху організованих військових сил з глибин Євразії в глиб Європи. „Кони вершників, що пили воду в Доні та уральських річках, вперше з часів Аттіли, випили води італійських та галльських рік в російських походах ХУІІІ – ХІХ століть” [7, с. 324].

Здійснивши об’єднання степу й, як наслідок, Євразії, Чингізхан, однак, не зміг освоїти простір останньої, попередити його „розтікання”. На думку М. Трубецького, це було зумовлене двома причинами. По-перше, – невідповідністю широкого розмаху монгольської державності розпливчатій безформності шаманізму, з одного боку, та практичною безпідставністю ставки на етнографічно та географічно обмежений й історично минулий кочовий побут. Перше мало своїм наслідком абсолютну віротерпимість, що утруднювала вироблення релігійно-догматичної форми для державної ідеї, друге – абсолютизування етнографічних та географічних умов, до яких прив’язаний кочовий побут, що не передбачало завдання оволодіння цими умовами. По-друге, – підкоренням Чингізханом не лише всієї Євразії, а й майже всієї Азії, що не було справою історично необхідною. „... Претензії на те, що можна завоювати, але не можна утримати в руках, безперечно послаблюють державу, а в даному випадку спроби пан азійського імперіалізму Чингізхана неминуче призводили до культурного підпорядкування основного ядра його імперії культурному впливу завойованих окраїн, створюючи невідповідність між центрами влади і центрами культури” [8, с. 238].

Зважаючи на помилки Чингізхана, держава, що буде здійснювати об’єднання Євразії після занепаду його імперії, має вирішити два завдання. Перше полягає у справжньому оволодінні степом, своєрідному його „замирінні” не стільки силовому, скільки передусім культурному та господарському. Саме в цьому пункті, на думку євразійців, з’ясовується розбіжність золотоординської та російської держав: „... монголи, у власному сенсі, не були „колонізаторами”, а росіяни є ними: доказ, в ряду багатьох, що цілковито до „монгольства” ніяк не звести Росію” [7, с. 334]. Друге завдання формулюється у вигляді застереження для Росії, яка має уникати будь-яких спроб приєднати до себе країни, що не належать до географічного світу Євразії, окресленого Біломорсько-Кавказькою, Західносибірською та Туркестанською низинами-рівнинами. Та культурна самодостатність, що її євразійський світ вперше отримав у випадку свого підпорядкування Москві, була, на думку М. Трубецького, спів мірною самодостатності древніх азійських царств й, як така, надавала російській державі міцності, стійкості та сили опору.

Свідченням того, що зброя не відігравала вирішальної й самодостатньої ролі у

„замирненні” степу є, на думку П. Савицького, динаміка існування та не існування укріплених ліній на просторі між постійно укріпленими західним російським кордоном та Великою Китайською стіною, що є своєрідним східним його аналогом. Історія цих ліній охоплює наступні етапи: 1) до часів Володимира Святого укріплені лінії не існують; 2) час від кінця X до XIII століття є епохою існування проти степних укріплених ліній; 3) XIII – початок XVI століття знаменують собою відсутність таких ліній за часів монгольського володарювання; 4) з початку XVI до кінця XIX століття продовжується нова епоха побудови укріплених ліній; 5) в кінці XIX століття ці лінії зникають. „Те, що здійснили монголи в XIII віці (й чого, зокрема, добився Берке, змусивши Данилу Галицького зринути укріплення) – руйнування укріплених ліній на всьому просторі євразійських пустель та степів й в прилягаючих до них країнах, – це, знову, після багатовікової перерви, здійснила імператорська російська влада на кінець XIX століття” [7, с. 320-321]. Таким чином, робить висновок П. Савицький, постійно укріплені західний кордон Росії та Велика Китайська стіна позначають собою границі історичного світу Євразії й відмежовують його від „справжніх” Європи та Азії, а періодично зникаючі та знову відтворювані укріплені лінії мають бути визначені як внутрішньо євразійські, такі, що виражають періодичний ритм державотворчого процесу в Євразії й символізують етапи проникнення Росії в степ. Оскільки ж кочова тактика через власні особливості є незборимою на окремій ділянці степу, то примусити кочівників до підкорення можна, лише охопивши степ в цілому. Змістом такого „охоплення”, на думку П. Савицького, є перетворення одвічно відданого кочовому побуту простору на землеробську область. Колонізація та заорювання степу, перетворення його з кочовища на ниву, стверджує в цьому сенсі М. Трубецької, було закріпленням переходу євразійської державності з рук туранців в руки росіян. Однак, визнає П. Савицький, з точки зору існуючої агрономії значні простори російського степу визначаються як область непозбутнього трипілля. Це означає, що землеробський уклад південної, південно-східної та східної Росії і деяких частин Сибіру позначений нездоланною господарською екстенсивністю, а деякі частини російського степу взагалі ніколи не піддаються землеробському заселенню й залишаються областями „абсолютного” скотарства. Загальнокультурне значення цього факту, згідно з П. Савицьким, полягає у прищепленні російській етнографічній стихії степного початку, перетворенні його на невід’ємну складову новітньої російської історії. Екстенсивність, яка неминує притаманна землеробському укладу степу, є не лише сільськогосподарською характеристикою, а й деяким засобом збереження в землеробському населенні своєрідного „відчуття степу”. Саме через неможливість цілковитого „заорювання” степу, пише П. Савицький, поряд з „народом-землеробом” в межах російського національного цілого формується „народ-вершник”, що практикує трипілля й уявляє собою „... перехід від тих економічних „європейців”, якими можуть стати землероби російської лісової та лісостепової смуги та населення промислове, де б воно не здійснювало свої заняття, до кочівника-монгола, киргиза, калмика, який не зникне й не зможе зникнути ...” [7, с. 337]. Оскільки ж Росія-Євразія не обмежується виключно степом, а поєднує останній з зонами лісу, пустелі та тундри, на теренах євразійського простору, відмічає М. Трубецької, виникають особливі змішані куль-

турно-побутові типи, які можуть слугувати основою для цілої „райдуги євразійських культур”, що є різновидами єдиної загальноєвразійської культури.

Цей факт у поєднанні з неможливістю „замирення” степу зброєю та повного його „охоплення” землеробством, на думку П. Савицького, перетворює завдання політичного об’єднання Євразії (ствердження Євразії у якості Росії-Євразії) на завдання культурної творчості, що має базуватися на тезі про серединний, синтетичний характер її культури, світ якої, поєднуючи в собі західні та східні початки, „осілу” та „кочову” стихії, має не менші самоцінність та історичне значення, аніж європейська та азійська культури. Саме тому, підкреслює П. Савицький, односторонньому ототожненню російської культури із слов’янською, яке належить слов’янофілам, не варто протиставляти таке ж одностороннє її ототожнення з туранською. Лише з огляду на критику та зазначення їх односторонності, а не заради суттєвого витлумачення російської історії є сенс вести мову про присутність в ній „туранського елементу”, який, однак, не є самодостатнім для перетворення географічної цілісності Євразії на державну, оскільки кочова стихія не змогла утримати здійснене нею політичне об’єднання Євразії. Останнє, як слідує з міркувань П. Савицького, можливе лише за умови спільних зусиль „народу-землероба” та „народу-вершника”, практичне здійснення яких диктує „... необхідність посилення в науці (заради повноти та широти охоплення) степолюбивих мотивів, з тим, однак, щоб не повторилося „те ж саме, але навпаки” [7, с. 360].

Завдання духовного синтезу західних і східних початків, зумовлене „замиренням” степу й євразійського простору загалом у спосіб культурної творчості, актуалізує проблему засобів сполучення як, передусім, проблему оволодіння „сухопутною з’єднуючою стихією”. Спроба такого оволодіння, зазначає П. Савицький, належала вже кочівникам, які фактично були посередниками між розрізненими світами осілих культур. Російська імперія теж виявилася на висоті вказаної проблеми, транспортувавши, завдяки побудові Великої Сибірської залізної дороги, степову ідею в умови сучасного для неї політичного та господарського життя. Саме через Росію, вважає П. Савицький, мають пролягати шляхи з Європи до Персії, Індії та Китаю, а російська залізнична сітка повинна орієнтуватися на транзитний європейсько-індійський рух. При цьому така орієнтація має бути витримана не лише для залізниці, а й для автошляхів та повітряних сполучень. „Чим більша вага буде належати повітряним сполученням з властивим їм прагненням літати по прямій – тим яснішою буде ставати роль Росії-Євразії, як „серединного світу” [7, с. 296]. А з відкриттям трансполярних шляхів Росія стане з’єднуючою ланкою між Азією та Північною Америкою. (Як відомо, саме з розвитком комунікацій, Х. Макіндер пов’язував набуття Євразією статусу „серединної землі” від Європи до Тихого океану, перетворення її на опорну точку для встановлення контролю над світовим простором, „географічну вісь історії”, навколо якої обертаються інші держави. К. Хаусхофер теж відмічав той факт, що за допомогою транссибірської магістралі та трансазійських повітряних шляхів, які уявляють собою діаметр євразійського континенту, Росія об’єднує Європу та Далекий Схід в єдиний простір). „Охоплення” степу й, відповідно, простору Євразії за допомогою транспортних засобів, резюмує П. Савицький, дозволить Росії стати справжнім, – не лише в сенсі географічному, –

„серединним світом”, що буде з'єднувати воедино материкові окраїни Старого Світу (Європу, Передню Азію, Іран, Індію, Індокитай, Китай, Японію). Силою незаперечних фактів, пише П. Савицький, – розміщенням на схід від Європи та на північ від „класичної” Азії, – російський світ покликаний об'єднувати ці окраїни. Завдання для Росії-Євразії полягає в тому, щоб використати „серединність” свого географічного положення для виконання ролі посередника в межах Старого Світу при одночасному збереженні власної самодостатності, статусу „континенту у собі”.

Необхідність останнього для Росії, на думку П. Савицького, зумовлена фактом найбільшої її обділеності стосовно передумов участі в світовому господарстві, яке існує як господарство „океанічне”. „... як би не намагалася Росія в межах доступного для її політико-економічному впливу географічного світу вийти до „відкритого” моря, вона ніколи не побачить перед собою того вільного Світового океану, який плескає біля пристаней Нью-Йорка чи Сан-Франциско, біля берегів Ірландії чи Бретані, майже всієї південної Америки, Австралії, Африки ...” [7, с. 405]. Поєднання ознаки виключної віддаленості областей Росії від берегів моря з ознакою замерзання її морів та їх „замкнутості”, що фактично посилює ризик зовнішньо-примусового припинення доступу до даного водного басейну, загрожують їй перспективою бути „задвірками світового господарства”, яка стає реальністю в умовах інтенсивного входження до світового океанічного обміну. Ізольованість від останнього, пише П. Савицький, обертається для Росії економічною примітивністю „натурального” господарства, а залучення до нього – невідбутною владою господарсько-географічної „знедоленості” та промислового „небуття”, зумовлених значною дорожнечою сухопутних перевезень порівняно з морськими. Протистояти владі “океанічного світу” Росія може лише за умови створення господарського взаємодоповнення просторово суміжних областей континентального світу. Використання принципу континентальних сусідств здатне забезпечити певну економічну самодостатність Євразії, – здійснення процесів обміну в її межах без посередництва світового ринку. Окрім цього, стверджує П. Савицький, саме цей принцип заохочує виробництво в континентальних країнах-сусідах, оскільки інтереси найбільш процвітаючих серед них потребують економічного розвитку не взагалі „якихось” районів світового господарства, а цілком певних, суміжних їм областей, в обміні з якими лише й можна подолати недоліки власної „континентальності”. Саме тому, підмічає П. Савицький, в межах континентального світу не є випадковим поєднання окремих районів, що доповнюють одне одного в господарському сенсі. Міцний зв'язок певних внутрішньоконтинентальних областей між собою та їх господарська взаємодоповнюваність є наслідком того, що дорожнеча сухопутних перевезень дозволяє дешево отримувати необхідні продукти лише з даної, – сусідньої, – країни. „Погано буде Уральському гірничопромислового району, якщо довгий час йому прийдеться отримувати м'ясо не з Уфимської та Пермської губерній чи Західного Сибіру, а з Нової Зеландії чи з Аргентини” [7, с. 411].

Більш того, продовжує П. Савицький, континентальний світ здатний втягувати до свого внутрішнього обміну не лише області, що є віддаленими від океану-моря, а й ті приморські райони, які розташовані між ними та морем. Так, з російським господарством сполучені певні частини європейської, іранської та середземноморської

областей, які уявляють собою немов би висунутий вглиб материка емпоріум „окраїнно-приморських” світів. Росія-Євразія як господарсько-географічний світ у перспективі охоплює тому не лише серцевину Старого Світу, а й певні його країни остільки, оскільки її територія охоплює чотири сільськогосподарські зони: зону “європейського” землеробства, зону степового землеробства, зону “абсолютного” скотарства та зону пустелі, подолання якої спричиняє виникнення зони штучного зрошення. На лінії останньої Росія-Євразія стикається з субтропічною зоною, подібно до того як це робить будь-яка країна, що є учасницею океанічного господарства. Внаслідок цього Росія-Євразія існує як континент-океан, поза межами якого лишилися країни, притиснуті до океану-моря певними природними засобами.

„Господарська самодостатність” цього континент-океану, застерігає П. Савицький, не має тлумачитися буквально, як зведення якоїсь економічної Китайської стіни між Росією-Євразією та світовим господарством. Ця „самодостатність” означає наступне. По-перше, в межах Росії-Євразії взаємно врівноважуються головні географічно-економічні стихії сучасного господарства: і суттєво промислові, і суттєво сільськогосподарські; області як помірної, так й теплої поясів. „Нааявність в цьому цілому таких різноманітних за своїм природним та господарським характером частин, як ліси, степи та гори, й існування між цими частинами природного географічного зв’язку дозволяє розглядати Євразію як до певної міри самодостатню господарську область” [8, с. 211]. Тяжіння зазначених стихій одна до одної, на думку П. Савицького, зумовлене не політичною забаганкою, а об’єктивним географічно-технічним фактором, пов’язаним з їх „океанічною знедоленістю”. Державна політика, якщо вона спрямована на збільшення дієвості такого тяжіння шляхом розширення його бази через заохочення створення центрів виробництва ввізних продуктів, може доповнити і, навіть, посилити вплив цього фактору. В будь-якому разі економічне покликання Росії-Євразії, – ствердження себе в якості особливого внутрішньоконтинентального господарського світу, – може стати дійсністю не в силу „природного географічного зв’язку” самого по собі, а лише „під покровом всеохоплюючої *раx rossica*” (П. Савицький). Господарська цілісність Росії, таким чином, хоча й передбачається її географічною цілісністю, але автоматично не слідує з неї. По-друге, „самодостатність” Росії в господарському плані означає необхідність усвідомлення обмеженої, другорядної ролі „океанічного” принципу в її господарському становленні. „Який би вихід до Середземного моря чи Індійського океану не знайшла б Росія, – іронічно зауважує П. Савицький, – морський прибіт не принесе своєї пини до Сибірського „Обриву” [7, с. 418]. Звідси – важливість розробки власної континентальної політики на противагу „океанічній”, яка загрожує Росії підпорядкуванням „морським” державам внаслідок ігнорування континентальних сусідств, а тому й позбавленням її власної геополітики, покликаної вирішити вже згадуване вище двоєдине завдання, а саме: ствердити Росію в якості об’єднуючої та посередницької сили між Сходом та Заходом Старого Світу, з одного боку, й перетворити цілісність географічного світу Росії-Євразії на цілісність її історичного світу в єдності його економічних, політичних та культурних характеристик, – з іншого.

З’ясовані геополітичні аспекти євразійства можуть становити інтерес з двох при-

чин. По-перше, вони своєрідно „відкривають” джерело багатьох теоретичних аргументів, що на сьогодні мають місце в російській геополітичній думці. Наприклад, в роздумах О. Панаріна про нагальність розробки євразійської стратегії для посткомуністичної Росії обіграні деякі тези євразійців. Так, положення про культурну творчість як єдино можливий спосіб об'єднання Євразії присутне у О. Панаріна як установка на пошук нових тюрксько-слов'янських синтезів, які мають засвідчити наявність у народів Росії-Євразії спільних цивілізаційних інтересів й перевершити „енергетику сепаратизму” в будь-яких його проявах. Важливість такого пошуку зумовлена тим, що тюрксько-слов'янська єдність, будучи єдністю землеробського та воїнського початків, є становим хребтом російської державності й цивілізаційною віссю останньої. (Євразійці в цьому сенсі визначали боротьбу Лісу (осілої культури) та степу (кочової культури) в якості стрижня становлення Євразії як політичної та культурно-історичної цілісності). Думка П. Савицького про важливість вивчення кочівницького побуту простежуються під час формулювання О. Панарінін „головного цивілізаційного і геополітичного питання” для нинішньої Росії, яке стосується того, наскільки випадковою чи не випадковою виявилася зустріч слов'янського і тюркського початків у російській історії, а отже й того, наскільки життєздатним і важливим для неї є тюрксько-слов'янський союз. „... тюркське прищеплення виявилось могутньою підставою геополітичної творчості – вольового оволодіння великим простором, чого явно не вистачало миролюбному провінціалу Євразії – слов'янському Хліборобу” [6, с. 232], – зазначає О. Панарін, фактично повторюючи „полемічне підкреслення” євразійцями ролі туранського елементу в російській історії. Зауваження П. Савицького про спільні зусилля „народу-землероба” та „народу-вершника” як умову освоєння євразійського простору відлунує у міркуваннях О. Панаріна про неприпустимість віддання якомусь одному з цих народів пальми першості у справах облаштування Росії. Слов'янському елементу, пише О. Панарін, якщо він вирішить дистанціюватися від туранського, загрожує занепад на кшталт ізольованих один від одного локусів, безвідповідальних стосовно загальнолюдських інтересів й не здатних захистити себе у випадку небезпеки ззовні. Туранському ж елементу, у випадку його відокремлення від слов'янського, загрожує чи то сповзання в „субкультуру допомог”, яка передбачає утриманство та залежність від „гуманітарної допомоги” ззовні, чи то роль „бравих вершників”, які віддають перевагу легкості „воєнної здобичі” перед тягарем праці.

В. Цимбурський, з одного боку, будує свою концепцію „острівної ідентичності” Росії, полемізуючи з євразійством й заперечуючи його, а, з іншого, фактично розвиває положення останнього під час обґрунтування доцільності цієї концепції для російського сьогодення, зокрема, тези про пріоритетність для Росії з огляду на її посткомуністичні реалії внутрішньої геополітики. Мова йде про важливість для збереження цілісності євразійського простору врахування суперечливого характеру розміщення в ньому основних комунікацій, а саме: меридіональний напрямок систем великих річок пересікає довготний напрямок системи степу. Євразійці, як відомо, виводили з цього факту необхідність оволодіння степом, як умову державного об'єднання Євразії. В. Цимбурський же, розмірковуючи над фактом проходження основних комунікаційних ліній Росії по її „окраїнній каймі”, вирізняє в гео-

політичній структурі сьогоденної Росії так звані „регіони-кріплення”, які, на його думку, є особливо значимими для цілісності та безпеки російської держави. „Це зони, де на стику широтного розгортання Урало-Сибіру та довготного розгортання флангів по краям країни зустрічаються її комунікації, що йдуть у напрямках „північ-південь” та „захід-схід” [9, с. 124]. До таких зон, на думку Цимбурського, належать Нижнє Поволжя з сусіднім Північним Кавказом, Далекий Схід, Північний Захід, що межує з Прибалтикою та Північною Європою, слабко заселені області Росії на захід та південний захід від Берингової протоки, південно-західна Сибір з Середнім та південним Уралом. Якщо Росія, пише В. Цимбурський, втратить контроль над будь-якою з цих зон, то як цілісний „комунікаційний контур” вона перестане існувати. Лише одна зона, – Урало-Сибір, – за умови належної до неї уваги може, вважає В. Цимбурський, забезпечити необхідний контроль над рештою „регіонів-кріплень” й, тим самим, відвернути дестабілізацію Росії. Це зумовлене тим, що саме тут широтна протяжність сибірських ландшафтів наштовхується на меридіональну смугу Уралу. „Весь цей ареал ..., відокремлений від Кавказу та Близького Сходу, дозволяє у випадку необхідності локалізувати та блокувати південно-західні, кавказькі потрясіння, здійснюючи зв'язки до уральської Росії з нашим сходом в обхід кризової зони” [9, с. 125]. Після розпаду СРСР, зазначає В. Цимбурський, саме південно-західна Сибір разом із суміжними районами Уралу відіграє роль справжньої Середньої Росії. Концептуальне осмислення проблем останньої дозволить Росії, на думку вченого, з одного боку, ухилитися від західного виклику, а, з іншого, – посилити значимість урало-сибірського простору в якості транзиту тихоокеанських товарів до Східної Європи. Євразійці, як відомо, теж наполягали на відмові Росії від прагнення стати європейською державою (В. Цимбурський в цьому сенсі неодноразово наголошує, що Росія – поза Європою), одночасно доводячи важливість ствердження її у якості посередника між Заходом та Сходом Старого Світу. „Поле зору, що охоплює в однаковій і повній мірі увесь Старий Світ, – писав П. Савицький, – може й повинно бути переважно російським полем зору” [7, с. 297]. „Росія як серединний світ” присутня у концепції В. Цимбурського як „Серединна Росія”, але за своїм покликанням та завданнями ці дві Росії мало чим відрізняються одна від одної. Власне Євразія євразійців, – область степової та пустельної смуги, яка простягається безперервною лінією від Карпат до Хінгану (П. Савицький), – має своїм аналогом у концепції В. Цимбурського „Великий Лімітроф”, визначений як сукупність континентальних тилових периферій приокеанських цивілізаційних платформ. Якщо у євразійців умовою формування державної цілісності Росії є оволодіння цією смугою, то у В. Цимбурського розробка різноманітних технік впливу на Великий Лімітроф з метою перетворення його на своєрідний „пояс безпеки” є умовою збереження державної цілісності сьогоденної Росії. Так, поєднання Великого Лімітрофу та Тихого океану за рахунок розвитку східної інфраструктури, пише В. Цимбурський, дозволить Росії не лише відкрити шлях тихоокеанським економікам до Великого Лімітрофу, а й трансформувати тихоокеанський натиск на неї „в нову російську могутність”.

По-друге, окреслення власне геополітичних положень концепції євразійства дозволяє своєрідно „реабілітувати” класичну геополітику, яку зараз модно звинувачу-

вати в географічному детермінізмі, абсолютизації географічного фактору, фізично-географічних характеристик простору тощо. При цьому забувається, що ті чи інші виміри останнього, – фізично-географічні, етнографічні, культурно-історичні, – цікавлять геополітику не самі по собі, а з огляду на завдання оволодіння простором, встановлення та утримання контролю над ним. „... геополітична теорія – теорія використання географічних конфігурацій для розширення сфер впливу та експансії” [1, с. 134]. Ось чому Н. Спідмен вказував свого часу, що географічні фактори безперечно лишаються незмінними, однак, їх значення для політики є мінливим. „Друга географічна концепція” Х. Макіндера, в якій, з врахуванням союзницьких домовленостей між СРСР, США та Великобританією під час Другої світової війни, змінені географічні обриси „хартленду”, свідчить як раз про відносну (а не абсолютну!) значущість географічних чинників для геополітики. Тай сама Євразія у Х. Макіндера не є відвічно стратегічно важливою „географічною віссю історії” через суто свої фізичні характеристики, а стає такою в тій мірі, в якій простір Євразії пов’язують в одне ціле нові, порівняно з морськими, засоби сполучення. Т. Андріанова з цього приводу зазначає, що освоєння морських шляхів в технологічному плані є порівняно легкою справою, оскільки вони фактично є природними комунікаціями. Освоєння ж величезних масивів суші практично неможливе без досягнення суспільством певного рівня технологічного розвитку. В той же час навіть у Ф. Ратцеля, контроль над морськими шляхами залежить від „великих рішень”, бо самі по собі ці шляхи, зазначає Ф. Ратцель, є байдужими до перебігу подій на них. Таким чином, не простір як такий, а простір та контроль над простором – є центральними категоріями геополітики. „Географія, яку має на увазі геополітична думка – це не фізична географія суші і моря; це географія комунікацій міжнародної торгівлі та міжнародної війни, географія ... морського і сухопутного володарювання, яке підлягає історичним змінам” [5, с. 56]. Геополітичні тези євразійства мають справу саме з такою географією, акцентуючи увагу не на географічній цілісності Євразії як такої, а, як це було показано вище, на етапах, завданнях та перспективах „конкретного історичного процесу” (П. Савицький), – в єдності його економічних, культурних та політичних складових, – перетворення цієї цілісності на державну.

Список литературы

1. Андрианова Т.В. Геополитические теории XX века (социально-философское исследование). – М., 1996.
2. Евразийство (опыт систематического изложения) // Основы евразийства. Антология. – М., 2002.
3. Евразийство (формулировка 1927 года) // Там само.
4. Кизеветтер А.А. Евразийство (1926) // Философские науки. – 1991. - № 12.
5. Максименко В.И. Россия и Азия или Анти-Бжезинский (очерк геополитики 2000 года) // Восток. – 2000. – № 1.
6. Реформы и контрреформы в России. – М., 1996.
7. Савицкий П. Континент Евразия. – М., 1997.
8. Трубецкой Н. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Основы евразийства. Антология. – М., 2002.
9. Цымбурский В.Л. А знамений времени не различаете ... // Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. – М., 2000.

Поступило в редакцию 30 июня 2004 г.

УДК 323.174

В. А. Горенкин

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛИЗМА

Современный мир изменялся очень быстро как в мирохозяйственных, так и в мирополитических отношениях. Заметно увеличился разрыв в экономическом развитии многих стран, прежде всего между промышленно развитыми и беднейшими государствами Азии, Африки и Латинской Америки. Такое неравномерное соотношение экономического развития накладывает отпечаток на степень развития политических систем, уровень демократии в различных странах мира, проявления сепаратизма.

Исчезновение межблокового военного и экономического противостояния затрагивает и идеологическую сферу. И здесь возникает ряд вопросов относительно будущей модели устройства мира.

На смену идеологическому противостоянию "коммунизм – антикоммунизм" (социализм – капитализм) грядет противостояние религиозно-культурных цивилизаций. Например, христианской, конфуцианской, мусульманской. Действительно, для такого предположения имеются определенные основания. Продолжающийся конфликт на Ближнем Востоке, недавняя война в бывшей Югославии, вспышки религиозного фанатизма на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Афганистане как бы подтверждают такое предположение о "дуге" потенциальной опасности на стыке христианской и мусульманской цивилизации [1, с. 44]. Сторонники такой тенденции определяют современный глобальный мир и его изменения через призму цивилизации, рассматривая цивилизацию как культурно-исторический тип, характеризующий регионально-традиционные особенности развития общества [2, с. 23].

Так, С. Хантингтон, развивая научные традиции О. Шпенглера, Н. Данилевского, А. Дж. Тойнби, считает, что мировая политика вступает в новую фазу, в которой идеологические и экономические факторы уже не будут являться источником конфликта. Так же как и Тойнби, он считает, что большая часть истории есть история цивилизаций "и мир возвращается к этой схеме" [3, с. 47]. Хантингтон выделяет 7 или 8 современных главных цивилизаций: западная, конфуцианская (Китай, Корея и страны Юго-Восточной Азии), исламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская и, возможно, африканская. Поскольку эти различные цивилизации отличаются друг от друга своей историей, языками, культурой, традициями и, самое главное, религией, то, по мнению Хантингтона, "линии раздела между цивилизациями станут аренами сражений будущего" [3, с. 47]. С этой точки зрения, региональное экономическое развитие, как считает Хантингтон, может быть успешным, если оно основывается на общей цивилизации. Так, например, Европейский Союз покоится на общем фундаменте европейской культуры и западного христиан-

ства, Япония же встречает трудности в создании подобной экономической общности в Восточной Азии. Тем не менее, для преодоления возникающих противоречий и религиозных различий Хантингтон предлагает, как достичь компромисса между современной Западной цивилизацией и остальными, незападными: "Незападные цивилизации пытаются стать, современными и будут продолжать стараться приобрести богатства – технологию, мастерство, оружие, являющиеся атрибутами современности. Их экономическая и военная силы будут возрастать, отставание от Запада сокращаться" [3, с. 48].

Однако концепция столкновения цивилизаций вызывает споры. Не все ученые, политологи и политические лидеры согласны с ней. По мнению А. Скалапино, президента Общества Азии, следует предать забвению концепцию о том, что может возникнуть столкновение между соперничающими цивилизациями или культурами. "Бесспорно, культура является и будет оставаться фактором среди многих, которые указывают на национальные различия, но где сегодня культура проявляется в чистом или статичном виде, не тронутая мировыми течениями, сохранившаяся сама в себе, проходя через поколения и этнические границы?" [4, с. 43]. Господствующей тенденцией, как считает А. Скалапино, является гомогенизация культур. Различные культуры становятся взаимозависимыми. Таким образом, в постмодернистский век основное столкновение будет не между так называемыми цивилизациями, а между силами разъединения (*disaggregation*) и соединения (*aggregation*). Это столкновение будет происходить как внутри общества, так и на региональном и глобальном уровнях. Именно Азиатско-Тихоокеанский регион, как предполагает А. Скалапино, будет целиком вовлечен в этот процесс, так как АТР занимает полмира и здесь расположено большинство динамичных обществ нашего времени [4, с. 43].

Представители концепции о гомогенизации культур едины во мнении, что с окончанием "холодной войны" ускорился процесс конвергенции различных идеологий (консерватизм, либерализм, социализм, транснационализм, неоккоммунизм) в одну, основанную на постулатах западной либеральной демократии [5, с. 14]. Такое утверждение не лишено основания. Демократические преобразования в России, других странах Восточной Европы, Латинской Америки подкрепляют эту концепцию. Это частично объясняется глобальными масштабами действий ряда западных средств информации, преимуществами западной системы высшего образования, фундаментальной наукой и тем, что английский язык все больше становится стандартной формой международного общения.

Так, Френсис Фукуяма в "нашумевшей" статье "Конец истории?" полагает, что события в последнее десятилетие имеют фундаментальный характер. Но если Хантингтон и Тойнби в своих работах призывают Запад учитывать многообразную картину мира и рассматривают западную цивилизацию наряду с другими, то Фукуяма считает, что Запад со своей либеральной демократией пришел к неоспоримой победе экономического и политического либерализма. "Триумф Запада, западной идеи очевиден, прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизненных альтернатив" [5, с. 16]. С окончанием "холодной войны" Фукуяма связывает конец истории как таковой, в результате чего завершается идеологическая эволюция человечества и происходит универсализация западной либеральной демократии, как

окончательной формы правления. Однако, как считает Фукуяма, это не означает, что исчезнут конфликты и наступит вечный мир. Признавая неизбежность пост-исторического мира, который приходит на смену историческому, Фукуяма тем самым утверждает тезис о том, что с крушением коммунистической идеологии в глобальных масштабах мир будет разделен на две части: одна будет принадлежать истории, другая постистории [5, с. 17].

Можно ожидать, что формирование либерально-демократической цивилизационной структуры может занять центральное место в развитии глобальных идеологических процессов. В то же время нельзя не признавать тот факт, что процессу формирования единого междивизиационного пространства противостоит другая тенденция – национально-религиозное обособление. Национально-религиозные течения отличаются своим радикализмом и национальным экстремизмом в тех странах, которые все больше отстают в своем экономическом развитии от индустриально развитых стран. За последние десятилетия значительно увеличилось число независимых государств, признанных полноправными членами международного сообщества. Мир стал теснее, но различные национальные, культурные, религиозные или иные группы в рамках существующих государств, сообществ требуют для себя автономии и независимости. Происходит возрождение местных идентичностей, основанных на этнических и религиозных ценностях. Все это свидетельствует о возникновении тенденции к децентрализации и партикуляризации. Раздел Чехословакии на два самостоятельных государства, кровавая межэтническая вражда в бывшей Югославии, распад СССР и образование на его месте новых государств – все это позволяет утверждать, что сегодня с большей остротой обозначились этнические, религиозные и социокультурные проблемы и противоречия.

По-видимому, как ни парадоксально, но можно говорить о том, что развитие политических процессов XX века дает два явно противоположных эффекта. С одной стороны, происходит большое обобщение, объединение мира. С другой стороны, параллельно такому развитию – наблюдается тенденция к диверсификации и разнородности мира.

Объясняя сегодняшние перемены в мире, американский социолог и футуролог Олвин Тоффлер, автор одного из вариантов концепции постиндустриального общества считает, что сегодня в мире происходит постепенное распадение прежних властных структур и зарождение новых. В результате разбалансированного бывшего равновесия между США и СССР возникли "черные дыры" (в Восточной Европе, Средней Азии), которые могут вовлечь нации и народы в новые, а может быть – в уже отжившие союзы и противоречия [6, с. 79]. Причем такое смещение власти происходит как "вниз", когда государство отдает часть своих внутренних полномочий на более низкий региональный, районный, кантонный, земельный уровни, так и "вверх" – когда часть полномочий отходит наднациональным, межправительственным органам. В результате такого смещения власти появляются новые тенденции в современном мире, которые получают неоднозначную оценку.

Смещение власти "вниз" – перераспределение власти от национального государства к его более мелким единицам – может привести к дроблению многонациональных государств, их распаду и возникновению на их месте новых государств. Так,

при создании новых региональных экономических зон, вместо традиционных, складываются качественно новые отношения между соседними государствами. Например, Словения стала больше торговать с Австрией и меньше с Сербией, северная Италия налаживает более тесные связи с альпийскими государствами, чем с Калабрией и Сицилией [7, с. 159]. Уже можно говорить о возникновении "региональных государств", которые основаны на очень тесных экономических отношениях граничащих между собой государств, при этом стремление к более тесной интеграции одной части суверенного государства с другой частью продиктовано экономической выгодой.

Несомненно, что такое перераспределение полномочий "вниз" несет в себе опасность национальной дезинтеграции многонационального государства, в котором этнические противоречия могут обостряться. Например, тяжелейшим испытанием подвергается государственная система, построенная на европейский лад в Африке. Когда-то искусственно созданные границы оказались здесь не в соответствии с этническими особенностями целых народов, что приводит к межэтническим конфликтам, гражданским войнам, региональному соперничеству.

Вероятно, можно утверждать, что при возрастании численности народонаселения тенденция к возникновению региональных конфликтов, борьба за ресурсы и дальнейшее распространение средств коммуникаций будут увеличивать напряженность между традиционными политическими структурами. В этой связи силы фундаментализма и национализма можно рассматривать как реакцию на глобализацию, которая подрывает международную стабильность.

При "передаче" власти на низший уровень государство нередко утрачивает монополию на легитимное использование вооруженного насилия. В результате этого происходит вооружение в первую очередь этнических, конфессиональных и других групп, что позволяет говорить о "корпоративизации" и "приватизации" военной силы, включая военную технику, вооружение и другие средства вооруженной борьбы [8, с. 56]. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии и СССР (приднестровский, абхазо-грузинский, осетино-ингушский, нагорно-карабахский, чеченский и др.) являются яркими тому примерами. При этом одной из самых актуальных проблем становится проблема регулирования торговли оружием. Хотя интересы коммерческой выгоды преследуют все крупные государства – производители оружия, всё же интересы безопасности мира требуют от государств-экспортеров взаимного ограничения продажи наиболее смертоносного оружия, отказов от поставок в районы конфликтов, ужесточения системы контроля над продажей обычных видов стрелкового вооружения и боеприпасов.

Смещение власти "вверх" проявляется в том, что сегодня государство уступает часть своих полномочий региональным и всемирным организациям, роль которых в наступающем веке будет, несомненно, повышаться, причем не только в экономической сфере, но и в области политики и безопасности. В настоящее время экономические образования – "естественные экономические территории" (National Economic Territories – NET) пересекают политические границы и простираются по всей Азии (Гуандун – Гонконг, Тайвань), Шаньдун – Южная Корея, Дэлхор – Сингапур-острова Риау (Индонезия), способствуя перемещению капиталов, рабочей силы и

технологий. В перспективе вырисовываются такие НЕТ, как зона прибрежных территорий Японского моря, дельта региона Туманган, юг Таиланда – запад Малайзии – Суматра.

Эти образования вместе с такими более официально созданными организациями, как ОПЕК, НАФТА и Европейский Союз, бросают вызовы абсолютному суверенитету государства. Так, например, французский исследователь Б. Варюсфель полагает, что государства-нации сходят с международной сцены. Изнутри их подтачивает неолиберализм, а снаружи – наступление мощных транснациональных компаний [9, с. 36]. Государства-нации не могут достаточно быстро адаптироваться к двум тенденциям: интернационализации обменов и возникновению небольших сообществ на низовом уровне (местные коллективы, ассоциации, семейные и этнические группы).

По мнению Варюсфеля, в случае, если победит тенденция к дивергенции, возможны либо "ливанизация", то есть полностью расколовшийся мир, либо эксплюрализм, когда мир будет состоять из немногочисленных небольших местных полуавтаркических коммун, живущих без насилия, уважающих самобытность других, оберегающих окружающую среду, поддерживающих связи друг с другом с помощью современных информационных средств. В случае, если победит тенденция к конвергенции, весьма вероятно либо превращение мира в единый рынок, который будет способствовать сближению экономических систем, либо одностороннее доминирование США или западных держав под флагом ООН [10, с. 3]. Между тем острые проблемы в экономике и в области безопасности потребуют от правительств все более действенных усилий на региональном и глобальном уровнях, несмотря на препятствия, которые будут присутствовать и в дальнейшем. Поэтому, наряду с усилением региональных и глобальных экономических институтов, государства, вероятно, будут по-прежнему играть существенную роль, выступать в качестве переговорных механизмов на двусторонней основе.

Иными словами, можно согласиться с точкой зрения В. Иорданского, по мнению которого в современном мире наблюдаются две противоположные тенденции. Первая тенденция заключается в движении наций к самоопределению и независимости, вторая, напротив, – в стремлении к образованию крупных полиэтнических общностей, к формированию мощных "супернаций", где органично были бы соединены этносы, различные традиции и культуры [11, с. 7]. Одна тенденция ведет к расщеплению больших государств на малые, к расколу единого геополитического пространства, другая – к образованию региональных союзов, ассоциаций, конфедераций, взаимосвязи континентов и стран. Именно в такой дихотомии проявляется противоречие мирового политического процесса сегодняшнего времени.

Список литературы

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1998.
2. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – СПб., 1995.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. – 1994. – №4.
4. Скалапино А. Впереди – вызовы грядущего // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – №8.
5. Фукуяма Ф. "Конец истории?" // Вопросы философии. – 1990. – №3.
6. Toffler A. The Power Shift: Knowledge, Wealthy and Violence at the Age of 21-st Century – New York, 1990.
7. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. – М., 1997.
8. Фельдман Д.М. Военная сила в посттоталитарной Европе // Вестник Московского Университета, Серия 18, Социология и политология. – 1996. – №4.
9. Варюсфель Б. Мировая политика // Международная жизнь. – 1993. – №6.
10. Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века // Международная жизнь. – 1996. – №10.
11. Иорданский В. Глобальный этнический кризис, или сумерки разобщенности // Мировая экономика и международные отношения. – 1993. – №12.

Поступило в редакцию 1 июня 2004 г.

Рецензия

А. А. Чемшист

**«ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ»
В УКРАИНСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

В течение 2002 – 2003 гг. отечественная политическая литература пополнилась еще одним изданием. В свет вышел фундаментальный научный труд «Философия политики» в шести томах. В его создании приняли участие видные ученые страны, специализирующиеся в области философии и политологии. Прежде всего – это руководитель проекта доктор философских наук А. В. Толстоухов, а также доктора наук, профессора В. П. Андрущенко, В. С. Бакиров, Н. И. Бойченко, Л. В. Губерский, В. Г. Кремень, Ф. М. Кирилюк, Н. И. Михальченко, В. С. Пазенок, С. Г. Рябов, Ю. С. Шемшученко.

Издание включает в себя учебник, энциклопедический словарь и хрестоматию.

Осуществленный проект, очевидно, послужит обеспечению первичного философского просвещения в пространственном поле политики. Он познакомит читателя с историческим развитием философских учений о политике, введет его в содержательный контекст таких опорных понятий, как «бытие политического», «политическая власть», «субъект политической деятельности», «политическая система», «политическая гносеология», «политическая духовность» и т.д. Одновременно читатель обнаружит анализ реальных политических процессов, осуществляемых в Украине и в мире. При этом авторы никоим образом не пытаются навязать читателю свои политические оценки и убеждения. Напротив, они формируют методiku и методологию дискурса, благодаря которому каждый имеет возможность «приблизиться к себе», сформировать собственное мнение, оценку, убеждение. Материал, содержащийся в учебнике, является своеобразным теоретическим и философским основанием для этого.

Издание представляется исключительно полезным, поскольку в нем впервые в отечественной литературе предпринята попытка выделить, систематизировать и истолковать категории философии политики в соответствии с новейшими подходами, утвердившимися в мировом и европейском научном и политическом пространстве.

Выход издания в свет нельзя не связать с теми глобальными изменениями, которые происходят в мире и стране и требуют философского осмысления, а на этой основе – выработки стратегии рациональной деятельности, обеспечивающей адекватное отношение человека к действительности.

Издание содержит основательный материал о том, как Украина, исторически и геополитически находящаяся на перекрестке «мировых путей», переосмысливает

теоретические основы национального политического бытия, собственный и мировой политический опыт, пытается отыскать именно ту модель политической самоорганизации, которая обнаружит и обеспечит гуманистические приоритеты социально-экономического, политического и социокультурного развития.

Безусловно, издание будет полезным для всех, кто интересуется проблемами политики, политических, философских и других социальных и гуманитарных наук.

АННОТАЦИИ

Габриелян О. А. Теория и практика формирования гражданского общества в Украине // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 3-15.

В статье ставится задача проанализировать реальный процесс становления гражданского общества в Украине. Автор предлагает исследовать не утопические изыскания, а практику построения гражданского общества в реалиях западной цивилизации и постараться разобраться с возможностью его формирования и функционирования в Украине.

Ключевые слова: гражданское общество, демократия, идеальный тип, западная цивилизация, западное общество.

Чемшист А. А. Политика национальной интеграции как фактор формирования гражданского общества в Украине // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 16-26.

Вскрываются причины модернизационного синдрома в Украине. Показывается, что на современном этапе политического развития для сохранения демократического характера политической системы страны требуется проведение политики национальной интеграции. Вскрываются стратегические и тактические аспекты создания социальной среды для начала формирования институтов гражданского общества.

Ключевые слова: модернизационный синдром, политическая система, демократия, национальная интеграция, гражданское общество.

Лагутин А. В. Политический процесс как инструмент построения гражданского общества (украинский опыт) // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 27-36.

Автор рассматривает формирование институтов гражданского общества как главную предпосылку утверждения современного демократического государства. Сформировавшийся политический процесс как совокупная политическая динамика предстает в виде иерархичной системы подвижных связей и отношений, носители которых постоянно или с различным ритмом периодичности изменяют свое положение, влияние. Их объективное и субъективное отношение к важным социально-политическим вопросам при этом также изменяется. Вне зависимости от этих изменений, характера общей политической динамики, политический процесс представляет собой по сути своеобразный инструмент или средство разрешения всех важных проблем, в том числе проблемы утверждения гражданского общества.

Задачей статьи является анализ принципиально существенных сторон воздействия политического процесса на гражданское общество с позиций его фундаментального укрепления либо ослабления. В качестве предметной исследовательской области берется преимущественно политический материал и опыт Украины.

Ключевые слова: гражданское общество, политический процесс, демократия, политические элиты.

Святовец О. В. Особенности публичной сферы гражданского общества // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 37-44.

Публичная сфера рассматривается как одна из автономных областей, как пространство, где «рождается и кристаллизуется» общественное мнение. К событиям, несомненно активизирующим публичную сферу, автор относит выборы. А для того, чтобы их можно было соотносить как с политической, так и с публичной сферой, необходимо осуществить обособление гражданского общества и политики.

Ключевые слова: публичная сфера, гражданское общество, выборы, реклама, власть.

Арудов М. С. Диалог общества и власти, или поиск гражданского согласия // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 45-55.

В статье рассматривается возможность диалога общества и власти. По мнению автора, политика мультикультурализма представляет собой инструмент диалога с ориентиром на достижение гражданского согласия в условиях социокультурного плюрализма.

Ключевые слова: общество, власть, гражданское согласие, мультикультурализм, социокультурный плюрализм.

Лопушанский И. Н. Гражданское общество постсоветской России: истоки, реальность, перспективы // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 56-63.

Автор в статье проводит анализ этапов формирования понятия «гражданское общество» в постсоветской России. Исследует его истоки, реальность и перспективы.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, закон, либерализм, власть.

Тихомирова Е. Б. Государство и гражданское общество в идеологии современного глобализма и альтерглобализма. // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 64-72.

В статье рассматриваются проблемы государства и формирования гражданского общества в контексте интенсификации взаимосвязей и взаимоотношений между странами и обществами в условиях глобальной поступи. Автор анализирует разные подходы, присущие глобализму и альтерглобализму, по рассмотрению вопросов политического развития и гражданского общества.

По мнению автора, альтерглобалистские концепции государства и гражданского общества отличается не только от трактовок глобалистов, но и от существовавших ранее и теперь существующих оппозиционных капитализму идеологий и движений. Альтерглобалисты не предлагают создания другой идейно-политической системы. Они стремятся построить глобальное гражданское общество как противовес глобальным политическим структурам, а не как замену их.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, глобализация, альтерглобализм.

Шоркин А. Д. Условия диалога общества и власти // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 73-79.

В статье рассматриваются условия диалога общества и власти. Автор утверждает, что для наличия диалога необходимо осуществление определенных коммуникативных условий. Выделяет формы коммуникации и обозначает препятствия диалога общества и власти.

Ключевые слова: общество, власть, диалог, коммуникация, демократия.

Туркина И. Е. Роль и место конституционной модели государственности в политической системе демократического общества // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 80-87.

Автор определяет роль и место конституционной модели государственности в политической системе демократического общества.

Ключевые слова: государство, политическая система, демократическое общество, конституция.

Запрудский Ю. Г. Природа политического: противоречия и конфликты политической власти // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 88-95.

В статье предпринята попытка ещё раз осмыслить природу политического, выделить её функции и типы, а также понять феномен существования.

Ключевые слова: политический режим, конфликт, власть, общество.

Кузьмин Н. Н. Типология отношений власти и общества: традиционная культура, модерн, постмодерн // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 96-103.

В статье рассматриваются эмпирические формы взаимоотношений власти и общества и отмечается их необычайное разнообразие. Автор настаивает на необходимости осмысления этого разнообразия и требует определенной классификации.

Ключевые слова: власть, общество, традиционная культура, модерн, постмодерн.

Примичев И. Н. Развитие форм диалога власти с общественностью как фактор социально-экономического развития региона // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 104-112.

Исследована возможность налаживания диалога между органами власти и общественностью, в том числе оппозицией в условиях формирования демократического общества. Отражено нормативно-правовое обеспечение развития соответствующих служб и кадровой политики по отношению к “паблик рилейшнз” органов власти. Приведены примеры форм и методов “паблик рилейшнз” органов власти в Автономной Республике Крым.

Ключевые слова: демократия, диалог, общество, власть, “паблик рилейшнз”.

Леухина А. Г. Взаимодействие объединений граждан и органов государственной власти: влияние институциональных возможностей // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 113-120.

Статья посвящена изучению институциональных возможностей объединений граждан и органов государственной власти как факторов, влияющих на характер и содержание взаимодействия между ними. Основная гипотеза исследования, в итоге подтвержденная автором: институциональные возможности органов государственной власти и объединений граждан существенно влияют на способность этих субъектов конструктивно и результативно сотрудничать. Автор анализирует существующий уровень взаимодействия между объединениями граждан и органами власти в Украине, выделяет основные составляющие взаимодействия и описывает характерные черты институциональных возможностей обоих субъектов, которые влияют на формирование уровня сотрудничества.

Ключевые слова: общество, объединение граждан, власть.

Черепченко О. О. Развитие взаимодействий между обществом и государством в современной Украине в контексте диктаторской исторической традиции // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 121-128.

В статье рассматривается взаимодействие между обществом и властью в Украине в рамках моделей поведения, традиционных для данной политической системы. Модели политического поведения как масс, так и элит опираются на исторически сформированные практики функционирования диктаторских политических систем, последняя из которых – советская, существовала на основе институтов демократии. Подчеркивается, что в Украине диалог между властью и обществом возможен лишь в случае выработки принципиально новых практик функционирования демократических институтов.

Ключевые слова: общество, власть, политическая система, демократия, демократические институты.

Филатов А. С. Политическая реформа: украинский вариант // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 129-135.

В статье рассматриваются проблемы реформирования политической системы украинского общества, содержится анализ функционирования исполнительной ветви власти. Автор предлагает классифицировать политические партии на основе их функциональных признаков. Им коррелируются понятия политической реформы и избирательной реформы. В целом процесс политического реформирования в условиях транзитного общества характеризуется с учетом демократических ценностей и состояния гражданского общества.

Ключевые слова: власть, гражданское общество, демократическое общество, избирательная система, политическая реформа, политическая партия

Смий А. М. Внешний фактор функционирования демократической политической системы в Украине // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 136-145.

В статье раскрывается роль внешнего фактора в формировании украинской демократической политической системы как единицы политологического анализа. Анализируются теоретико-методологические приёмы оптимизации воздействия внутреннего и внешнего факторов политического развития. Вводится понятие донорского энергетического потенциала политической системы. Обосновывается асимметричность оптимизирующей модернизационной стратегии Украины.

Ключевые слова: демократия, политическая система, политическое развитие, политологический анализ.

Наумкина С. М. Тенденции и перспективы развития партийно-политической сферы в Украине // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 146-153.

Автор анализирует партийную систему Украины, уделяя особое внимание условиям и факторам, способствующим её становлению.

Ключевые слова: партийная система, партийно-политическая сфера, гражданское общество, власть.

Дегтеренко А. М., Булик М. В. Политические программы как фактор влияния на общество на примере выборов в Верховную Раду Украины в 2002 г. в г. Мариуполе // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 154-162.

В статье рассматриваются политические программы как фактор влияния на общество во время предвыборной кампании. Для того, чтобы понять особенности формирования политических программ в Украине, авторы анализируют их специфику, цели и функции. Выводы, представленные в статье, свидетельствуют, что политические программы играют сегодня второстепенную роль в предвыборной кампании.

Ключевые вопросы: политическая программа, предвыборная кампания, политические партии, выборы, общество.

Старшиш А. Г. Общественное сознание в контексте глобализации: генезис, состояние, перспективы // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 163-170.

В статье рассматривается изменение общественного сознания сквозь призму глобализа-

ции с учетом политических, экономических и социальных факторов.

Ключевые слова: общественное сознание, глобализация, цивилизация, ойкумена, информатизация.

Цыкуренко С. Г. Интеграция крымских татар в украинское общество: основные достижения и проблемы // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 171-179.

В статье представлен анализ основных тенденций процесса интеграции крымских татар в украинское общество и крымский социум. За годы независимости были достигнуты положительные результаты, однако в силу своей сложности и противоречивости процесс интеграции сталкивается с рядом проблем. Среди них автор выделяет политико-правовые, социально-экономические, а также проблемы безопасности.

Ключевые слова: интеграция, крымский социум, безопасность, государство, национальные меньшинства.

Шульга М. А. Геополитическое положение концепции евразийства // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 189-200.

В статье анализируются концепции видных представителей геополитической теории евразийства, таких как П. Савицкий, Н. Трубецкой, А. Кизеветтер. Автор рассматривает концепцию евразийства как базовую и для общественно-политической мысли России в целом, и для геополитического направления в частности.

Ключевые слова: евразийство, геополитика, Евразия, Россия.

Горенкин В. А. Глобальные тенденции развития регионализма // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 201-206.

В статье рассматриваются различные модели политического устройства мира. Автор, анализируя разные концепции (цивилизационная, постиндустриальная, либерально-демократическая), указывает на глобальные тенденции развития регионализма.

Ключевые слова: регионализм, цивилизация, постиндустриальное общество, государство, нация.

АНОТАЦІЇ

Габрієлян О. А. Теорія і практика формування громадянського суспільства в Україні // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 3-15.

В статті поставлено завдання проаналізувати реальний процес становлення громадянського суспільства в Україні. Автор пропонує дослідити не утопічні візії, а практику побудови громадянського суспільства в реаліях західної цивілізації та спробувати розібратися з можливостями його формування і функціонування в Україні.

Ключові слова: громадянське суспільство, демократія, ідеальний тип, західна цивілізація, західне суспільство.

Чемшист О. О. Політика національної інтеграції як фактор формування громадянського суспільства в Україні // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 16-26.

Наведені причини модернізаційного синдрому в Україні. Показано, що на сучасному етапі політичного розвитку для збереження демократичного характеру політичної системи країни необхідно проведення політики політичної інтеграції. Наведені стратегічні та тактичні аспекти створення соціального середовища для початка формування інститутів громадянського суспільства.

Ключові слова: модернізаційний синдром, політична система, демократія, національна інтеграція, громадянське суспільство

Лазутин А. В. Політичний процес як інструмент побудови громадянського суспільства (український досвід) // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 27-36.

Автор розглядає формування інститутів громадянського суспільства як головну передумову утвердження сучасного демократичної держави. Політичний процес, що сформований як сукупна політична динаміка, являє собою ієрархічну систему рухомих зв'язків і відносин, носії яких постійно чи з різним ритмом періодичності змінюють свій стан, вплив. Їхні об'єктивне і суб'єктивне відношення до важливих соціально-політичних питань при цьому також змінюється. Поза залежності від цих змін, характеру загальної політичної динаміки, політичний процес являє собою за своєю сутністю інструмент або засіб розв'язання усіх важливих проблем, у тому числі проблеми утвердження громадянського суспільства.

Завданням статті є аналіз принципово сутнісних важелів впливу політичного процесу на громадянське суспільство з позицій його фундаментального укріплення або послаблення. В якості дослідницької предметної галузі наводиться переважно політичний матеріал і досвід України.

Ключові слова: громадянське суспільство, політичний процес, демократія, політичні еліти.

Святовець О. В. Особливості публічної сфери громадянського суспільства // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 37-44.

Публічна сфера розглядається як одна з автономних галузей, як простір, де “народжується і кристалізується” суспільна думка. До подій, що безумовно активізують публічну сферу автор виділяє вибори законодавчої та виконавчої влади. Для того, щоб вибори можна було співвіднести як і з політичною, так і з публічною сферою, необхідно провести виокремлення громадянського суспільства і політики.

Ключові слова: публічна сфера, громадянське суспільство, вибори, реклама, влада.

Арудов М. С. Діалог суспільства і влади, або пошук громадянської злагоди // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 45-55.

В статті розглядається можливість діалогу суспільства і влади. На думку автора, політика мультикультуралізму являє собою інструмент діалогу з орієнтиром на досягнення громадянської злагоди в умовах соціокультурного плюралізму.

Ключові слова: суспільство, влада, громадянська злагода, мультикультуралізм, соціокультурний плюралізм.

Допушинський І. М. Громадянське суспільство пострадянської Росії: витоки, реальність, перспективи // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 56-63.

В статті автор наводить аналіз етапів формування поняття “громадянське суспільство” в пострадянській Росії. Досліджує його витоки, реальність і перспективи.

Ключові слова: громадянське суспільство, держава, закон, лібералізм, влада.

Тихомирова Є. Б. Держава та громадянське суспільство в ідеології сучасного глобалізму та альтерглобалізму // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 64-72.

У статті розглядається проблеми держави та формування громадянського суспільства в контексті інтенсифікації взаємозв'язків і взаємовідносин між країнами та суспільствами в умовах глобального поступу. Автор аналізує різні підходи, властиві глобалізму та альтерглобалізму, до розгляду питань політичного розвитку та громадянського суспільства.

На думку автора, альтерглобалістські концепції держави та громадянського суспільства відрізняються не лише від трактувань глобалістів, а і від попередніх й тепер існуючих опозиційних капіталізму ідеологій та рухів. Альтерглобалісти не пропонують створення іншої ідейно-політичної системи. Вони прагнуть побудувати глобальне громадянське суспільство як протипагу глобальним політичним структурам, а не як заміну їх.

Ключові слова: держава, громадянське суспільство, глобалізація, альтерглобалізм.

Шоркін О. Д. Умови діалогу суспільства і влади // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 73-79.

В статті розглядається умови діалогу суспільства та влади. Автор стверджує, що для наявності діалогу необхідно здійснення визначених комунікативних умов. Виділяє форми комунікації і окреслює перешкоди діалогу суспільства та влади.

Ключові слова: суспільство, влада, діалог, комунікація, демократія.

Туркіна І. Є. Роль і місце конституційної моделі державності в політичній системі демократичного суспільства // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 80-87.

Автор визначає роль і місце конституційної моделі державності в політичній системі демократичного суспільства.

Ключові слова: держав, політична система, демократичне суспільство, конституція.

Запрудський Ю. Г. Природа політичного: протиріччя і конфлікти політичної влади // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 88-95.

В статі здійснена спроба ще раз усвідомити природу політичного, виокремити її функції та типи, а також зрозуміти феномен існування.

Ключові слова: політичний режим, конфлікт, влада, суспільство.

Кузьмін М. М. Типологія відносин влади і суспільства: традиційна культура, модерн, постмодерн // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 96-103.

В статті розглянуті емпіричні форми взаємовідносин влади і суспільства і підкреслюється їх різноманітність. Автор наполягає на необхідності осмислення цієї різноманітності і вимагає окремої класифікації.

Ключові слова: влада, суспільство, традиційна культура, модерн.

Прімишев І. М. Розвиток форм спілкування влади з громадськістю як чинник соціально-економічного розвитку регіону // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2003. – Т. 17 (56). №2. – С. 104-112.

Досліджено можливість налагодження діалогу між органами влади та громадськістю, в тому числі опозицією в умовах формування демократичного суспільства. Відображено нормативно-правове забезпечення розвитку відповідних служб та кадрової політики по відношенню до “публік рілейшнз” органів влади. Наведено приклади форм і методів “публік рілейшнз” органів влади в Автономній Республіці Крим.

Ключові слова: демократія, суспільство, влада, діалог, “публік рілейшнз”.

Леухіна А. Г. Фактори, що впливають на взаємодію між об’єднаннями громадян і органами влади // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 113-120.

Стаття присвячена вивченню інституційних можливостей об’єднань громадян і органів державної влади, як факторів, що впливають на характер і зміст взаємодії між ними. Основна гіпотеза дослідження, як висновок підтверджена автором: інституційні можливості органів державної влади і об’єднань громадян істотно впливають на спроможність цих суб’єктів конструктивно і результативно співробітничати. Автор аналізує існуючий рівень взаємодії між об’єднаннями громадян і органами влади в Україні, виокремлює основні складові взаємодії і описує характерні риси інституційних можливостей обох суб’єктів, що впливають на формування рівня співробітництва.

Ключові слова: суспільство, об’єднання громадян, влада.

Черепенко О. О. Розвиток взаємодії між суспільством і державою в сучасній Україні в контексті диктаторської історичної традиції // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 121-128.

Стаття розглядає взаємодію між владою та суспільством в Україні в рамках моделей поведінки, традиційних для даної політичної системи. Моделі політичної поведінки, як мас так і еліт, спираються на історично сформовані практики функціонування диктаторських політичних систем, остання з яких – радянська, існувала на засадах інститутів демократії. Підкреслюється, що в Україні діалог між владою та суспільством є можливим лише в разі складання принципово нових практик функціонування інститутів демократії.

Ключові слова: суспільство, влада, демократія, політична система, демократичні інститути.

Філатов А. С. Політична реформа: Український варіант // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 129-135.

В статті розглядаються проблеми реформування політичної системи українського суспільства, дається аналіз функціонування виконавчої влади. Автор пропонує відлічати політичні партії на базі їх функціональних признаков. Їм корелюється поняття політичної реформи і виборчої реформи. В загалі процес політичного реформування в умовах транзитного суспі-

льства характеризується с рахунком демократичних принципів и статусу громадянського суспільства.

Ключові слова: влада, громадянське суспільство, демократично суспільство, виборна система, політична реформа, політична партія

Смий О. М. Зовнішній фактор функціонування демократичної політичної системи в Україні // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 136-145.

В статті розкривається роль зовнішнього фактору в формуванні української демократичної політичної системи як одиниці політологічного аналізу. Аналізується теоретико-метолологічні засоби оптимізації впливу внутрішнього і зовнішнього факторів політичного розвитку. Вводиться поняття донорського енергетичного потенціалу політичної системи. Доводиться асиметричність оптимізуючої модернізаційної стратегії України.

Ключові слова: демократія, політична система, політичний розвиток, політологічний аналіз.

Науmkіна С.М. Тенденції та перспективи розвитку партійно-політичної сфери в Україні // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 146-153.

Автор аналізує партійну систему України, надаючи особливу увагу умовам і факторам, що сприяють її становленню.

Ключові слова: партійна система, партійно-політична сфера, громадянське суспільство, влада.

Дегтеренко О.М., Булик М.В. Політичні програми як фактор впливу на суспільство на прикладі виборів до Верховної Ради України 2002 р. в м. Маріуполі // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 154-162.

В статті розглядаються політичні програми як фактор впливу на суспільство під час передвиборчої кампанії. Для того, щоб зрозуміти особливості формування політичних програм в Україні, автори аналізують їхню специфіку, цілі і функції. Висновки, що наводяться у статті, свідчить, що політичні програми відіграють на сьогодні другорядну роль у передвиборчій кампанії.

Ключові слова: політична програма, передвиборча кампанія, політичні партії, вибори, суспільство.

Стариш О. Г. Суспільна свідомість у контексті глобалізації: генеза, стан, перспективи // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 163-170.

В статті розглядається зміни суспільної свідомості крізь призму глобалізації з урахуванням політичних, економічних і соціальних факторів.

Ключові слова: суспільна свідомість, глобалізація, цивілізація, ойкумена, інформатизація.

Цикуренко С. Г. Інтеграція кримських татар в українське суспільство: основні досягнення і проблеми // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 171-179.

В статті наведений аналіз основних тенденцій процесу інтеграції кримських татар до українського суспільства і кримського соціуму. За роки незалежності були досягнуті позитивні результати, однак через складність та суперечливість процес інтеграції стикається з низкою проблем. Серед них автор виокремлює політико-правові, соціально-економічні, а також проблеми безпеки.

Ключові слова: інтеграція, кримський соціум, безпека, держава, національні меншини.

Шульга М.А. Геополітичне положення концепції євразійства // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 189-200.

У статті аналізується концепції видатних представників геополітичної теорії євразійства, таких як П. Савицький, М. Трубецької, А. Кизеветтер. Автор розглядає концепцію євразійства як базову для суспільно-політичної думки Росії загалом, так і для геополітичного напрямку зокрема.

Ключові слова: євразійства, геополітика, Євразія, Росія.

Горенкін В.А. Глобальні тенденції розвитку регіоналізму // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №2. – С. 201-206.

В статті розглядаються низка моделей політичного устрою світу. Автор, аналізуючи різні концепції (цивілізаційну, постіндустріальну, ліберально-демократичну), вказує на глобальні тенденції розвитку регіоналізму.

Ключові слова: регіоналізм, цивілізація, постіндустріальне суспільство, держава, нація.

SUMMARY

Gabrielyan O. Theory and Practice of Civil Society in Ukraine Forming // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 3-15.

Main idea of article is to analyze the real stage of civil society in Ukraine building. Author suggested to study not utopian ideas, but practice of civil society building in Western civilization practice. Try to understand opportunities of civil society in Ukraine building and development.

Key words: civil society, democracy, ideal type, Western civilization, Western society.

Chemshit A. Policy of Nation Integration as Factor in Civil Society in Ukraine Forming // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 16-26.

Causes of modernization syndrome in Ukraine have been explored. It was showed, that on contemporary stage of political development for preservation of democracy character of political system of the state policy of Nation integration is needed. Strategic and tactic aspects of social environment building have been presented with the main goal of civil society institutions forming.

Key words: modernization syndrome, political system, democracy, nation integration, civil society.

Lagutin A. Political Process as an Instrument of Civil Society Building (Ukrainian Experience) // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 27-36.

Author understood forming of civil society institutes as main ground establishing and building of modern democratic state. The main goal of the article is analysis of political process influence to civil society.

Key words: civil society, political process, democracy, political elite.

Sviatovets O. Features of Public Sphere in Civil Society // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 37-44.

Public sphere is seen as one of the autonomous field, as space, where civil thinking have been “born and crystallized”. To correlate the election with both political and public sphere we need to identify civil society and politics.

Key words: public sphere, civil society, election, advertisement, power.

Arudov M. Dialogue of Society and Power or Search of Civil Concord // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 45-55.

Possibility of dialogue between society and power have been examined in the article. In idea of author policy of multiculturalism is special tool of dialogue with orientation to achieving of civil concord in socio-cultural pluralism environment.

Key words: society, power, civil concord, multiculturalism, sociocultural pluralism.

Lopushansky I. Civil Society in Post-Soviet Russia: Cradle, Reality, and Perspective // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 56-63.

Analysis of stages in forming of definition “civil society” in post-Soviet Russia have been presented by the author. Roots, reality, and perspective of civil society in Russia have been discussed.

Key words: civil society, state, law, liberalism, power.

Tihomirova E. State and Civic Society in Ideology of Modern Globalism and Alterglobalism // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 64-72.

Article deals with problems of state and forming the civil society in the context of intensification of interrelations and interdependences between states and societies under conditions of global

progress. Author analyzes different approaches peculiar to globalism and alterglobalism about questions of political development and civic society.

In author's opinion, alterglobalistic conceptions of state and civil society differ not only from interpretation of globalists, but also from present ideologies which are opposite to capitalism. Alterglobalists do not offer creation of different ideo-political system. They aspire to build global civic society as counterweight for global political structures, and not their change.

Key words: state, civic society, globalization, alterglobalism.

Shorkin A. Conditions of Society and Power Dialogue // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 73-79.

Conditions of dialogue between society and power have been described. Author affirms that existence of dialogue we need certain communicative conditions.

Key words: society, power, dialogue, communication, democracy.

Turkina I. Role and Place of Constitutional Model in Political System of Democratic Society // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 80-87.

Author has defined role and place of constitutional model in political system of democratic society.

Key words: state, political system, democratic society, Constitution.

Zaprudsky Y. Nature of Political: Contradiction and Conflict of Political Power // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 88-95.

Nature of Political have been presented in the article. Typology and functions of the Nature and phenomenon of the Existence have been identified.

Key words: political regimes, conflict, power, society

Kuzmin N. Interaction of Power and Society Typology: Traditional Culture, Modern, and Postmodern // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 96-103.

Empiric forms in interaction of power and society have been discussed in the article. Author underlined its diversity.

Key words: power, society, traditional culture, Modern.

Primyshev I. Development of Forms of a Dialog Between Authority and People as a Factor of Socio-Economic Development of the Region // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 104-112.

Has been researched an opportunity of establishing a dialog between authorities and community including opposition under conditions of forming of democratic society. Has been reflected legal ensuring of proper services and manpower policy in respect of public relations of authorities. Have been given examples of forms and methods of public relations of authorities in the Autonomous Republic of Crimea.

Key words: democracy, dialogue, society, power, "public relations".

Leukhina A. Factors Which Influence Interaction Between Community Unions and Power Bodies // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 113-120.

This article explores NGO and state agencies; institutional capacities as factors, which influence interactions between them. The main hypothesis of this research, later confirmed by the author is as following: Institutional capacities of state agencies and NGOs have a significant influence on their capability to cooperate effectively and constructively. The author analyzes the existing level of

interaction between NGOs and state authorities in Ukraine, looks at main components of institutional interaction and provides analysis of institutional capacities of both parties, which influence establishment of cooperation between them.

Key words: society, community union, power.

Cherepenko A. The Development of Interactions Between Society and the State in Contemporary Ukraine in the Frame of Dictatorial Historical Tradition // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 121-128.

The article is about the co-operation between the society and the power in Ukraine within the limits of the conduct models being traditional for this political system. The models of political conduct (both masses and elites) lean against the practices of the functioning of the dictatorial political systems. The last one – Soviet - existed on the basis of the institutions of democracy. An emphasis laid on the dialogue between the power and the society in Ukraine that could be possible only in the case of working out of the new practices of the functioning of democratic institutions.

Key words: society, power, political system, democracy, democratic institutes.

Filatov A. Political Reform: the Ukrainian Variant // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 129-135.

In article problems of reforming of political system of the Ukrainian society are considered, the analysis of functioning of an executive branch of authority contains. The author suggests to classify political parties on the basis of their functional attributes. He correlates concepts of political reform and selective reform. As a whole process of political reforming in conditions of a transit society is characterized in view of democratic values and a condition of a civil society.

Key words: authority, a civil society, a democratic society, an electoral system, political reform, political party.

Smiy A. External Factor of Democracy Political System in Ukraine Functioning // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 136-145.

External factor in forming of Ukrainian democratic political system as unit of political analysis have been described in the article. Analyzing theory and methodology tools in optimizing of internal and external interaction factor of political development.

Key words: democracy, political system, political development, political analysis.

Naumkina S. Tendency and Perspective of Party and Political Sphere Development in Ukraine // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 146-153.

Author analyzed party system of Ukraine, with great deal to conditions and factors of its building and development.

Key words: party system, party political system, civil society, power.

Degterenko A., Bulyk M. Political Programs as Factor of Influence to Society on Example of Election to Verkhovna Rada of Ukraine in 2002 in Mariupol // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 154-162.

Political programs as factor of influence to society during election campaign have been presented in the article. In case to understand feature of political program forming in Ukraine, author analyzed its specific, goals and functions.

Key words: political program, election campaign, political parties, election, society.

Starysh O. Social Consciousness in Contest of Globalization: Genesis, Stay, and Perspectives // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 163-170.

Changes in social consciousness in the light of globalization have been described in the article. All changes have been formed with consideration of political, economic, and social factors.

Key words: social consciousness, globalization, civilization, oicumena, informatization.

Tsykurenko S. Crimean Tatar Integration in Ukrainian Society: Basic Achievements and Problems // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 171-179.

Analysis of basic tendencies of Crimean Tatar integration to Ukrainian and Crimean society has been presented in the article. For years of Independence positive results have been achieved, but in same time because of difficulties and antipathy integration process faces with series of problems. Author has identified politico-legal, socio-economic, and also security problem.

Key words: integration, Crimean society, security, state, ethnic minority.

Shulga M. Geopolitical Stage of Eurasia Concept // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 189-200.

Concepts of astonished representatives of Eurasia geopolitical theory, such as P. Savitsky, N. Trubeckoy, A. Kasewetter, have been analyzed in the article. Author understand Eurasia concept as a base for socio-political thought in Russia, in general, and for geopolitical school, particularly.

Key words: Eurasia, geopolitics, Russia.

Gorenkin V. Global Tendencies in Regionalism Development // Uchenye zapiski TNU. Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #2. – P. 201-206.

Series of World political order models have been presented in the article. Author in analyzing of different concepts (civilization, postindustrial, liberal-democracy) identified global tendencies of regionalism development.

Key words: regionalism, civilization, postindustrial society, state, nation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Арудов М. С.** – соискатель кафедры политических наук ТНУ.
- Булик М. В.** – старший преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики Мариупольского гуманитарного института.
- Габриелян О. А.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук ТНУ.
- Горенкин В. А.** – ассистент кафедры политических наук ТНУ.
- Дегтеренко А. М.** – студентка V курса исторического факультета Мариупольского гуманитарного института.
- Запрудский Ю. Г.** – доктор философских наук, профессор кафедры политических институтов и процессов факультета социологии и политологии Ростовского государственного университета.
- Кузьмин Н. Н.** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института Национального университета внутренних дел.
- Кулагин Ю. И.** – кандидат философских наук, доцент Киевского национального торгово-экономического университета.
- Леухина А. Г.** – аспирант Национального университета «Киево-Могилянская Академия».
- Лопушанский И. Н.** – кандидат исторических наук, доцент.
- Наумкина С. М.** – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук Южноукраинского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.
- Новоженкина Н. О.** – аспирантка кафедры политологии и геополитики Северо-западной академии государственной службы (Российская Федерация).
- Примишев И. М.** – кандидат экономических наук, заведующий аналитическим отделом управления информации, анализа и протокола секретариата ВС АР Крым.
- Святовец О. В.** – студентка магистратуры социологического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.
- Смий А. М.** – ассистент Севастопольского института экономики и права Московской академии труда и социальных отношений.
- Станкевич Л. Т.** – кандидат философских наук, доцент кафедры по связям с общественностью Северо-западной академии государственной службы (Российская Федерация).
- Старши А. Г.** – кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Крымского филиала института стратегических исследований.
- Тихомирова Е. Б.** – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой международной информации Ровненского института славяноведения.
- Туркина И. Е.** – аспирант кафедры философских и социальных наук Севастопольского национального технического университета.
- Филатов А. С.** – кандидат философских наук, руководитель Центра этносоциальных исследований при кафедре политических наук ТНУ.
- Цыкурченко С. Г.** – директор Крымского филиала института стратегических исследований.
- Черенченко О. О.** – старший преподаватель Мариупольского гуманитарного института.
- Чемшит А. А.** – кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских и социальных наук Севастопольского национального технического университета.
- Шоркин А. Д.** – доктор философских наук, профессор, декан философского факультета ТНУ.
- Шульга М. А.** – доцент кафедры политологии Киевского университета им. Тараса Шевченка.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Габриелян О. А.</i> Теория и практика формирования гражданского общества в Украине.....	3
<i>Чемшист А. А.</i> Политика национальной интеграции как фактор формирования гражданского общества в Украине.....	16
<i>Лагутин А. В.</i> Политический процесс как инструмент построения гражданского общества (украинский опыт).....	27
<i>Святовец О. В.</i> Особенности публичной сферы гражданского общества.....	37
<i>Арудов М. С.</i> Диалог общества и власти, или поиск гражданского согласия.....	45
<i>Лопушанский И. Н.</i> Гражданское общество постсоветской России: истоки, реальность, перспективы.....	56
<i>Тихомирова С. Б.</i> Держава та громадянське суспільство в ідеології сучасного глобалізму та альтерглобалізму.....	64
<i>Шоркин А. Д.</i> Условия диалога общества и власти.....	73
<i>Туркина И. Е.</i> Роль и место конституционной модели государственности в политической системе демократического общества.....	80
Запрудский Ю. Г. Природа политического: противоречия и конфликты политической власти.....	88
<i>Кузьмин Н. Н.</i> Типология отношений власти и общества: традиционная культура, модерн, постмодерн.....	96
<i>Прімишев І. М.</i> Розвиток форм спілкування влади з громадськістю як чинник соціально-економічного розвитку регіону.....	104
<i>Леухіна А. Г.</i> Взаємодія об'єднань громадян та органів державної влади: вплив інституційної спроможності.....	113
<i>Черепченко О. О.</i> Розвиток взаємодії між суспільством і державою в сучасній Україні в контексті диктаторської історичної традиції.....	121
<i>Филатов А. С.</i> Политическая реформа: украинский вариант.....	129
<i>Смий А. М.</i> Внешний фактор функционирования демократической политической системы в Украине.....	136
<i>Наумкіна С. М.</i> Тенденції та перспективи розвитку партійно-політичної сфери в Україні.....	146
<i>Дегтеренко А. М., Булик М.В.</i> Політичні програми як фактор впливу на суспільство на прикладі виборів до Верховної Ради України в 2002 р. в м. Маріуполі.....	154
<i>Старши А. Г.</i> Общественное сознание в контексте глобализации: генезис, состояние, перспективы.....	163
<i>Цыкуренко С. Г.</i> Интеграция крымских татар в украинское общество: основные достижения и проблемы.....	171
Тезиси к докладу	
<i>Кулагін Ю. І.</i> Ідеологія громадянської злагоди для України: теоретична можливість та концептуальні ознаки.....	180

<i>Новоженіна Н. О. Станкевич Л. Т. Россия на пути к электронному правительству.....</i>	184
<i>К дискуссии</i>	
<i>Шульга М. А. Геополітичні положення концепції євразійства.....</i>	189
<i>Горенкин В. А. Глобальные тенденции развития регионализма.....</i>	201
<i>Рецензии</i>	
<i>Чемшит А. А. «Философия политики» в украинском образовательном пространстве.....</i>	207
<i>Аннотации.....</i>	209
<i>Анотації.....</i>	214
<i>Summary.....</i>	219
<i>Сведения об авторах.....</i>	223